Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

О.Е. Воронова

СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ: ТИПОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИИ

Монография

Рязань 2018

УДК 355.01:32.019.51
ББК 68.015
В75

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина
в соответствии с планом изданий на 2018 год

Рецензенты

Е.Ю. Коломийцева, д-р филол. наук, проф., заведующая кафедрой журналистики Московского государственного института культуры;
А.С. Соколов, д-р ист. наук, проф., заведующий кафедрой истории и философии Рязанского государственного радиотехнического университета
А.Г. Голодов, д-р филол. наук, проф. кафедры германских языков и методики их преподавания Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина

Воронова О.Е.

В75 Современные информационные войны: типология и технологии : монография / О.Е. Воронова ; Ряз. гос. ун-т. имени С.А. Есенина. — Рязань, 2018. — 188 с.

ISBN 978-5-906987-47-1

В монографии даётся системный анализ типологических и терминологических проблем современной теории информационных войн. Представлена авторская концепция классификации современных информационных войн, в которой выделены три крупных блока: информационно-психологические войны, информационно-технотронные и информационные гибридного типа с психоактивным и технотронным компонентами. Дана характеристика ментальных, консциентальных, когнитивных, контентных, психоисторических, поведенческих, сетецентрических войн, «войн памяти», «кибервойн». Введены в научный оборот понятия «гражданская сетевая война», «кибертеррористическая война». Рассмотрены технологии, методы и приёмы ведения информационных войн в контексте новых глобальных угроз и геополитических стратегий (доктрины «управляемого хаоса», стратегии «непрямых действий», технологии метапрограммирования, операций информационно-психологического влияния в структурах «мягкой силы», «цветных революций» и «гибридных войн»).

Монография предназначена для научных работников, специалистов информационной сферы, журналистов, политологов, преподавателей, аспирантов и студентов вузов.

теория информационных войн, информационно-психологические войны, информационно-технотронные войны, информационные войны гибридного типа, кибервойны, технологии метапрограммирования, стратегия непрямых действий, медиаманипулирование, кибертерроризм, геополитические стратегии

УДК 355.01:32.019.51
ББК 68.015

ISBN 978-5-906987-47-1

© Воронова О.Е., 2018
© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. Информационные войны: проблемы типологизации 5

ГЛАВА 1. Информационные войны в системе геополитических реалий современного мира 10

ГЛАВА 2. Информационно-психологические войны как часть «стратегии непрямых действий» 20

ГЛАВА 3. Технологии ведения современных информационных войн: общие принципы 26

3.1. Технология метапрограммирования 28
3.2. Технология рефлексивного управления 32
3.3. Технология социальной индукции 35
3.4. Технология информационной блокады 36
3.5. Технология дезинформации 37
3.6. Технология провокации 39
3.7. Технология киберсимуляции и астротурфинга 41
3.8. Технология противодействия информационным атакам 43

ГЛАВА 4. Типология информационных и информационно-психологических войн нового поколения 47

4.1. Информационно-психологические войны 48

4.1.2. Войны на поражение национального сознания, воли, интеллекта 48
Ментальные войны 48
Консциентальные войны 56
Когнитивные войны 59
Контентные войны 61

4.1.3. Войны на разрушение исторической памяти народов 63
«Войны памяти» 63
Психоисторические войны 73

4.2. Информационно-технотронные войны 78

4.2.1. Кибервойны и хакерские войны 78
4.2.2. Сетецентрические войны 82
4.2.3. Информационно-алгоритмические войны 84

4.3. Информационные войны гибридного типа
с психоактивным и технотронным компонентами 85

4.3.1. Гражданские сетевые войны 85
4.3.2. Поведенческие войны 87
4.3.3. Кибертеррористические войны 90
4.3.4. Информационно-психологическое противоборство
в контексте событий на Украине 101

ГЛАВА 5. Информационно-психологическое воздействие
как «мягкосиловое» оружие в современной
мировой политике 110

ГЛАВА 6. Операции информационно-психологического
влияния в реализации доктрины «управляемого хаоса» 118

ГЛАВА 7. «Цветные революции» как модификация
гражданских сетевых войн 127

ГЛАВА 8. Гибридный характер современных
информационных войн 138

ГЛАВА 9. Приёмы и методы информационной войны
в системе медиамани-пулирования.....143

ГЛАВА 10. Информационно-психологическое противоборство
в контексте новых глобальных угроз 160

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Ментальный ресурс нации как фактор
цивилизационной безопасности России 167

Список использованной литературы
и электронных ресурсов 176

ВВЕДЕНИЕ

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИЗАЦИИ

Вторая половина XX — начало XXI века характеризуются появлением войн нового поколения, существенно изменивших мировой геополитический ландшафт.

По мнению аналитиков, на смену эпохе «классических» (горячих) войн пришли «постмодернистские» войны «бесконтактного», «асимметричного», «диффузного», «симбиотического» типа [1].

Так, размышляя о типологическом многообразии современных «неклассических» войн, их «гибридном» характере, известный военный политолог Александр Неклесса применяет термин «постсовременная война». «В XXI веке, — отмечает начальник Генштаба России Валерий Герасимов, — наметилась тенденция к стиранию границ между миром и войной. Войны уже не объявляют официально и больше не следуют установленным правилам» [2].

«Война нового типа — не просто война за захват, за передел мира, за рынки сбыта и др. Это война гораздо более глубокая и масштабная за всю последующую эволюцию человека, — отмечают современные исследователи. — Война нового типа характеризуется исчезновением чётких разграничений между военными и мирными средствами, профессиональными военнослужащими и гражданскими лицами, фронтом и тылом» [3].

«Холодная война», длившаяся несколько десятилетий, стала водоразделом между войнами традиционного и нового типа, в которых военно-силовые технологии уступили место информационно-идеологическим, говоря метафорически, — «войнам разума», «войнам сознаний», «войнам идей». Как отмечает политолог А. Полтораков, «в рамках этой тенденции именно информационная составляющая стала ключевым элементом геостратегических противостояний современности. Классическая военно-силовая компонента вы-

---

[1] См.: Почепцов Г. Информационно-политические технологии. М. : Центр, 2003. С. 215.

[2] Цит. по: Неклесса А. Гибридная война. Облик и палитра вооружённых конфликтов в XXI веке // Экономические стратегии. 2016. № 8. С. 82. См. также: Неклесса А., Ютанов Н. Война в сложном мире // Стратегия России. 2016. № 10. С. 35–50.

[3] Чекинов С.Г., Богданов С.А. Эволюция сущности и содержания понятия «война» в XXI столетии // Военная мысль. 2016. № 1. С. 41.

полняет скорее вспомогательную функцию, выступая в роли отнюдь не приоритетного этапа реализации стратегий и контрстратегий» [4].

На этом фоне всё более активно формируется новое направление научных исследований. «На наших глазах, — отмечают военные аналитики, — происходит становление новой отрасли прикладной науки — *теории информационных войн*. Пренебрежение её знаниями приводит к потере суверенитетов государств, банкротству транснациональных корпораций, потере капитала и власти» (курсив мой. — *О.В.* [5]) [6].

К числу ключевых малоизученных проблем этой новой сферы научного знания относятся, по нашему мнению, проблемы типологизации и формирования терминологического аппарата.

Дело в том, что на данный момент отсутствует научно обоснованная *классификация типов информационных войн*. Их наименования используются разными авторами достаточно произвольно. Описание различных видов информационных войн нередко совпадает в ключевых моментах, хотя их предмет, объект, механизмы воздействия в реальности существенно отличаются друг от друга. Не всегда чётко разграничиваются в работах исследователей даже такие ключевые понятия, как «информационная» и «информационно-психологическая» войны; нередко «информационные» и «кибернетические» войны («кибервойны») выступают в качестве синонимических понятий; у некоторых авторов совпадают и объекты воздействия ментальных, консциентальных, когнитивных, контентных войн, нацеленные на различные сегменты массового сознания. В ряде исследований трудно различимы границы между «войнами памяти» и «психоисторическими» войнами, «сетевыми» и «сетецентрическими», а также войнами «поведенческого» и «информационно-алгоритмического» типа.

Некоторые исследователи, например, выделяют в качестве вполне самостоятельных видов информационные и когнитивные войны, поскольку видят принципиальные различия между ними в использовании основного — информационного — оружия. Как считает автор данной концепции А. Полтораков, если «в рамках *информационной* парадигмы целевым группам (потенциальным жертвам из страны-мишени. — *О.В.*) предлагается преимущественно информационное “сырьё” для дальнейшего осмысления», то «в рамках *когнитивной* парадигмы предлагают (а порой навязывают) уже готовый продукт информационно-аналитического характера» [7]. Дру-

---

[4] Полтораков А. «Когнитивные войны» как особый тип политико-информационных противостояний // Россия навсегда : нар. ведомости. 2014, 3 февр. URL : http://www.rossiyanavsegda.ru/read/1709 (дата обращения: 15 янв. 2018)

[5] Здесь и далее по тексту в цитатах выделения курсивом наши (*О. В.*)

[6] Бухарин С.Н., Цыганов В.В. Методы и технологии информационных войн. М. : Академический проект, 2007. С. 10.

[7] Полтораков А. «Когнитивные войны» как особый тип политико-информационных противостояний.

гим отличием, по его же мнению, является то, что организаторы информационных войн *интерпретируют* реальные события в нужном им ключе, а политтехнологи когнитивных войн *конструируют* те же события под «заказной» политический сценарий.

Если одни учёные разводят информационные и когнитивные войны в разные «ячейки» классификационной системы, то другие рассматривают информационную войну как часть разворачивающейся *мировой когнитивной войны* [8]. Так, В. Лепехин подчёркивает, что «центры организации *когнитивной войны* в иерархии мирового глобального управления находятся *над* центрами *информационной войны*, ибо их предмет — стратегии мирового развития, в то время как главной задачей западных СМИ становится информационно-коммуникационное обслуживание этих центров» [9].

Интересно, что точно так же, как об особом типе войны, не включаемом в парадигму информационных войн, говорят учёные о *консциентальной войне*. Один из авторов этой концепции Юрий Громыко пишет: «Война на цивилизационную перевербовку и переделку идентичности (т. е. консциентальная война. — *О.В.*) — это совершенно новая реальность по отношению к идеологическому противостоянию, информационной войне и контрпропаганде. Эти ценности и есть основа цивилизационной идентичности» [10].

Следует подчеркнуть, что различные авторы предлагают собственные классификации войн нового поколения, использующих информационное оружие. Так, известные эксперты в данной области Елена Ларина и Владимир Овчинский пишут: «Представляется, что и в практическом, и в содержательном плане можно выделить три основных типа информационных войн. Это *ментальные*, или *психологические*, войны, *кибервойны* и *поведенческие* войны». Далее в их работе следует пояснение: «Ментальные (психологические) — это контентные войны, имеющие своей целью изменение массового, группового и индивидуального сознания или психики. В процессе ментальных войн идёт борьба за умы, ценности, установки и т. п. Что касается кибервойн, то это целенаправленное деструктивное воздействие информационных потоков в виде программных кодов на материальные объекты и их системы. Отдельная тема — это поведенческие войны. Поведенческое оружие — это оружие завтрашнего дня» [11]. В целом соглашаясь с данной классификацией, мы

---

[8] См.: Лепехин В. Что такое когнитивная война и можно ли в ней победить. URL : https://ria.ru/zinoviev_club/20160426/1420518962.html (дата обращения: 15 янв. 2018)

[9] Там же.

[10] Громыко Ю. Консциентальное оружие и консциентальные войны // Гуманитарные технологии : аналит. портал. URL : http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2007/782 (дата обращения: 15 янв. 2018)

[11] Ларина Е.С., Овчинский В.С. Поведенческие конфликты — оружие завтрашнего дня. URL : http://www.ng.ru/ng_politics/2014-11-18/15_conflict.html (дата обращения: 15 янв. 2018)

всё-таки считаем, что ментальные и контентные войны относятся к разным типам информационно-военных стратегий.

О том, насколько эффективными могут быть результаты информационно-психологической войны любого типа — ментального, когнитивного, консциентального и других, свидетельствует волна прокатившихся по миру «цветных революций» и «гибридных войн», от которых не застрахована и Россия. Во всяком случае, именно об этом заставляют задуматься слова, которые произнёс известный американский политик, претендовавший на должность Президента США во время избирательной кампании 2012 года Митт Ромни: «Россия — наш геополитический враг № 1. Наша задача — заставить Россию пожирать себя изнутри, внеся смуту и раздор в общество этой страны. То, что не получилось сделать сегодня у мистера Навального, завтра получится у многих тысяч таких же, как он. Мы заставим Русских взяться за оружие! Мы настроим чеченцев, татар, башкир, дагестанцев против Русских… И когда мы введём свои войска в эту страну, защищать её будет некому, потому что мы давно истребили дух патриотизма в русских, превратив их в нацию злобных, мелочных, завистливых нелюдей. Мы заставим ненавидеть их свою страну, ненавидеть друг друга, ненавидеть собственную нацию. Русских больше нет. Мы их уничтожили. Мы разрушили СССР, мы разрушим и Россию» [12].

Информационные, в том числе информационно-психологические, войны превратились сегодня в доминирующее средство мировой политики.

Исходя из возрастающей роли этого фактора в контексте новых глобальных угроз, *актуальности, теоретической и практической значимости* изучения самого феномена информационных войн, а также связанных с ними типологических и терминологических аспектов, в данной работе представлена авторская концепция классификации наиболее значимых типов информационных войн и их разновидностей. С этой целью выделены три крупных блока: 1) информационно-психологические войны; 2) информационно-технотронные войны; 3) информационные войны гибридного типа (с психоактивным и технотронным компонентами), а также более десяти их подвидов.

Впервые введены в научный оборот понятия «гражданская сетевая война» и «кибертеррористическая война».

Системным и детальным подходом к анализу и решению поставленной проблемы обусловлена *научная новизна* проведённого исследования.

---

[12] URL : https://newsland.com/user/4297837939/content/my-razrushili-sssr-my-razrushim-i-rossiiu/5815213 (дата обращения: 15 янв. 2018)

В монографии дана подробная характеристика технологий, методов и приёмов медиаманипулирования, применяемого в ходе информационно-психологических войн. Рассмотрены информационно-психологические механизмы воздействия на массовое сознание, используемые в процессе «цветных революций» и «гибридных войн» в качестве «мягкосилового» оружия, инструмента «управляемого хаоса» и стратегии «непрямых действий» в современной глобальной политике.

ГЛАВА 1

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ В СИСТЕМЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Своеобразие современной геополитической ситуации состоит в том, что противоборство между различными *центрами сил* приобрело в наше время особый, информационный характер. При этом выяснилось, что последствия информационных войн могут быть такими же разрушительными и глобальными, как и последствия обычных войн. Именно в результате поражения в информационной войне было разрушено такое могучее государство, как СССР. Вместе с Советским Союзом были разгромлены и вытеснены с передовых позиций коммунистическая идеология, мировая система социализма.

Возникновение Интернета ещё более усилило эффективность информационных войн. С его появлением исчезли информационные барьеры между государствами, а противоборствующие информационные силы получили возможность беспрепятственно вторгаться на чужие территории, завладевать сознанием населения страны-противника, подрывая её изнутри, и тем самым решать свои стратегические задачи. Поэтому аналитики сходятся во мнении, что в современных условиях «информационная война есть основное средство современной мировой политики, доминирующий способ достижения духовной, политической и экономической власти» [1].

Что же такое информационные войны?

Информационная война — это система целенаправленных действий, предпринятых для достижения информационного превосходства над информационными системами противника при одновременной защите собственного информационного пространства.

Понятие «информационная война» возникло в последней четверти XX века. К числу авторов этого понятия относят канадского учёного Герберта Маршала Маклюэна (1911–1980), американского медиааналитика Томаса Рона, подготовившего в 1976 году для компании «Боинг» отчёт «Системы оружия и информационная война», ведущего китайского теоретика информационной войны Шэн Вэйгуана, американских военных теоретиков Г. Экклза, Г. Саммерза

[1] Панарин И.Н. Информационная война и геополитика. М. : Поколение, 2006. С. 5.

и др. В 1995 году Национальным институтом обороны США был опубликован труд видного военного аналитика Мартина Либицки, в котором были обозначены 7 типов информационных войн (командно-управленческая, разведывательная, электронная, кибервойна и др.). Среди этих разновидностей особенно выделяется такой тип информационной войны, основу которой составляют «операции против национальной воли», нацеленные на «снижение иммунитета нации, деформации ее ценностей и традиционных установок» [2].

Впервые технологии информационной войны были применены в военных целях в ходе проведения операции НАТО «Буря в пустыне» в Ираке в 1991 году. В активный политический лексикон термин «информационная война» вошёл в начале 1990-х годов в документах министерства обороны США. В дальнейшем из этого понятия выделились информационно-технологический и информационно-психологический аспекты. Термин ***«информационно-психологическая война»*** приобрел самостоятельный статус как вид *информационного противоборства*, основанный на скрытном проникновении в сферу сознания противника с целью замены присущей ему информационной картины мира на выгодную противоположной стороне.

Информационно-психологическая война в современных условиях острой геополитической конкуренции, глобализации политических и экономических процессов, экспансии международного терроризма является важнейшим инструментом достижения политических целей.

Информационно-психологические войны имеют следующие отличия от традиционных войн:

– отсутствие линии фронта;

– объект воздействия — не армия, не материальные объекты противника, а общественное сознание;

– театр военных действий разворачивается не на земле, в небе или на море, а в информационном пространстве.

На первый взгляд, в информационно-психологической войне наличествуют две стороны: субъект и объект воздействия. Однако не менее значимой является «третья» сторона, которая может оставаться до определённого момента нейтральной, но в результате осуществлённой в отношении неё информационной стратегии может склонить «чашу весов» в пользу одной из противоборствующих сторон. Это касается как сферы внешней политики государства в ходе отстаивания им геополитических интересов, так и внутренней (например, во время избирательных кампаний, в борьбе за власть различных политических сил).

---

[2] Libicki M.C. What is Information Warfare? // Strategic Forum. 1995. N 28-3. URL : www.questia.com/library/journal/JGJ-129891565/what-is-information-warfare (accessed: 20 Jan. 2018)

Информационные войны могут вестись как в военное, так и в мирное время. И в том и в другом случае они имеют свою специфику. Если в мирное время главным объектом воздействия является гражданское население, то в условиях боевых действий «главным направлением удара» становится личный состав вооружённых сил противника и система управления армией; в отношении гражданского населения осуществляется своя стратегия демонализации и подавления национальной воли к сопротивлению агрессору.

Анализ показывает, что именно в мирное время информационные войны приобретают наиболее изощрённый характер, поскольку позволяют решать многие задачи геополитического характера без вооружённого вмешательства. Поэтому эксперты говорят о *«преимуществах»*, если можно так выразиться, информационных войн перед традиционными. Они состоят в следующем:

1) последствия их *не менее разрушительны* для страны-мишени вплоть до дестабилизации систем управления страной, разрушения государственности, переформатирования сознания населения, добровольного подчинения политической элиты победившей стороне, получения контроля над территорией и ресурсами побеждённой страны;

2) у информационных войн нет барьеров в виде государственных границ, они *трансграничны*, их воздействие может распространяться на неограниченные расстояния и в течение длительного времени;

3) информационная война *экономична,* ибо не требует затрат на вооружение, обмундирование, техническое оснащение, продовольственное обеспечение огромных армий, их передислокацию;

4) информационная война *бескровна*, так как осуществляется без единого выстрела, без человеческих жертв и разрушений (кровавыми могут стать её последствия — в результате достигнутой хаотизации системы управления страны-мишени, «заражения» её вирусами межэтнической и межконфессиональной напряжённости, подрыва доверия населения к власти, приводящего к массовым волнениям и беспорядкам);

5) информационная война *не предполагает введения вооруженных сил* на территорию страны-противника, а следовательно исключает боевые потери для инициатора войны, сохраняя тем самым морально-психологическую стабильность в рядах армии и гражданского населения собственной страны;

6) в информационной войне используется особый тип «вооружений» — *информационное оружие*, которое, в отличие от традиционных видов оружия, а тем более химического, бактериологического, ядерного, геофизического, не наносит ущерба окружающей среде, что также выгодно стране-агрессору;

7) информационные войны имеют *скрытный* характер, могут решать любые геополитические задачи в любой точке планеты, не требуя официального объявления войны, скрывая намерения и лица истинных её инициаторов из среды политической, военной и бизнес-элиты;

8) информационные войны — это «бои без правил»; технологии ведения информационных войн *не регулируются* никакими правовыми нормами, что предоставляет их организаторам и участникам бóльшую свободу действий.

Особая социальная опасность информационных войн заключается в правовом вакууме, обеспечивающем безнаказанность их инициаторов, так как юридического определения этого понятия, его регламентации нет как в национальных, так и в международных правовых системах. Отсутствие видимых, «материальных» следов осуществлённой агрессии, маскировка её инициаторов, сокрытие до известного момента их истинных намерений, возможность осуществления экспансии «под чужим флагом» не позволяют выявить истинный источник угрозы и привлечь агрессора к уголовной или политической ответственности, распространить на него нормы международного права.

В то же время эффективность информационных войн, соизмеримость результатов информационно-пропагандистского воздействия с опасностью последствий обычной войны признаются всеми военными аналитиками. Это предвидел ещё бывший Президент США Джимми Картер, утверждавший: «Один доллар, вложенный в пропаганду, более эффективен, чем 10 долларов, потраченных на вооружение» [3].

С развитием глобализационных процессов экспансионистский характер информационных войн усиливается, информационно-психологическое противоборство становится инструментом глобальных трансформаций, способным влиять на геополитическую структуру мира, менять мировой порядок и соотношение политических сил: «Информационно-психологическая борьба субъектов геополитической конкуренции становится определяющим фактором в формировании геополитического баланса сил конкурирующих геополитических образований, вносит новые закономерности в формирование новых (и разрушение прежних) геополитических центров силы, полюсов, геополитических союзов и коалиций» [4].

Главные задачи информационной войны:

1) переформатирование общественного сознания страны-противника на ценностные установки, выгодные инициатору информационного воздействия;

---

[3] Зарубежное военное обозрение. 1989. № 3. С. 21.

[4] Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. М. : Горячая линия — Телеком, 2015. С. 12.

2) убеждение мирового сообщества в том, что данная страна является носителем «абсолютного зла»;

3) создание иллюзии мирового единства в борьбе с этим «абсолютным злом» с целью его окончательной изоляции от международного сообщества (как это было во времена правления в США Рональда Рейгана, объявившего Советский Союз «империей зла») и «отчуждение страны-противника от близлежащих государств и диаспор по всему миру» [5] (подобные попытки в отношении России «коллективный Запад» предпринимает сейчас).

Какую же цель преследуют мировые «заказчики» и «исполнители» информационных войн?

Академик РАН, советник Президента РФ по экономическим вопросам С.Ю. Глазьев отвечает на этот вопрос так: «Расчёт делается на поражение общественного сознания противника, дестабилизацию его внутреннего состояния, подкуп продуктивной элиты, разрушение институтов государственной власти и свержение легитимного руководства с последующей передачей власти марионеточному правительству, функции которого сводятся к обслуживанию интересов американского капитала. Именно таким образом США захватили контроль над Северной Африкой, Ираком, Афганистаном, Югославией, Грузией, а теперь — и над Украиной» [6].

Результатом насаждения «демократии по-американски» стал целый ряд антидемократических шагов во внутренней политике ещё недавно близкой нам, братской по духу и истории страны. Одной из таких мер стала дискриминация русского языка, на котором, по данным Международного института Гэллапа на 2014 год, предпочитали общаться 84 % жителей Украины [7], причём в повседневной практике использовали русский язык граждане Украины, проживающие не только на юго-востоке, но и в центральных и западных ее областях, а среди них и политики, и бизнесмены, и представители интеллигенции.

Украинским властям, чтобы окончательно вытеснить русское языковое сознание, придётся воспользоваться «репрессивными методами или формированием тотальной информационной среды, в которой русскому языку места не будет» [8].

О том, что на Украине идёт тотальная зачистка русской языковой среды в СМИ, свидетельствуют многие факты. Так, 2 апреля 2015 года Президент Украины П. Порошенко подписал Закон

---

[5] Некляев С.Э. Информационно-психологическая война в условиях сетевой войны как новая форма угрозы национальной безопасности // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2008. № 5. С. 44.

[6] Глазьев С.Ю. Украинская катастрофа: от американской агрессии — к мировой войне? М. : Книжный мир, 2015. С. 92–93.

[7] См.: Моханти А. Украинский кризис: последствия для мирового порядка // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2014. № 5. С. 46.

[8] Овсянникова О.А. Технологии переформатирования: языковая и конфессиональная дискриминация на Украине // Стратегия России. 2016. № 2. С. 49.

«О внесении изменений в некоторые законы Украины относительно защиты информационного телерадиопространства Украины», который налагает запрет на демонстрацию российских фильмов, содержащих популяризацию, агитацию, пропаганду любых действий российских правоохранительных органов, вооружённых сил. Вследствие принятия этого закона с экранов исчез, естественно, и героический образ советского воина-освободителя, спасавшего Украину от фашистских захватчиков. Более того, другой украинский закон предусматривает уголовное преследование за отрицание того, что бандеровцы боролись с Россией за свободу Украины. Законодательно запрещены также советская и российская символика, а Россия официально объявлена вооружённым агрессором. Полным ходом идёт «война памятников». В прессе постоянно звучат агрессивные призывы: «убить Русский мир», «регулярно очищать своё жизненное пространство от русни». В украинских СМИ, как отмечает известный российский политолог, цитирующий данный украинский сайт, «Русский мир характеризуется как “мир дураков, предателей и подлецов”» [9].

Эксперты относят информационно-психологические войны к войнам нового, *неклассического типа*. При этом «под неклассической войной понимаются войны, в которых объектом поражения служит *сознание* индивида и общества во всех своих формах и структурах с использованием *нефизического насилия* и соответствующих типов оружия» и которые ведутся «*иррегулярным непрямым* способом во всех сферах жизнедеятельности общества» [10].

Информационные войны современные исследователи относят и к типу *асимметричных войн* [11].

Информационные войны в современных условиях могут принимать разные обличия. Так, по мнению экспертов, «на Украине идёт *война менталитетов* и *война языков*. Донецкая и Луганская народные республики ведут войну за русский язык, за русский ментальный мир под названием Новороссия» [12]. Тем самым к разновидностям информационной войны можно отнести *«ментальные» войны,* в ходе которых идёт борьба за умы, мировоззренческие и ценностные установки, имеющая своей целью изменение индивидуального и массового сознания, и *«языковые» войны*, в основе которых лежит борьба за сохранение национальной идентичности и право на защиту национального культурно-языкового наследия.

---

[9] Неймарк М.А. Украинский кризис и Русский мир // Обозреватель — Observer. 2015. № 8. С. 44.

[10] Курочко М.М. Неклассические войны современной эпохи: к постановке проблемы // Проблемы безопасности : бюллетень научно-исследовательского центра «Наука – XXI». М., 2008. № 3. С. 9.

[11] См.: Бельков О.А. Эволюция войн и представлений о них (конец XX — начало XXI в.) // Безопасность Евразии. 2009. № 4. С. 181–189.

[12] Попов В.Д. Власть в фокусе информационной социологии // Власть. 2015. № 1. С. 57.

Известный политолог Андрей Фурсов излагает в своих работах концепцию «психоисторической войны», которую Запад ведёт в СМИ против России, в первую очередь против державообразующего русского народа. Автор даёт следующее определение: «*Психоисторическая война* — это комплекс систематических, целенаправленных и долгосрочных действий, цель которых — установление контроля над психосферой общества-мишени, прежде всего над психосферой его властной и интеллектуальной элиты с последующим стиранием атакуемой психосферы и замещением её своей» [13].

А. Фурсов выстраивает трёхуровневую модель войны психоисторического типа, которую, на наш взгляд, можно распространить на информационно-психологическую войну в целом: «Основные уровни ведения психоисторической войны — информационный, концептуальный, метафизический (смысловой). На *информационном* (на наш взгляд, более точным является термин «фактологическом». — *О.В.*) — простейшем — уровне происходит искажение фактов; *концептуальный уровень* — это интерпретация и пакетирование информации (фактов, которые в случае ложной интерпретации превращаются в фальшфакты, определённым образом навязывающие объекту воздействия выгодное субъекту ви́дение); *метафизический (смысловой) уровень* — это высший пилотаж психоисторической войны, здесь происходит главное: уничтожение смыслов, характерных для объекта воздействия («мишени») и подмена их чужими с целью лишить «мишень» её метафизики и воли к сопротивлению»[14].

Психоисторические войны тесно смыкаются с другим типом информационных войн, а именно с *«войнами памяти»*, цель которых — разрушить национальный ценностный базис страны-противника. Созданные в настоящее время в ряде восточноевропейских государств Институты национальной памяти (Польша, Украина, Словакия и др.) ставят своей целью тотальную ревизию событий и итогов Второй мировой войны, абсолютно безосновательно и злонамеренно обвиняя Россию в равной с Третьим рейхом исторической ответственности за её развязывание и требуя чуть ли не второго Нюрнбергского процесса за некие «преступления советских военнослужащих на оккупированных ими территориях».

«Войны памяти», как показывают события Новейшего времени, исключительно взрывоопасны. Они становятся неизбежным компонентом «холодных», «гибридных» — и в конечном итоге «горячих» войн и вооруженных конфликтов.

Характерно, что «войны памяти», в которых осуществляется ревизия совместного прошлого восточноевропейских государств,

---

[13] Фурсов А. Русофобия и информационная война против России. URL : http://andreyfursov.ru/news/rusofobija_i_informacionnaja_vojna_protiv_rossii/2015-10-31-496 (дата обращения: 20 янв. 2018)

[14] Там же.

ведутся в том числе на чужих площадках в Западной Европе или США. Свидетельством тому является проблематика научного семинара «Война памяти: культурная динамика в России, Польше и на Украине», который состоялся в Кембридже, в Кингс-колледже, 4–5 июня 2010 года. Обсудив задачи «медийного конструирования национальной идентичности и самоопределения по отношению к советскому прошлому» и его «новой интерпретации, создающей разрыв с его принятыми культурными трактовками», участники семинара пришли к выводу о необходимости более активного перенесения дискуссий во Всемирную сеть: «Пользователи в России и в Украине составляют чрезвычайно активную, политизированную среду. Блоги, форумы, сети, как и сайты, посвященные историческому прошлому, стали важными местами для обсуждения *травматического опыта советской и постсоветской истории*» [15]. До реального «травматического опыта» Евромайдана оставалось ещё четыре года, а информационно-идеологическая «артподготовка» к этому событию велась уже основательно.

Особенно печально то, что впереди этого процесса идёт Польша, в земле которой лежат более 600 тысяч советских героев, спасших страну от нацизма, а её древнюю столицу — Краков — ценой жизни многих солдат и офицеров — от полного уничтожения.

Войны памяти, которые справедливо было бы назвать «войнами беспамятства», нацелены не только на мнимого противника (в данном случае — Россию), но и на переформатирование сознания собственного населения, в особенности молодого поколения. Об этом свидетельствует активная легитимизация коллаборационистских сил, сотрудничавших с гитлеровским режимом: бандеровцев-ауновцев на Украине, национальных подразделений эсэсовцев в прибалтийских государствах. Тех, кто по решению Нюрнбергского трибунала был приравнен к нацистским преступникам и их пособникам, ныне провозглашают национальными героями, устраивают в их честь пышные парады. Истинные же герои, спасшие мир от фашизма, объявлены советскими оккупантами, в отношении их применяются не только негативные информационно-пропагандистские, но и репрессивно-полицейские меры.

Не случайно некоторые эксперты квалифицируют информационно-психологические войны современности либо как «третью мировую войну» [16], либо, расценивая информационное оружие как орудие глобализации, — и как «четвёртую мировую войну» [17].

---

[15] Зверева В. Сражения за память, войны воспоминаний // «Война памяти»: культурная динамика в России, Польше и Украине : науч. семинар, 4–5 июня 2010 г. / Кингс-колледж (Кембридж). URL : http://www.nlobooks.ru/node/2839 (дата обращения: 20 янв. 2018)

[16] Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Третья мировая (информационно-психологическая) война / Ин-т соц.-полит. исслед. АСН. М., 2003. 304 с.

[17] Арас Д. Четвёртая мировая война. М. : Астрель, 2003. 702 с.

Россия постепенно накапливает опыт информационного противоборства, необходимость которого диктуется острой глобальной конкурентной борьбой. На этом пути были и неудачи: выиграв в военно-стратегическом отношении «пятидневную войну» с Грузией в августе 2008 года, Россия потерпела очевидное поражение в информационной войне. Ведь тогда именно Грузия, возглавляемая Президентом М. Саакашвили, совершила акт агрессии против Южной Осетии, находившейся по решению ОБСЕ под охраной российских миротворцев. Россия же вынуждена была, противодействуя незаконному вторжению, защищать жителей республики и свой миротворческий корпус. Однако все западные СМИ дали ложную трактовку событий, объявив Россию агрессором, а Грузию — жертвой агрессии. Более того, Россию безосновательно обвинили в попытке оккупировать всю территорию Грузии и сменить политический режим в этой стране.

Почему так получилось? Аналитики пришли к выводу, что грузинская пропаганда сумела представить ситуацию в выгодном для себя свете, опередив объективную российскую интерпретацию событий. Зарубежные СМИ активно использовали материалы грузинских блогеров, в значительной степени искажавшие реальную картину, но создававшие ощущение достоверности. С грузинской стороны была эффективно использована не только прямая дезинформация, но и *техника «подставной дискуссии»* с подставными персонажами («ботами»), что создавало для западной аудитории видимость объективного обсуждения происходящего.

«Прогрузинская» позиция западных СМИ объяснялась и политическими причинами: мировой управляющей элите был выгоден режим М. Саакашвили, пришедшего к власти в результате инспирированной США «цветной революции» — «революции роз». Поэтому США через подконтрольные ей СМИ охотно поддержали своего сателлита. По мнению известного медиолога Г.В. Вирена, «именно тогда и обозначился открытый переход большинства СМИ Запада от информационного противостояния к информационной войне против России» [18]. Ныне М. Саакашвили, изгнанный из собственной страны и обвинённый в масштабной коррупционной деятельности, пытается организовать очередную «оранжевую» революцию на Украине, где, побыв недолгое время на посту мэра Одессы, решился на новый виток своей авантюрной политической карьеры, теперь уже собирая протестные силы, ратующие за свержение «проворовавшегося» режима П. Порошенко.

Анализ современной геополитической ситуации показывает, что конфликтный потенциал международных отношений сегодня весьма значителен. Более того, он нарастает, поскольку «глобали-

---

[18] Вирен Г. Современные медиа: приёмы информационных войн. М. : Аспект Пресс, 2016. С. 20.

зация формирует и расширяет глобальную информационную сферу, стирая государственные, национальные границы и различные барьеры, что позволяет развязывать крупномасштабную информационно-психологическую агрессию (войну) и избирать для тайных операций в качестве театра военных действий информационные пространства целых регионов земного шара» [19].

Сложившаяся геополитическая ситуация однозначно свидетельствует об усилении глобальной конкуренции, неизбежными спутницами которой являются информационные войны. Понимание причин информационных войн, их типологии и технологий позволяет своевременно распознавать замыслы и уловки их инициаторов и успешно противостоять их деструктивным последствиям.

[19] Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. С. 16.

ГЛАВА 2

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ КАК ЧАСТЬ «СТРАТЕГИИ НЕПРЯМЫХ ДЕЙСТВИЙ»

Информационно-психологические войны являются частью *«стратегии непрямых действий»*, основы которой были разработаны английским военным теоретиком Б. Лиддел Гартом [1] и развиты в концепции «мягкой силы» («умной силы») американским политологом Джозефом Наем [2].

Стратегия «непрямых действий» предусматривает геополитическую победу над страной-мишенью не только с точки зрения необратимых трансформаций в структуре её государственности (именно это произошло с Советским Союзом, Югославией, а в дальнейшем, в ходе цветных революций, — с Ираком и Ливией), но и в подчинении правящей элиты данной страны интересам глобального «доминанта» в лице США (так было в период ельцинского правления в России в 1990-е годы, а в ещё более «марионеточном» формате происходит в современной Украине).

Стратегия «непрямых действий» нацелена на гораздо более глубинные процессы — «изменение цивилизационной, конфессионально-культурной и национальной идентификации её народа» [3].

Эксперты убеждены, что стратегия «непрямых действий» обладает бóльшей эффективностью по сравнению со стратегией «прямых действий», то есть вооружённым вторжением, по следующим критериям:

1) минимизация затрат;

2) возможность не разрушать, а сохранять с целью дальнейшего использования в интересах страны-агрессора всего, что имеет отношение к экономике и трудовым ресурсам страны-мишени;

3) исчезновение с исторической арены государства-мишени как самостоятельного политического субъекта и отсюда невозможность в дальнейшем пересмотра результатов состоявшейся агрессии и привлечения к ответственности её организаторов;

---

[1] См.: Лиддел Г.Б. Стратегия непрямых действий / пер. с англ. М. : Астрель, 2012. С. 478.

[2] См.: Nye J. Soft power: The means to Success in World Politics. N.Y. : Public Affairs, 2004. 191 p.

[3] Карякин В.В. Стратегия непрямых действий, «мягкой силы» и «управляемого хаоса» как инструменты переформатирования политического пространства // Информационные войны. 2014. № 3 (31). С. 31.

4) подрыв государственного строя страны-мишени за счёт переформатирования её ментального пространства, инспирированный государством-агрессором, что позволяет последнему провести эту масштабную операцию в значительной степени скрытно, переложив собственную ответственность на силы «гражданского неповиновения» и «ненасильственного сопротивления» внутри самой страны-противника.

Важно подчеркнуть, что в реализации стратегии «непрямых действий» главным объектом является информационно-идеологическая сфера и, следовательно, особая роль принадлежит технологиям и методам ведения информационно-психологических войн. При этом важное значение в осуществлении целей информационно-психологического противоборства приобретает использование таких сильнодействующих форматов влияния на массовую аудиторию, как *«информационные бомбы»* и *«информационные мины»*. Учёные поясняют: «Первые используются в качестве детонаторов лавинообразного нарастания протестного настроения в обществе (страны-мишени. — *О.В.*), а вторые (информационные мины) закладываются заранее и приводятся в действие в нужный момент для доведения социально-политического процесса до желаемого результата» [4].

К «информационным минам» можно отнести, например, утечки информации с сайта «Викиликс» или публикации в СМИ компромата на тех или иных общественных и политических деятелей, ставших объектами «персонализированной» информационно-психологической войны. Примером может служить широкое использование таких технологий в предвыборной борьбе за кресло президента США между Дональдом Трампом и Хиллари Клинтон.

К «информационным бомбам» относят информационные вбросы «шокового типа», как правило недостоверные (о массовых расстрелах гражданского населения силами Муамара Каддафи или Башара Асада, о жестоком обращении иракских военных с новорождёнными младенцами, о неких «снайперах», стрелявших якобы по приказу В. Януковича в участников Евромайдана и т. п.). Цель использования «информационных бомб» — довести участников протестных акций до массового психоза, до так называемой «бунтарской истерии» больших масс людей, превратить их в заряженную ненавистью деструктивную силу, способную свергнуть собственную власть без вооружённого вмешательства извне.

С помощью этих методов и технологий виртуально-сетевая война превращается в *гражданскую сетевую войну*, и в конце концов — в реальную *социальную войну* граждан против собственной власти, чаще называемую «цветной революцией».

Прямая причинно-следственная связь между информационно-психологическими войнами с применением возможностей Ин-

---

[4] Карякин В.В. Стратегия непрямых действий, «мягкой силы» и «управляемого хаоса» как инструменты переформатирования политического пространства. С. 32.

тернета и «цветными революциями» была осознана США ещё в 1990-е годы. С целью изучения социально-психологического влияния Интернета на массовое сознание, контроля над социальными сетями, управления блогосферой в США был создан в 1997 году Беркмановский центр изучения Интернета и общества. Острие исследований в рамках дорогостоящих грантовых проектов «Гражданское право в области информации» и «Интернет и демократия» было направлено на страны с консервативными (а с точки зрения США — тоталитарными) режимами управления (Ближний Восток — Иран, Ирак, Сирия; Северная Африка — Тунис, Египет, Ливия). Рассматривалась возможность использования этнического и религиозного консерватизма как ресурса для подъёма экстремистских настроений, способных свергнуть неугодные США политические режимы. В качестве механизма использовалось максимально широкое подключение этих стран к Интернету и особенно втягивание молодой части населения (в том числе через систему образовательных учреждений) в блогосферу, управляемую извне.

Используемые таким образом передовые информационные технологии, пришедшие с Запада, «срывали традиционные защитные скрепы и превращали население стран-мишеней в легко управляемую толпу», а «втягивание страны-жертвы в контролируемую извне блогосферу позволяло свергать правящие режимы без использования внешнего силового вмешательства» [5].

Изучая факторы, обеспечившие успех стратегии «непрямых действий» в ходе «Арабской весны», исследователи особо подчёркивают значение двух из них: неправительственных организаций (НПО), финансируемых Западом, и СМИ.

«В событиях “Арабской весны” заметную роль сыграли именно НПО: “Движение 6 апреля” в Египте, Центр прикладных исследований ненасильственных акций и стратегий в Тунисе, — отмечают Е.Г. Пономарёва и Г.А. Рудов. — Но первостепенная роль в “возгонке” цветных революций принадлежит массмедиа, прежде всего электронным; к самым влиятельным среди них относятся Facebook и Twitter. События, порождаемые ими, логично назвать Twitter-революциями» [6].

Кстати, эксперты отмечают, что онлайн-революция в Египте оказалась возможной по той же причине, что американским политтехнологам удалось путём вовлечения в блогосферу многочисленных сторонников «Братьев-мусульман» создать самоорганизующееся и самоподдерживающееся «цифровое сетевое сообщество», которое сумело направить огромные массы людей на свержение

---

[5] Сергеев Н. К вопросу об актуальности создания ситуационных центров слежения за социально-политической обстановкой // Информационные войны. 2014. № 4 (32). С. 21.

[6] Пономарёва Е.Г., Рудов Г.А. «Принцип домино»: мировая политика на рубеже веков. М. : Канон+, 2016. С. 153.

действовавшей политической власти и привести к управлению страной новых представителей проамерикански настроенной элиты. В то же время в Иране планировавшийся американцами госпереворот не удался не только благодаря крепости духовных уз, объединяющих нацию, но и вследствие недостаточного развития блогосферы, не ставшей в результате спусковым крючком для иранской «цветной революции». В настоящее время сфера интересов Беркмановского института сместилась в сторону России, прежде всего к школьной и молодёжной аудитории [7]. Россия, наряду с Ираном, Китаем, Индией, Беларусью, Бразилией, по заявлению представителей Минобороны США, занесена в список государств-мишеней (“target-nation“) для проведения новых «Twitter-революций».

Данная угроза, по мнению аналитиков, является вполне реальной: поскольку все социальные сети, прежде всего образовательные, контролируются Америкой, то они, по своей сути, являются готовым плацдармом информационных войн, и втянутое в них население, не подозревая о последствиях, осуществляет разрушение своей собственной государственности [8].

Анализ официальных документов американского правительства, опубликованных в открытых источниках, позволил российским экспертам сделать вывод о *новой модели* информационной политики США в отношении России и некоторых других государств (Китай, Иран, Куба, КНДР), находящихся в зоне внеамериканского влияния. Сферу информационного воздействия на международное сообщество в политической практике США принято называть «цифровой дипломатией» или «стратегической коммуникацией». На её финансирование в бюджете США ежегодно с 2014 года Конгрессом выделяется отдельная статья весьма внушительных расходов.

В новой модели информационно-психологического противоборства, нацеленного против России, обращают на себя внимание экспертов следующие два компонента: «Первое направление — это пропаганда, направленная против Москвы и нацеленная на тех, кто понимает русский язык, на широком пространстве Евразии через традиционные каналы международного вещания (радио и телевидение) и цифровые каналы (социальные сети). Второе направление — это поддержка и мобилизация политических активистов, оппозиционеров, блоггеров и интернет-журналистов внутри самой России посредством новых способов взаимодействия с ними при помощи скрытой работы в социальных сетях и проведения обучения в странах, близлежащих с Россией» [9].

---

[7] См.: Фурсов А. ЕГЭ и другие: геополитический аспект образовательной реформы // Завтра. 2011, дек. № 52.

[8] См. там же.

[9] Цветкова Н.А. «Русский мир» в публичной дипломатии США: направления на 2015–2018 гг. // США и Канада: экономика, политика, культура. 2016. № 8. С. 62.

Анализ показывает, что, видя свою главную цель в дискредитации российской интерпретации мировых событий, США в своей новой антироссийской информационной стратегии делают ставку на новые целевые аудитории — интернет-журналистов, блогеров, представителей религиозных, этнических, а также сексуальных (ЛГБТ-движения) меньшинств, рассматривают возможность позиционирования недовольных властью гражданских активистов как «новых диссидентов», планируют значительное увеличение финансовой поддержки массовой сетевой (так называемой «гражданской») журналистики в России, поддерживают её с помощью компьютерных программ и мобильных приложений, позволяющих оппозиционно настроенным политическим активистам скрывать свою сетевую деятельность, включая переписку и контакты. «Другими словами, американское правительство перешло на новый уровень подготовки *массового журнализма* в России. Не только создание антипропаганды в противовес российской, но и овладение способами *метрического анализа социальных сетей* для более эффективного распространения информации по тем или иным кластерам Интернета является *новым подходом* американского правительства при работе с интернет-журналистами и блогерами в России» [10].

В этих условиях некоторые страны «зоны внеамериканского влияния» вынуждены принимать ответные меры. Так, министерство промышленности и информатизации Китая 10 марта 2016 года ввело запрет на работу электронных СМИ, полностью или частично принадлежащих иностранным резидентам. В руководстве национальных СМИ смогут работать только граждане Китая. Серверы онлайн-СМИ могут находиться только в КНР [11].

В России также принимаются определённые меры защиты государства от информационных угроз национальной безопасности (см., например, пакет законов И. Яровой). В современных геополитических условиях укрепление российской государственности является одним из ключевых факторов «битвы за Евразию». В этой борьбе, по мнению Збигнева Бжезинского, «беспрецедентная американская глобальная гегемония не имеет соперников», России же в его концепции отводится роль бесперспективной «чёрной дыры» [12].

Стратегия «непрямых действий» и сопровождающая её информационно-психологическая война против России во многом объясняет весь ход событий на Украине за последние четверть века, их цель и смысл с позиций «геостратегических императивов» США. По словам того же Зб. Бжезинского, «само её (Украины. — *О.В.*) суще-

---

[10] Цветкова Н.А. «Русский мир» в публичной дипломатии США: направления на 2015–2018 гг. С. 72.

[11] См.: Бастрыкин А. «Пора поставить действенный заслон информационной войне» // Коммерсант. Власть. 2016. № 15. С. 22.

[12] Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы : пер. с англ. М. : АСТ, 2018. С. 57, 154.

ствование как независимого государства помогает трансформировать Россию. Без Украины Россия перестаёт быть евразийской империей. Без Украины Россия всё ещё может бороться за имперский статус, но тогда она стала бы в основном азиатским имперским государством» [13]. Со всей откровенностью предстаёт в этих словах истинная подоплёка стратегии «непрямых действий», на самом деле представляющей собой стратегию глобального доминирования США, ибо, согласно заключительному утверждению в книге того же автора, «геостратегический успех, достигнутый в этом деле, надлежащим образом узаконит роль Америки как первой, единственной и последней истинно мировой сверхдержавы» [14].

Из вышесказанного следует однозначный вывод: информационная война против России во всём её многоликом комплексе была, есть и будет ключевым «геостратегическим императивом» Америки и ведомого ею всего «коллективного Запада». Поэтому столь важной является задача всестороннего изучения феномена информационной войны, её типов и разновидностей, методов и технологий, а также достойных и адекватных способов информационного противодействия глобальным угрозам национальной безопасности России.

---

[13] Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. С. 8.

[14] Там же. С. 378.

ГЛАВА 3

ТЕХНОЛОГИИ ВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН: ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

Информационные войны базируются на определённых устойчивых алгоритмах, моделях и схемах, которые целесообразно назвать *технологиями ведения информационных войн.* Каждый тип информационной войны имеет свою технологию, то есть свою совокупность способов, методов, приёмов. Вместе с тем некоторые виды информационных войн базируются на общих технологиях, характеристика которых приводится далее.

Многочисленные исследования показывают, что информационная война может строиться по двум основным сценариям:

1) «информационный взрыв»;

2) «снежный ком» [1].

Технология *«информационного взрыва»* базируется, как правило, на основе масштабного «события-катастрофы». Таким событием, например, мировые СМИ представляли гибель малайзийского «боинга», якобы сбитого с территории России или Новороссии. На самом деле детальные исследования российских учёных доказали: самолёт был сбит ракетой, запущенной с территории, подконтрольной вооруженным силам Украины. Технология была рассчитана на эмоциональный резонанс в среде мировой общественности — чувство праведного гнева, жажду справедливого возмездия — и послужила поводом для введения санкций против России.

Другой вариант применения данной технологии рассчитан на информационный шок, призванный перевернуть чьи-либо представления: нанести имиджевый урон репутации уважаемого политического деятеля или подвергнуть сомнению позитивный смысл какого-либо исторического события, которым принято гордиться. Такого рода случаи могут быть следствием не только внешнеполитического воздействия, но и проявлением внутриполитической борьбы между различными силами, в том числе поддерживаемыми из-за рубежа.

Попытка применения такой технологии (впрочем, неудавшаяся) была связана с обвинением представителей из окружения Президента РФ В.В. Путина в том, что они ведут незаконный бизнес

---

[1] См.: Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М. : АСТ, 2002. 669 с. ; Некляев С.Э. Информационно-психологическая война в условиях сетевой войны как новая форма угрозы национальной безопасности // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2008. № 5. С. 45.

в офшорных зонах. Истинным объектом информационной атаки был, конечно же, Президент. Однако своевременно, доказательно и эффективно выстроенная информационная контрзащита позволила оперативно ослабить, а затем и свести на нет результативность данного информационного вброса. Моральная незапятнанность Президента в этой ситуации оказалась сама по себе мощным оружием, отразившим натиск информационной агрессии.

Примером технологии «информационного взрыва» может служить и предпринятая путём вброса некоторых сомнительных архивных документов попытка опровергнуть факт подвига 28 панфиловцев, стоявших насмерть на подступах к столице в ходе битвы под Москвой. Эта попытка была убедительно опровергнута [2]. Подобного рода «ментальных диверсий» («ментальных бомб»), нацеленных на разрушение блока исторической памяти в национальном сознании [3], совершается немало. Они связаны, как правило, с фальсификацией событий отечественной истории, фабрикацией лжефактов в трудах недобросовестных или тенденциозно настроенных учёных и журналистов и должны получать самый решительный отпор.

Сценарий *«снежного кома»* предполагает лавинообразный сброс информации, использующий два фактора: 1) контроль за источниками информации (создание иллюзии широкого спектра мнений за счёт привлечения к комментированию ситуации, личности или события представителей различных социальных сред, на самом деле единых в своих оценках) и 2) «шумовой метод подачи информации» [4] (другое название — «демократия шума»), при котором изобилие разноформатной информации по заявленному поводу дезориентирует массовую аудиторию, не даёт ей вычленить причинно-следственные связи происходящего. Ярким примером «информационной лавины» стала информационная война против России в области олимпийского спорта, раскрутившая допинговый скандал по методике «двойных стандартов» западных СМИ: «Глобальная пресса, падкая на “русофобские фишки”, подхватила месседж и с довольным гиканьем принялась его тиражировать» [5]. Как выяснилось впоследствии, олимпийские и паралимпийские успехи спортсменов США имели гораздо более очевидную допинговую природу, однако мировой политической и медиаэлите важно было «наказать» именно Россию, что и было предпринято Международным олимпийским комитетом (МОК) и подведом-

---

[2] См.: Бойко А. Подвиг героев-панфиловцев был. И полегло их больше тысячи // Комсомольская правда. 2016, 3 нояб.

[3] См.: Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М. : Эксмо : Алгоритм, 2009. 528 с.

[4] Некляев С.Э. Информационно-психологическая война в условиях сетевой войны как новая форма угрозы национальной безопасности. С. 45.

[5] Ефанов Д. Кольца «холодной войны» // Культура. 2016, 23–30 июня. № 23. С. 7.

ственными ему структурами накануне зимней Олимпиады-2018 в Пхёнчхане с целью лишить российских спортсменов права выступать от имени своей страны.

Данный способ нередко используется мировой элитой и для смещения неугодных политиков.

Именно таким методом был подвергнут полной моральной и политической дискредитации бывший руководитель Международного валютного фонда Доминик Стросс-Кан, бездоказательно обвинённый в безнравственном поступке, поскольку он, по всей видимости, либо перестал устраивать поставившее его на этот пост «мировое закулисье», либо проявил завышенные, с чьей-то точки зрения, политические амбиции.

Подобного рода «персонализированные» информационные войны широко применяются в ходе избирательных кампаний, превращаются в «войну компроматов» и строятся по канонам классического «чёрного пиара». Примером локализованной информационной войны является ожесточенная борьба за президентское кресло в США, которую вели Дональд Трамп и Хиллари Клинтон. Оба обвиняли друг друга в психической неадекватности; штаб Трампа активно использовал эпизоды с нарушением государственной тайны в личной электронной переписке Клинтон; команда Клинтон, в свою очередь, активно раскручивала тему «российского вмешательства» в выборы Президента США, якобы предопределившего в итоге победу Трампа.

Наряду с разработкой определённых сценариев информационных войн, их инициаторы уделяют особое внимание использованию наиболее действенных технологий, характеристика которых приводится нами ниже.

3.1. Технология метапрограммирования

Технология метапрограммирования является одним из наиболее эффективных способов манипулирования человеческим сознанием и поведением.

Манипуляция общественным сознанием, с точки зрения наиболее авторитетного исследователя этой проблемы С.Г. Кара-Мурзы, и есть по существу *программирование* мнений и устремлений субъектов, масс людей, их настроений, психического состояния с целью обеспечить такое их поведение, которое нужно тем, кто владеет средствами манипуляции [6].

Рассматривая процессы манипулирования общественным сознанием, нельзя представлять себе то или иное человеческое сообщество как бездумную, легко управляемую массу. На самом деле

[6] См.: Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием.

множество людей обладают стойкими убеждениями, прочным интеллектуальным и духовным «противоядием» от воздействия деструктивных влияний. Тем не менее, многие манипуляторы, используя изощрённые технологии, стремятся «сломать этот барьер либо пробить в нём брешь, изменить отношение человека к тем или иным событиям, подточить основы его мировоззрения, убеждения в своей правоте, вдалбливая в сознание людей “модифицирующую информацию”» [7].

Процесс модификации (изменения) сознания в случае успешной манипуляции проходит ряд обязательных этапов:

1) расшатывание ценностных установок, мотиваций, мировоззренческих позиций (индивида или социума);

2) постепенное наращивание сдвигов в сознании (от незаметных, незначительных до всё более существенных);

3) полная подмена (замещение) исходных ценностных установок на выгодные манипулятору.

Именно таким способом перепрограммирования (переформатирования) сознания произошло замещение позитивного отношения населения Украины к России на негативное у значительной части людей, хотя потребовалось для этого более 20 лет.

Результативность манипулирования массовым сознанием оценивается по известной схеме информационного воздействия: «Кто говорит — что сообщает — по какому каналу — в каком виде — с какой целью — кому — с каким эффектом». Далее вступает в действие система непрерывного зондирования (мониторинга, тестирования) общественного мнения, которая позволяет увидеть достигнутый результат.

В рамках технологии метапрограммирования нередко применяется метод «информационного шока» (в терминологии психолога Б. Кедрова — «удара по сознанию»), который, будучи подан в определённой, выгодной манипулятору интерпретации, позволяет воздействовать не только на *сознание*, но и на *подсознание* объекта. Схема «шок + вирус» оказывается очень действенной, при этом «шоком» становится некий из ряда вон выходящий резонансный факт действительности, к которому манипулятор «цепляет» дополнительный смысловой «вирус». Например, убийство яркого деятеля оппозиции Бориса Немцова 27 февраля 2015 года (резонансный факт) получило в глобальных СМИ тенденциозную «вирусную» интерпретацию данного преступления якобы злонамеренными действиями Кремля. Цель такой интерпретации — спровоцировать массовые протестные действия в России.

«Руку Кремля» безосновательно увидели украинские и западные СМИ и в убийстве в Киеве 23 марта 2017 года международного аферист Дениса Воронёнкова. В данном случае резонансный

---

[7] Прокофьев В.Ф., Чварков С.В. На пороге насильственная фаза информационного противоборства? // Информационные войны. 2015. № 2 (34). С. 15.

факт («информационный шок») был также дополнен вирусным «шлейфом» антироссийской пропаганды.

Для определённой, психологически восприимчивой части аудитории подобные ситуации и применение технологии метапрограммирования (модификации сознания) способны пробить «брешь» в сложившихся представлениях и изменить отношение к своей стране и её руководству. Поэтому столь необходимым является оперативное, вдумчивое и эффективное контрпротиводействие, способное нейтрализовать последствия модифицирующих технологий.

В последние годы сфера человеческого *подсознания* всё чаще становится объектом целенаправленного изучения разработчиков информационного оружия. В политических и военных целях ведутся исследования в области способов не просто скрытного управления сознанием, но «прямого насильственного воздействия на психику человека через его подсознание» [8].

Как выяснили учёные, человеческий мозг — своеобразный биокомпьютер — способен не только программировать самого себя (т. е. реализовывать свою жизненную программу, усваивать новые знания, стереотипы поведения, приобретать и терять привычки и т. д.), но и быть запрограммированным внешними субъектами путём ввода в *изменённое состояние сознания* с помощью определённых химических (психотропных) веществ, психотронного воздействия электромагнитными излучениями и т. д.

«Средства специальной техники (устройства), например техника нейролингвистического программирования (НЛП), дают возможность глубокого проникновения в информационный банк человека и его последующей коррекции в нужном направлении без осознания им результатов проведённого скрытого метапрограммирования, не исключая манипулятивный характер воздействия» [9].

Примером бессознательных импульсов, формирующихся под влиянием электромагнитных волн, является известный эпизод с воздействием на детскую аудиторию высокотехнологичных японских мультфильмов, когда после просмотра мультфильма «Покемоны» в больницах с острыми эпилептическими припадками оказалось 130 японских детей дошкольного и младшего школьного возраста. Было установлено, что причиной стали яркие разноцветные вспышки на экране и что чередование ярких цветосветовых эффектов может вызывать у людей спазмы сосудов головного мозга, потерю сознания, а у наиболее восприимчивых — эпилептические припадки [10].

---

[8] Прокофьев В.Ф., Чварков С.В. На пороге насильственная фаза информационного противоборства? С. 17.

[9] Алдер Х. НЛП: современные психотехнологии. СПб. : Питер, 2000. 160 с. ; см. также: Бухарин С.Н., Цыганов В.В., Бочкарёва Ю.Г. Технологии психонейрофизиологического воздействия в информационных войнах // Информационные войны. 2013. № 2 (26). С. 10–16.

[10] См.: Красильников А. Атака на мозг. 2005. № 40 (263). URL : http://www.e.-slovo.ru (дата обращения: 28 янв. 2018)

Ещё в 1998 году В.Ф. Прокофьев в книге «Тайное оружие информационной войны» рассказал о *психофизическом оружии* как «совокупности всех возможных методов и средств (технических, суггестивных, фармакологических, комплексных и др.) скрытого насильственного воздействия на подсознание человека с целью модификации его сознания, поведения и здоровья в нужном для воздействующей стороны направлении» [11].

Исследования в сфере управления сознанием и поведением не только гражданского населения, но и личного состава войск страны-противника постоянно ведутся американскими корпорациями. В числе таких разработок — микроволновая пушка “MEDUZA”, созданная по заказу Минобороны США для ограничения боеспособности и контроля поведения человека. Американская глобальная система “Teledesic” [12] показывает пример того, что подобные системы способны не только внедрять вирусы в морские, воздушные, наземные объекты по специальному сигналу, но и погружать в состояние паники целые армии, заставлять людей разрушать собственные города и государства, уничтожать своих сограждан. Не нужно быть футурологом, чтобы предвидеть, что за всем этим маячит призрак «тотальной империи» в лице США.

Метапрограммирование современные аналитики рассматривают как вид или систему *организационного оружия*, способного управлять сознанием человека с помощью *метапрограмм*.

Метапрограммирование в своей основе сводится к установке программ-фильтров, «туннелей реальности», которые заставляют «клиента» воспринимать мир так, как нужно разработчикам и постановщикам этих программ: «Человек, социальный институт, корпорация или государство, подвергшееся процедуре метапрограммирования, можно выпускать в “свободное плавание”, осуществляя лишь оперативно-тактическую коррекцию “курса” — это уже не социальный субъект, а управляемая ячейка глобальной сети-паутины» [13].

Термин «метапрограммирование» применительно к человеческому сознанию впервые использовал Джон Лилли, американский врач-психоаналитик, учёный-нейробиолог. Рассматривая человеческий мозг как биокомпьютер, он первым предложил технологии его программирования. Выяснилось: тот, кто сумеет навязать свою метапрограмму чужой цивилизации, подменив её ценности на свои собственные, тому под силу изменить «цивилизационный код», а следовательно разрушить другую цивилизацию. Поэтому метапрограммирование взято на вооружение структурами «мирового правительства», американскими «мозговыми центрами» и «фаб-

---

[11] Прокофьев В.Ф. Тайное оружие информационной войны. М. : CWHTEF, 1998. 152 с.

[12] См.: Пентагон готовит атаку на мозг. URL : pentagon.afis.osd.mil, 8.72008 (дата обращения: 30 янв. 2018)

[13] Прохватилов В.В. Атака мыслящей паутины. Метапрограммирование — организационное оружие XXI века // Информационные войны. 2010. № 1 (13). С. 75.

риками мысли» типа корпорации “Rand” — идеологами и технологами так называемых «цивилизационных войн».

Технологию метапрограммирования следует признать наиболее универсальным и эффективным средством воздействия, применяемым во всех видах информационных войн. Этот факт ставит перед учёными неотложную задачу разработки мер контрпротиводействия как фактора сдерживания наиболее опасных видов агрессии.

3.2. Технология рефлексивного управления

Понятие «рефлексия» введено философом и педагогом Джоном Локком (1632–1704) и связано с осознанием личности себя и своего места в объективной реальности. Рефлексивный анализ в его современном понимании включает два аспекта: осознание личностью своих собственных представлений о реальности, называемое «авторефлексией», и осознание ею же (личностью) представлений о той же реальности, присущих другим субъектам. Иначе говоря, «с использованием рефлексии человек может представить себя действующим в роли другого человека или организации», причём смоделировать «свои действия и действия оппонента на несколько шагов вперёд» [14].

Технология *рефлексивного управления* обязательно учитывает при выборе стратегии представления противника и на этой основе прогнозирует его вероятные действия и, более того, навязывает ему определённую стратегию поведения: «Оказание целенаправленного влияния на стратегию противника как раз и есть осуществление рефлексивного управления» [15].

Рефлексивное управление заключается в том, чтобы раскрыть намерения противоборствующей стороны, скрывая при этом свои, а затем выбрать одну из наиболее выгодных для себя стратегий. Тем самым важными компонентами рефлексивного управления являются имитация и моделирование действий. Значение рефлексивных стратегий состоит и в том, что они «позволяют углубить ситуационный анализ конфликтных взаимодействий» [16].

Рефлексивный анализ учит также смотреть на собственные действия глазами противника. Более высокий уровень рефлексии — способность отстранённо взглянуть и на себя, и на оппонента, и на внешнего (третьего) наблюдателя. «Это уже уровень метапрограммирования», — подчёркивает современный исследователь [17].

---

[14] Раскин А.В., Тарасов И.В. Рефлексивное управление как технология информационного воздействия // Информационные войны. 2014. № 2 (30). С. 16.

[15] Батурин Ю.М. Рефлексивные стратегии в конфликтных взаимодействиях на основе ситуационного анализа с виртуальной поддержкой //Там же. 2009. № 1 (9). С. 3.

[16] Там же.

[17] Прохватилов В.В. Атака мыслящей паутины. Метапрограммирование — организационное оружие XXI века. С. 77.

Технология рефлексивного управления широко используется в процессе военных учений, вооружённых конфликтов, локальных «гибридных» войн и основывается на применении в военном деле психологических инструментов оценки и прогноза вероятных действий противника, скрытого нацеливания его на ошибочные действия, выгодные противоборствующей стороне. Этой проблеме — использованию рефлексивного управления — посвящено немало содержательных работ.

Вместе с тем технология рефлексивного управления активно изучается и в рамках теории и практики информационно-психологических войн. Из всех видов нового типа войн данная технология, на наш взгляд, наиболее применима к методам ведения *поведенческой войны*, так как целью рефлексивного управления является воздействие на мотивационные механизмы, рефлексы и стереотипы поведенческих реакций, стимулы поведения индивида, малых и больших групп людей.

В широком смысле «рефлексивное управление — это воздействие на всю систему ценностей, целей и образа мышления тех, кем приходится управлять» [18].

В узком и более точном, на наш взгляд, определении, «рефлексивное управление — это воздействие на *мотивационный механизм* принятия решения личностью» [19], коротко говоря — *управление мотивацией*.

Почему «широкий» контекст употребления данного термина представляется нам менее удачным? Потому, что на систему ценностей, целей и образа мышления влияет по существу весь комплекс информационно-психологических войн — ментальных, консциентальных, психоисторических, «войн памяти» и т. п. — и соответственно весь комплекс манипулятивных приёмов и средств.

«Узкое» же определение выделяет адресный, точечный объект воздействия, именно тот «рычаг», который превращает «идею» в «материальную силу» и переводит уровень *сознания* на уровень *поведения*, уровень *мышления* на уровень принятого *решения* и затем действия. Этот «рычаг» иначе можно назвать побудительным мотивом к *действию*.

Технология рефлексивного управления относится к числу *асимметричных* действий, которые могут использоваться как «точечно» для склонения лиц, принимающих решения, к невыгодному для них и выгодному для противника варианту, так и «массово» — влияя на общественное сознание страны-мишени в целом.

Как считают военные психологи и аналитики, технология рефлексивного управления может быть весьма эффективной даже в условиях неравного соотношения возможностей в боевой силе и технике. Дело в том, что «при рефлексивном управлении проис-

---

[18] Раскин А.В. Рефлексивное управление в социальных сетях // Информационные войны. 2015. № 3 (35). С. 15.

[19] Там же.

ходит переигрывание противника путём навязывания ему ложной мотивации на последующие действия» [20].

«Сущность рефлексивного управления, — подчёркивает доктор военных наук А.В. Раскин, — состоит в том, что взаимодействующей стороне “внушаются” посредством передачи информации определённые данные относительно того или иного события, а следовательно, такие *мотивы поведения*, которые стимулируют у неё желательный для воздействующей стороны выбор» [21].

Давно известно, что в социальных сетях осуществляется тотальный контроль не только за содержанием контента, но и за поведением пользователей. Сетевые модераторы (то же, что и «привратники», или «гэйткиперы», в традиционных СМИ) имеют возможность удалять и редактировать сообщения и целые страницы, тем самым искажать смысл сообщений, осуществлять «вбросы» той или иной информации, слухов, сплетен, непроверенных или просто фальшивых фактов («фейков»). Воспринимая виртуальный мир всерьёз и веря псевдообъективной информации, пользователь переносит сформированные в интернет-пространстве представления в мир реальный, попадая в подготовленную для него мировоззренческую ловушку. Тем самым технология рефлексивного управления плавно перетекает в *технологию управления поведением.*

Именно так действует механизм перевода сформированного общественного мнения на уровень протестных действий.

С помощью рефлексивного управляющего воздействия можно добиться требуемых противнику решений и действий от лиц, принимающих решения, и лиц, готовящих решения, как это было в 1990-е годы, когда через окружение Б. Ельцина, подвергшееся рефлексивному управлению, можно было получить результат, поддержанный им как Президентом, выгодный Западу и невыгодный России.

Технология рефлексивного управления, как уже отмечалось, может быть эффективной при «точечном» воздействии на сознание и жизненные установки не только конкретного индивида или значимой для противника группы лиц, но и при управлении сознанием больших групп людей. Так, осуществляемый с помощью рефлексивного управления тотальный контроль информационных потоков использовался США в ходе нападения на Югославию, когда во всех преступлениях были обвинены сербы, а косовские палачи приобрели ореол невинных жертв.

Технология рефлексивного управления использовалась СМИ США в ходе избирательной кампании «Дональд Трамп — Хиллари Клинтон» и продолжает использоваться и сейчас против ставшего Президентом США Трампа и его окружения через раскрутку темы «русских хакеров», навязывая ему и его кабинету негативный сценарий в отношениях с Россией.

---

[20] Раскин А.В. Рефлексивное управление в социальных сетях. С. 15.

[21] Там же.

Как инструмент «отсечения» альтернативной информации технология рефлексивного управления активно используется в глобальных СМИ для воздействия на властные элиты и общественное мнение Запада при освещении событий в Сирии и на Украине в антироссийском ключе.

Технология рефлексивного управления относится к числу «тонких», «специфичных» методов противоборства, требующих серьёзной интеллектуальной аналитики и специальной психологической подготовки.

3.3. Технология социальной индукции

В основе технологии *социальной индукции* лежит принцип эмоционального заражения, эмоционального резонанса больших групп людей. Это явление исследовалось учёными, изучавшими феномен толпы (Г. Лебон, Г. Франке и др.). Оказалось, что передача эмоций от одного человека к другому при большом стечении людей распространяется подобно эпидемии. Толпой правят не разум и интеллект, а чувства и страсти. Они могут иметь широкий спектр: от массового поклонения любимому вождю, религиозному лидеру до лютой ненависти к личности или другой человеческой массе, ассоциируемой с понятием «враг». Человек, попадая под власть толпы, вступает с ней в эмоциональный резонанс, действует в унисон, становится легко внушаемым и управляемым.

Технология социальной индукции в форме массового психоза широко использовалась в нацистской Германии, в том числе во время трансляции по радио — главному орудию гитлеровской пропаганды — маршей, митингов, парадов с применением усиленного звукового фона.

В послевоенные годы феномен толпы активно изучался в Тавистокском институте (Великобритания) в рамках психоаналитического исследования группового поведения основателем социальной психологии Куртом Левином.

В дальнейшем Тавистокский институт был переведён в США в Университет Мичигана. Возглавивший его в 1960-е годы Фред Эмери продолжил разработку проблем групповой динамики на основе наблюдения за поведением толпы фанатов на рок-концертах. Он открыл феномен «бунтарской истерии» и «роящихся подростков» и одним из первых осознал его возможности как деструктивной силы и «организационного оружия» для инициирования уличных беспорядков и протестных акций.

Действенность феномена толпы, технологий социальной индукции и эмоционального заражения как разрушительного фактора в антиправительственных выступлениях была доказана в ходе «цветных революций» в начале XXI века, в том числе во время событий «Арабской весны» и Евромайдана на Украине. Учитывать этот фактор необходимо.

3.4. Технология информационной блокады

Технология *информационной блокады* широко применяется в условиях кризисных и экстремальных ситуаций, военных конфликтов. Теоретической основой данной технологии является концепция СМИ как «гейткиперов» (привратников) информационного процесса, которые, как и стоящие за ними политические силы, считают себя вправе фильтровать и блокировать информацию, способную повлиять на массовое сознание в нежелательном для них направлении.

Информационная блокада закрывает доступ аудитории к достоверной информации, заполняет возникший вакуум потоком сообщений в безальтернативном режиме, в результате чего создаётся единая интерпретационная картина в освещении какого-либо резонансного события.

Так, например, до сих пор в американских СМИ сохраняется режим информационной блокады в отношении событий 11 сентября 2001 года. Поддерживается официальная их трактовка как серии терактов со стороны боевиков Аль-Каиды во главе с «террористом № 1» Усамой Бен-Ладеном. И это делается на протяжении более 15 лет, невзирая на практически доказанную версию участия спецслужб США в организации трагических событий, в ходе которых погибло несколько тысяч человек.

Другим примером является тенденциозное освещение якобы «справедливой» войны США с Ираком в 1991 году, когда в СМИ восхвалялись «хирургически точные удары» американских военно-воздушных сил, не наносящие урона гражданскому населению. Когда же министр юстиции Р. Кларк привёз снятые во время военных действий кадры, свидетельствующие о массовой гибели мирных жителей иракской столицы, все американские телеканалы отменили ранее назначенные с ним передачи и отказались от показа сцен, угрожающих взбудоражить изрядно прозомбированную американскую общественность.

Подобным образом повела себя и знаменитая на весь мир своей «объективностью» телекомпания Би-Би-Си, отказавшаяся продемонстрировать документальные кадры трагических последствий натовских бомбардировок Сербии в конце 1990-х годов.

Технология информационной блокады в сочетании с методом безальтернативной интерпретации событий активно применялась американскими и другими глобальными СМИ при освещении событий «Арабской весны», украинского Евромайдана, а в наши дни при освещении боестолкновений националистически ориентированных вооруженных сил Украины с ополченцами Донецкой и Луганской народных республик.

3.5. Технология дезинформации

В современных информационных войнах, как и ранее, широко применяется *технология дезинформации*. Она представляет собой нечто большее, чем конкретный приём информационно-психологического воздействия. *Дезинформация* — это совокупность способов управления восприятием информации, рассчитанных на дезориентацию противоборствующей стороны в информационном пространстве. Это замена истинных фактов ложными, смещение представлений объекта о явлениях и событиях действительности в выгодное для дезинформатора русло. Цель дезинформации может быть масштабной и представлять собой воздействие на лиц, принимающих решения, и лиц, готовящих решения, направленное на выработку политической или военной стратегии государством-противником в нужном инициатору направлении. Цель дезинформации может быть и более частной — изменить ракурс, «угол» восприятия какого-либо резонансного факта у той или иной целевой аудитории, «открыть глаза» на якобы скрываемую кем-либо (например, официальными структурами, официальными СМИ) «истину», побудить тем самым людей к смене позитивного отношения к власти (представителю власти) на негативное и в конечном итоге привести к протестным действиям.

Дезинформация распространяется путём доведения до объекта-мишени (общества, власти, силовых структур) специально сформированной, имеющей *признаки достоверности* информации. Дезинформационное воздействие ведётся планомерно и направлено не только на сознание и подсознание человека, оно призвано повлиять прежде всего на его поведенческие реакции (принятие решений, переход к действиям, выгодным противнику, и т.п.). При этом «дезинформационное воздействие на лиц, принимающих решения, может осуществляться в непрерывном временном режиме, в пульсирующем и залповом режимах» [22].

Потоки дезинформации особенно увеличиваются в периоды различных кризисов (политических, военных) в связи с возникающим у аудитории острым дефицитом информации о возможных действиях противоборствующей стороны и ответных действиях собственного (политического или военного) руководства. Сегодня острые политические и военно-политические кризисные ситуации вокруг Сирии, Украины, Ирана, Северной Кореи являются убедительным тому подтверждением.

Важно понимать, что на пути любого дезинформационного воздействия имеются (или могут возникать) фильтры, барьеры, нацеленные на отклонение той информации, которая будет воспринята

---

[22] Цыганов В.В., Ковалёв В.И., Бочкарёва Ю.Г. Квалифицированная дезинформация как стратегический ресурс в информационной войне // Информационные войны. 2013. № 3 (27). С. 3.

как недостоверная. Подобные ментальные блоки существуют как в сознании обычного человека, так и тем более у военных специалистов, медиааналитиков, профессионально работающих с информационными потоками и стоящих на страже информационной (информационно-психологической) безопасности своего пространства.

Есть ли возможность обойти эти естественные или искусственные (технологические) «заслоны» на пути дезинформационного вброса? С давних времён военными стратегами, а на основе их опыта и современными медиааналитиками установлено, что «дезинформация обладает эффективностью при её системном входе, когда она получает подтверждение *из ряда источников*, а не из одного» [23].

В этом случае дезинформационные потоки, многократно пересекаясь, могут нейтрализовать действенность достоверной информации, как это случилось, например, накануне Великой Отечественной войны, когда советское руководство, став уязвимым объектом дезинформационной игры со стороны фашистской Германии и мифа о «ненападении», воспринимало достоверные донесения советской разведки о точных датах развязывания военной агрессии против СССР как «дезинформацию». Проиграв циничному врагу на информационном поле, наша страна понесла в первые месяцы войны серьёзнейший урон.

Другим важнейшим способом «внедрения» дезинформационного контента в сознание объекта, в том числе массовой аудитории, является «подача» дезинформации от какого-либо стороннего источника. В этом случае истинный источник, действуя не напрямую, оказывается скрытым, а дезинформация воспринимается объектом, аудиторией как вполне независимая и достоверная. При этом приём «смены источника» может быть дополнен приёмом «ссылки на авторитетный источник», что повысит убедительность распространяемых дезинформационных сообщений.

Ещё одним способом эффективного распространения дезинформации является создание иллюзии непреднамеренной «утечки» информации с «демонстративными» мерами наказания «виновных». В этом случае эффект правдоподобия дезинформационного воздействия также существенно повышается.

Технология дезинформации является во многом «зеркальным» процессом по отношению к технологии распространения истинной информации. Иными словами, «дезинформационная цепочка является трансформацией информационной», и если стандартная информационная цепочка предстаёт в виде схемы “источник → сообщение → канал → объект”, то «дезинформационная цепочка будет строиться на замене одного (или нескольких) из этих компонентов на псевдокомпонент» [24].

---

[23] Цыганов В.В., Ковалёв В.И., Бочкарёва Ю.Г. Квалифицированная дезинформация как стратегический ресурс в информационной войне. С. 5.

[24] Бухарин С.Г., Цыганов В.В. Методы и технологии информационных войн М. : Академический проект, 2007. С. 382.

Исходя из этой схемы дезинформационного воздействия важно заменить любой её элемент (*источник информации*, или *содержание* сообщения, или *канал* его доставки) на фальшивый (фейковый) — и в этом случае необходимый результат — дезориентация противоборствующей стороны — будет успешно достигнут.

Как и технология метапрограммирования, технология дезинформации является универсальным средством ведения информационных войн всех видов и требует эффективных методов её распознавания и нейтрализации.

3.6. Технология провокации

Провокативный стиль становится характерной приметой времени в различных видах искусства, в публичных дискуссиях политиков, в манипулятивных технологиях современных медиа. Технология провокации пришла в публичное пространство из сферы военных стратегий и тактик «военной хитрости» и обмана противника и неоднократно доказала свою эффективность, с точки зрения интересов её инициаторов, например, при организации «цветных революций» как механизм дестабилизации ситуации в странах-мишенях. Воздействуя на «уязвимые» точки сознания и поведения лиц, принимающих решения, и лиц, готовящих решения, на тщеславные амбиции и алчные инстинкты элит, умелые, циничные и изощрённые провокаторы способны поставить на грань гибели целые государства, стравить и заставить враждовать бывших союзников, подчинить себе слабых и легковерных.

Как отмечают специалисты, «*провокация* — это специальная информационная операция, вынуждающая конкурентов использовать проигрышную для себя стратегию. Провокация — важный элемент многих информационных войн, основанный на слабостях конкурента, выявлении “слабых звеньев” в его команде, содействии выдвижению в ней агентов влияния, некомпетентных и амбициозных менеджеров» [25].

Провокацию можно рассматривать и как применение военной хитрости в мирных целях. Алгоритм эффективной провокации выработан и апробирован достаточно давно, теоретически обоснован: «Спровоцировать соперника — значит добиться того, чтобы он в результате целенаправленных информационных воздействий воспользовался невыгодной для себя стратегией. Отсюда следует, что надо знать множество заведомо проигрышных стратегий соперника (конкурента). Далее следует подумать, как заставить его выбрать одну из этих стратегий в качестве руководства к действию» [26].

---

[25] Бухарин С.Н., Цыганов В.В, Бочкарёва Ю.Г. Провокации в информационном противоборстве // Информационные войны. 2013. № 1 (25) .С. 14.

[26] Там же.

История показывает, что спровоцировать легко тех, кто страдает мздоимством, тщеславием, беззастенчивой жаждой карьерного успеха. Если подобные люди находятся на высоких постах, они легко поддаются на провокации и в худшем варианте могут превратиться в «агентов влияния» либо «агентов перемен», выгодных противоборствующей стороне.

Как считают некоторые психоаналитики, именно непомерное тщеславие М. Горбачёва, жаждущего мировой славы, мечтавшего прослыть и остаться в истории в качестве гениального реформатора, стало одной из причин разрушения руководящего звена в советском правительстве с последующими губительными последствиями для всего Советского Союза. Рейкьявик стал точкой отсчёта в деградации его как политика и может рассматриваться в качестве скрытой крупномасштабной провокации, в том числе информационной, направленной на уничтожение великой Советской державы.

Об итогах удавшейся крупномасштабной провокационной политики Вашингтона Президент США Б. Клинтон в 1995 году на закрытом совещании Объединенного комитета начальников штабов говорил так: «Последние десять лет политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала правильность взятого нами курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока. Используя промахи советской дипломатии, чрезвычайную самонадеянность Горбачёва и его окружения, в том числе и тех, кто откровенно занял проамериканскую позицию, мы добились того, что собирался сделать президент США Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием — мы получили сырьевой придаток, не разрушенное атомом государство, которое было бы нелегко (заново. — О.В.) воссоздавать» [27].

Однако американский президент не ограничился тогда констатацией беспрецедентного стратегического успеха своей «глобальной империи», но, утратив всякое чувство политической меры, решил пойти ещё дальше, заявив: «В ближайшее десятилетие на этом стратегическом направлении нам предстоит решение следующих проблем:

- расчленение России на мелкие государства путём межрегиональных войн, подобных тем, что были организованы нами в Югославии;
- окончательный развал военно-промышленного комплекса России и армии;
- установление нужных нам режимов в оторвавшихся от России республиках.

---

[27] Валовой Д. XXI век: три сценария развития / Бизнес-школа «Интел-Синтез». М., 1999. 371 с.

Да, мы позволим России быть державой, но империей будет только одна страна — США» [28].

В медиасфере провокации стали в последнее время обычной практикой, неотъемлемым элементом информационно-психологической войны против России.

Примером может служить интервью украинского военного эксперта и популярного блогера Алексея Арестовича, данное им 28 ноября 2016 года информационному агентству «Апостроф». Рассуждая о необходимости в целях «деоккупации» Крыма проведения вблизи его территории провокационных ракетных стрельб и военных учений, он особо акцентирует внимание на информационно-психологическом значении этой опасной провокации. «…Это — гениальный ход, о котором я говорил давно с самого начала захвата Крыма. <…> Если россияне никак не будут этому препятствовать, они теряют свой суверенитет над Крымом, как они считают. Если же они попытаются воспрепятствовать, то это очередная военная акция против Украины, которая будет резко негативно воспринята мировым обществом. Поэтому аккуратно раз в недельку или, точнее, раз в месяц я бы что-то такое устраивал в районе Крыма. *Это очень хорошее информационно-психологическое воздействие на Россию*» [29].

Отражение медийных провокационных атак требует от представителей страны-мишени особого полемического мастерства, умения направить остриё провокационной атаки против самого противника. Этим мастерством блестяще владел замечательный дипломат, постоянный представитель России при Организации Объединённых Наций и в Совете Безопасности ООН Виталий Чуркин. Владеют им и такие «асы» медийно-политического пространства, как Роман Бабаян, Сергей Брилёв, Мария Захарова, Дмитрий Киселёв, Никита Михалков, Владимир Соловьёв, Виталий Третьяков, Михаил Леонтьев, Алексей Пушков, Александр Проханов, Константин Сёмин, Ольга Скабеева, Валерий Фадеев.

К сожалению, технология провокации стала неотъемлемой чертой феномена политического цинизма, всё чаще являющего себя в практике международных отношений со стороны США, стремящихся к глобальному доминированию любой ценой.

3.7. Технология киберсимуляции и астротурфинга

Уровень развития современных IT-технологий позволяет технически изощрённо осуществлять кибератаки не только на системы государственного управления и промышленную инфраструктуру, но и на массовое сознание, блоги и социальные сети.

---

[28] Бухарин С.Н., Цыганов В.В, Бочкарёва Ю.Г. Провокации в информационном противоборстве. С. 18.

[29] Савицкий Г. Провокация как праздник // Стратегия России. 2017. № 1. С. 47.

Так, американская компания “Ntrepid” разработала ещё несколько лет назад и представила Объединённому центральному командованию США (Centcom) программное обеспечение, рассчитанное на создание в Интернете неограниченного числа виртуальных псевдоличностей (ботов), каждая их которых способна иметь свою историю, биографию, культурную и географическую идентичность и может восприниматься как реальный человек. При этом использование технологии подмены IP-адресов позволяет создавать видимость того, что все коммуникации осуществляются реально существующими интернет-пользователями из разных точек планеты.

Использование ботов, как массированное, так и точечное, способно активно влиять на сознание и поведение больших и малых целевых групп людей в разных странах. «Цветные революции» последних лет показывают высокий мобилизационный потенциал этой технологии.

По справедливому утверждению учёного-политолога С.В. Володенкова, «такого рода киберсимулякры (копии, не имеющие оригинала. — *О.В.*) могут решать сразу целый ряд задач в рамках мягкой информационной войны, которую можно определить таким термином, как SmartCyberwar» [30]. Не используя в работе, опубликованной ещё в 2011 году, термина «цветные революции», ставшего популярным лишь в самые последние годы, исследователь, однако, очень точно определил спектр задач, которые были реализованы с помощью технологии создания фальшивых виртуальных личностей именно в ходе «цветных революций», в событиях «Арабской весны», украинского «Евромайдана» и других подобных им:

- создание атмосферы массовой поддержки определённой политической силы или политического лидера, чаще всего представляющих оппозицию;
- инициирование искусственно созданных информационных поводов в онлайн-пространстве для формирования выгодной субъекту манипуляции повестки дня;
- генерирование симулированных псевдособытий, не имевших места в действительности;
- распространение дезинформации о реальных политических событиях;
- компрометация политических оппонентов;
- внедрение в массовое сознание иной системы ценностей с одновременным разрушением прежней;
- формирование выгодных агрессору моделей массового поведения;

---

[30] Володенков С.В. Технологии интернет-коммуникации как фактор обеспечения информационной безопасности современного государства // Информационные войны. 2011. № 3 (19). С. 93.

• создание новых и коррекция имеющихся массовых стереотипов восприятия действительности;

• мобилизация масс для протестных действий [31].

Как показали дальнейшие события на Украине в 2013–2014 годах, методы киберсимуляции широко использовались в процессе переформатирования массового сознания страны. Использовались они теоретиками и практиками «ненасильственного сопротивления» и при подготовке событий на Болотной площади в Москве в декабре 2011 года. Продолжают применяться и сегодня в масштабной информационной войне против России.

Наряду с технологией киберсимуляции, в современных информационных войнах используется близкая ей в главных моментах технология астротурфинга (Astroturfing) — искусственного управления общественным мнением. Она реализуется не только с использованием киберботов, основанных на соответствующем программном обеспечении, но и с привлечением специально нанятых оплачиваемых реальных пользователей, так называемых «троллей», которые создают видимость многочисленных протестных интернет-акций, используют технику подставных дискуссий, фейковых (фальшивых) интернет-петиций, апеллирующих к власти, «троллят», оскорбительно высмеивающих своих оппонентов, придерживающихся иных позиций, пытаются вытеснить их из информационного пространства.

Таким образом, технологическое обеспечение современных информационных войн отличается всё большей политической ангажированностью, непредсказуемостью технических решений. Всё это вместе взятое свидетельствует о том, что именно информационное пространство становится основным театром военных действий и определяющей моделью войн будущего.

3.8. Технология противодействия информационным атакам

Знание технологий, приёмов и методов информационной войны необходимо для организации грамотного и эффективного противодействия противнику.

Специалисты разработали различные алгоритмы защиты от информационной агрессии, которые могут носить как оборонительный, так и наступательный характер. Цель такого алгоритма — создание системы раннего предупреждения, способной своевременно обнаруживать попытки манипулирования со стороны информационного противника и действенно противостоять им.

Так, если обобщить и уточнить предполагаемые схемы противодействия, опираясь в ключевых моментах на концепцию

---

[31] См.: Володенков С.В. Технологии интернет-коммуникации как фактор обеспечения информационной безопасности современного государства. С. 93.

И.Ю. Нежданова [32], то цикл отражения информационной агрессии и его этапы можно представить следующим образом:

I. Этап наблюдения и отслеживания действий информационного противника:

- выявление начала информационной атаки, признаком которой является резкое увеличение количества негативных информационных вбросов;
- выявление источника агрессии (противника в информационной войне) и оценка его информационно-деструктивного потенциала;
- мониторинг деструктивных действий противника;
- мониторинг реакции аудитории (целевой или массовой) на действия противника.

II. Этап подготовки к ответным действиям:

- выявление уязвимостей противника (болезненных для него тем), которые станут объектом информационного противодействия;
- создание инфраструктуры для противодействия информационному противнику (тематических аккаунтов, сетей распространения соответствующей контринформации для защиты от информационного нападения, при необходимости — создание сети «виртуальных» личностей);
- создание «противоударного» контента (текстового ресурса), рассчитанного на нейтрализацию и дискредитацию действий информационного агрессора.

III. Этап ответных действий:

- распространение «противоударного» контента с помощью созданной инфраструктуры противодействия;
- мониторинг реакции аудитории (целевой или массовой);
- мониторинг реакции противника;
- оценка результативности отражения информационной атаки;
- корректировка мер по противодействию информационной агрессии;
- переход к контрнаступлению (от оборонительной к наступательной тактике).

Подчеркнём, что важнейшее значение для успеха информационного противоборства имеет не только система раннего распознавания агрессивных намерений информационного противника, но и система опережающих действий, чтобы не быть застигнутым врасплох с перспективой заведомого проигрыша в навязанном противоборствующей стороной внезапном нападении.

---

[32] См.: Нежданов И.Ю. Технология информационных войн в Интернете. М., 2014. С. 68–69. URL : http://bash.rosmu.ru/activity/attach/events/1283/01.pdf (дата обращения: 30 янв. 2018)

Поэтому так важно вести постоянный мониторинг негативной информационной активности потенциального противника, концентрируя внимание на её «всплесках», а также всегда иметь в запасе эффективную *инфраструктуру противодействия*, включающую в себя соответствующие аккаунты и сети распространения необходимой «противоударной» информации.

Политтехнологи, работающие в сфере информационных войн, считают возможным и такой вариант мобилизационной готовности к возможной информационной агрессии, как заблаговременное *«создание библиотеки контента под разные прогнозируемые тенденции»* [33].

Важное значение имеет в этой связи владение техникой *контрманипуляции,* «то есть ответной реакции со стороны адресата, которая использует обстоятельства, созданные самим манипулятором» [34]. Известный политтехнолог В.П. Шейнов, автор этого определения, считает необходимым для успешных контрманипулятивных действий выполнение следующих ключевых условий: 1) получение информации из различных (прежде всего независимых) источников; 2) отслеживание событий в динамике; 3) анализ полученных сведений; 4) определение выгоды той или иной стороны; 5) формулирование выводов; 6) разоблачение манипуляций и их авторов (при необходимости в публичной полемике).

Главная задача в противодействии информационной агрессии — убедительная *дискредитация* деструктивных намерений противника, ослабление доверия к нему со стороны как целевой, так и массовой аудитории, нейтрализация последствий его воздействия на общественное сознание.

К средствам дискредитации противника можно отнести, например, *акцентирование внимания на интеллектуальной ущербности противника.* Неоднократно становилось, например, предметом публичного осмеяния невежество американских политиков и сотрудников их пресс-служб в области фундаментальных знаний — географии и истории в частности. Они нередко путают Австрию с Австралией, Швецию со Швейцарией, Арктику с Антарктикой, слабо представляют себе, где находятся Украина или Грузия, что не мешает им, однако, делать разного рода воинственные или обличительные заявления. Анекдотическим символом такого политического невежества в публичной сфере стала Джейн Псаки, помощник Президента США по коммуникациям (2009–2011, 2015–2017), официальный представитель Государственного департамента США (2013–2015), спровоцировавшая массовое информационное творчество интернет-пользователей в разных странах мира, создавших немало иронических видеосюжетов и фотоколлажей с её участием.

---

[33] Нежданов И.Ю. Технология информационных войн в Интернете. С. 95.

[34] Шейнов В.П. Манипулирование сознанием. Минск : Харвест, 2010. С. 744.

Одним из приёмов морально-психологической дискредитации противника является *доведение до абсурда* его, как правило ложных и клеветнических, измышлений. Другим близким приёмом является приём *«отзеркаливания»* — использование контента противника с корректировкой «плюса» на «минус». В этом случае незаменимыми средствами публичной полемики являются *ирония* и *сарказм*. Этими приёмами в совершенстве владеет официальный представитель МИД России Мария Захарова. Её комментарии можно, безусловно, признать классикой жанра. Её положительный опыт в этой сфере убедительно свидетельствует о том, как важно политикам и журналистам владеть навыками *контрпропаганды* и *публичной полемики*, которым необходимо обучать в вузах в рамках соответствующих учебных программ. К сожалению, на системном уровне эта задача пока не решается.

Полвека назад выдающийся исследователь мировых медиа Герберт Маршалл Маклюэн отмечал: «Истинно тотальная война — это война посредством информации. Её незаметно ведут электронные средства коммуникации. Это последовательная, жестокая война, её ведут буквально все. Войнам в прежнем смысле слова мы отводим место на задворках Вселенной» [35]. В то время эти слова казались не столько констатацией реального положения вещей, сколько прогнозом на будущее.

Сегодня мы видим: владение технологиями распознавания манипулятивного воздействия и эффективными способами информационно-психологического противоборства становится всё более актуальной и насущной задачей повседневной политической и медиаполитической практики.

---

[35] Маклюэн Г.-М. Галактика Гутенберга. М. : Академический проект, 2005. С. 391.

ГЛАВА 4

ТИПОЛОГИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ И ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ВОЙН НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Необходимость разработки типологии информационных войн связана с широким разнообразием их терминологических определений, недостаточной чёткостью в выявлении их отличительных черт и объектной направленности. Такое положение вполне объяснимо, поскольку ***теория информационных войн*** как самостоятельная отрасль научного знания находится пока в стадии становления. Бурно развивающаяся практика применения информационных стратегий в военных действиях и геополитической борьбе порой опережает процессы детального их теоретического осмысления.

Тем не менее, важно учитывать, что понятие «информационная война», каким оно представлялось полвека назад и каким является сегодня, имеет существенные различия. Если в 80-е — начале 90-х годов XX века под информационными войнами понимали операции психологического и идеологического влияния, то за последние 20 лет от родового понятия «информационная война» отпочковалось множество её разновидностей, которые объединяет только общее средство их ведения — *информационное оружие*. Однако информационное оружие может быть направлено на разные объекты и именно *объектная направленность* является, по нашему мнению, важнейшим смыслоразличительным принципом.

Внутри спектра информационных войн до недавнего времени принято было выделять два их типа: *информационно-психологические войны*, объектом которых является нематериальный фактор — сознание людей, и *информационно-технологические (технотронные) войны*, объектом которых выступает материальный фактор — программно-аппаратные средства, электронные системы управления и связи и т. п.

Однако более детальный анализ типологии современных информационных войн, к которому мы стремимся в данной работе, позволил обнаружить третий крупный блок *информационных войн смешанного (гибридного) типа*, где практически в равной степени задействованы и психологические, и технологические механизмы. Была предпринята также попытка выделить внутри трёх этих главных типов информационных войн их отдельные подвиды (разновидности).

Так, внутри комплекса *информационно-психологических войн* были выделены их разновидности, объектами которых являются разные сегменты психосферы (сознание, подсознание, воля, восприятие, интеллект, память), в конечном итоге — национальная идентичность и историческая память. К ним нами отнесены ментальные, консциентальные, когнитивные, контентные войны, а также «войны памяти» и психоисторические войны.

Внутри комплекса *информационно-технологических (технотронных) войн*, которые сегодня чаще всего называют обобщённым термином «кибервойны», также обнаружилась внутренняя дифференциация, позволившая разграничить кибервойны и хакерские войны, сетецентрические и информационно-алгоритмические войны.

В третьем блоке *информационных войн смешанного (гибридного) типа* с психоактивным и технотронным компонентами выявлены разграничительные линии между гражданскими сетевыми войнами, поведенческими и кибертеррористическими войнами. При этом под «психоактивным компонентом» мы имеем в виду психологические операции, рассчитанные на массовое сознание, а под «технотронным» — технические средства и способы управления массовым сознанием. В разделе, посвящённом информационно-психологическому противостоянию на Украине, делается вывод о его гибридном характере, включающем в себя ментально-языковой конфликт с применением широкого спектра элементов когнитивных и поведенческих войн.

4.1. Информационно-психологические войны

4.1.2. Войны на поражение национального сознания, воли, интеллекта

Ментальные войны. Понятие *«ментальные войны»* пока ещё недостаточно разработано в теории информационных войн, как и понятие «ментальное оружие». Тем не менее, это явление существует объективно и требует своего научного объяснения и описания.

Для начала необходимо дать определение ключевому понятию — ментальный. Так, по мнению И.Г. Дубова, термин «менталитет» представляет собой «интегральную характеристику людей, живущих в конкретной культуре, своеобразие видения этими людьми окружающего мира и специфику реагирования на него» [1]. Н.М. Ракитянский выделяет в структуре менталитета следующие «его черты: типовое поведение, культурный и поведенческий код, психический склад, своеобразный склад ума» [2]. Менталитет (мен-

---

[1] Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 2. С. 20–21.

[2] Ракитянский Н.М. Категории сознания и менталитета в контексте категории политической полиментальности // Информационные войны. 2012. № 3 (23). С. 33.

тальность) включает в себя, таким образом, представления, ценности, установки, стереотипы, нормы, традиции, архетипы национального сознания и коллективного бессознательного — всю совокупность черт, отличающих один народ от другого.

В рамках данного исследования *ментальность* может быть определена как *цивилизационная идентичность* россиян, как *национальный ценностный код* и *национальный ценностный базис*.

Значение изучения проблемы менталитета существенно возросло в условиях кризиса российской идентичности 1990-х годов под воздействием массированной «западнизации» (термин А. Зиновьева), вестернизации, американизации, проникших во все сферы не только социально-экономической, но и духовно-культурной жизни страны. Ослабла защитная функция культуры, зато усилилась её адаптивная функция, готовность «мимикрировать», приспособиться к новым условиям рыночного существования.

Чуждая нам протестантская этика «индивидуального успеха», «индивидуального спасения», проникшая вместе с утверждением в России западных жизненных установок под маской «общечеловеческих ценностей», вступила в антагонистическое противоречие с традиционной национальной этикой, утверждающей бытие как служение, подчинение частного общему и исходящей из коллективистских начал человеческого существования.

В этот же период ослабли и *защитные функции русского языка* как ретранслятора ценностей национальной культуры и передачи их от поколения к поколению. Англофонная культурно-речевая экспансия, усиленная агрессией «сетевого жаргона» и маргинальными «ядами» криминальной речевой среды, всплывших на поверхность в условиях «бандитского» капитализма, стремительно заполнила лакуны народной разговорной речи, язык театра, кино, медиа, поставила под угрозу не только национальный культурный, но и языковой иммунитет. А ведь именно на основе языка реализуются основные функции культуры — аксиологическая (ценностная), гносеологическая (познавательная) и коммуникативная (функция общения). В связи с этим целесообразно напомнить, что «во время формационных сдвигов, приводящих общество в состояние кризиса, защитные функции культуры (а значит и языка. — *О.В.*) являются наиважнейшими» [3].

Наряду с культурой и языком, другим важнейшим основанием *ментальной модели* национального самосознания является приверженность вере, укоренённой в веках религиозной традиции. Этот фактор имеет значение не только для «воцерковленных» людей, свято соблюдающих религиозные обряды и обычаи. Многими людьми вера воспринимается как явление национального духа, исток национального характера. Так, не считая себя в полном смысле

---

[3] Куц В.А. Основы информационного противодействия — активизация защитных функций культуры // Информационные войны. 2014. № 3 (31). С. 82.

верующими, многие советские граждане, рождённые и воспитанные в атеистическую эпоху, считали себя людьми православной культуры, так сказать «православными атеистами» (это парадоксальное, но по-своему меткое словосочетание довольно точно отражало одну из характерных черт «советской ментальности»).

Как утверждают религиоведы и философы, «феномен менталитета объясняется культурно-историческими истоками и в конечном счёте — религиозным происхождением. Любой менталитет развивается на основе веры» [4]. При этом именно *традиции православия* стали основой русского национального менталитета, который определил не только культурно-историческое своеобразие России, но и направление её политического развития [5].

В структуре ментальной модели русского национального самосознания исследователями особо выделяются ключевые *ментальные матрицы*: «Русская земля», «Русская вера» и «Русский мир».

Так, по мнению сотрудника Института славяноведения О.Б. Неменского, «Русская земля — одно из важнейших понятий в системе русской идентичности», в парадигме отечественной культуры. Русская земля — это не просто территория, это «земля, наделённая особым религиозным значением и вне христианских понятий не существующая. Эта земля имеет особое место в священной истории, в эсхатологической перспективе», соответственно «русский народ предстаёт как избранный Богом народ, живущий на Святой земле» [6]. Примечательно, что аналогов типа «французская земля», «английская земля», обладающих схожим сакральным смыслом, не существует.

Исходя из близости понятий «ментальность» и «идентичность» следует подчеркнуть, что идеология «глобального доминирования», которую исповедуют США, включает в себя и *«глобальное управление идентификациями»*. В этом таится серьёзная опасность, поскольку разрушение национальных идентичностей ведёт к ослаблению государственного суверенитета стран-мишеней, способствует втягиванию их «пылесосом глобализации» в качестве младших партнёров в сферу влияния «космополитического истеблишмента» во главе с США [7].

Всё это побуждает исследователей говорить о делении национальных культурных моделей на «сильные, не поддающиеся управлению извне» (например, культуры Китая, Индии, Ирана), и культуры «слабые», легко управляемые, подверженные влиянию ве-

---

[4] Ракитянский Н.М. Феномен англо-американской ментальной экспансии в контексте психологии веры // Информационные войны. 2009. № 4 (12). С. 78.

[5] См. там же.

[6] Неменский О.Б. «Русская земля» как базовое понятие русской идентичности // Информационные войны. 2012. № 1 (21). С. 66–67.

[7] См.: Хорос В.Г. От глобализации нельзя отгородиться // Глобализация и цивилизационная идентичность России : материалы постоянно действующего научного семинара. Вып. 2 (11). М. : Научный эксперт, 2008. С. 36.

стернизации либо уже поглощённые ею (страны Восточной Европы и др.). «Первые (сильные. — *О.В.*) консолидированы, не допускают серьёзного влияния космополитических контрсил, интегрируют граждан, этносы, территории. Вторые (слабые. — *О.В.*) допускают чрезмерную активизацию космополитических (точнее, «глобалистских». — *О.В.*) контрсил и деконсолидацию общества», — отмечает доктор политических наук, профессор МГУ имени М.В. Ломоносов В.М. Капицын [8].

Идеология глобализма стремится к преодолению «барьеров идентичности», к смене национально-культурных кодов глобалистскими установками, именуемыми в рамках англо-саксонской парадигмы общечеловеческими ценностями (права человека, свобода слова, толерантность, мультикультурализм, трансграничность, права меньшинств, глобальное гражданское общество, трансгуманизм и т. п.).

К таким «барьерам идентичности» относится, безусловно, и историческая память — «такая же важная граница, как река или гора» [9]. Наряду с культурой, языком, верой, *историческая память* народа составляет один из краеугольных камней его ментальности, его национально-культурной идентичности. При этом нельзя забывать, что именно цивилизационная и национальная идентичность поддерживает не только самобытность национальной культуры народа, но и легитимность власти и государственный суверенитет [10].

Очевидно, что в современном противостоянии идеологов глобализма со сторонниками сохранения исторически сложившейся модели национальных государств вопрос защиты цивилизационной идентичности приобретает первостепенное значение. Поэтому глубоко прав известный учёный-политолог Ю.В. Громыко в своём важном выводе: «Основной тип конкуренции и борьбы в глобализированном мире сегодня связан с ведением *войн за изменение и преобразование идентичности.* Смена идентичности не требует захвата территорий. Люди сами добровольно переходят под знамёна другой цивилизации» [11].

Именно *«войны за изменение идентичности»* мы и называем *«ментальными войнами».*

В «четырёхугольном» фундаменте русской ментальности — *язык, культура, вера, историческая память* — важное место отведено проблеме веры.

---

[8] Капицын В.М. Космополитизм и цивилизационная идентичность России // Информационные войны. 2010. № 3 (15). С. 29.

[9] Прайс М. Телевидение, коммуникации и переходный период: право, общество и национальная идентичность. М. : Изд-во МГУ, 2000.

[10] См.: Капицын В.М. Космополитизм и цивилизационная идентичность России. С. 26.

[11] Громыко Ю.В. Антропология политической идентичности. Самоопределение «рашинз» в глобальном мире. М. : АРКТИ, 2006. С. 49.

Православное ядро русской ментальности является одним из главных объектов явной и скрытой антироссийской пропаганды и, более того, — антироссийской политики Запада на протяжении многих веков. Ещё видный западный политолог Арнольд Тойнби открыл миру эту первопричину непрекращающегося противостояния западных и восточных религиозно-мировоззренческих систем: «Русские навлекли на себя враждебное отношение Запада из-за своей упрямой приверженности чуждой цивилизации», «цивилизации восточно-православного христианства» [12], которую он называет «варварской отметиной» русского народа.

Поэтому и нынешний облик России, казалось бы «преодолевшей коммунизм», вызывает у Запада враждебное чувство. Ведь чувство это носит, как отмечал замечательный отечественный философ А.С. Панарин, «сверхидеологический, сверхполитический» характер, поскольку в основе его лежит то, что невозможно изменить сменой политического строя — наша духовная природа, православное ценностное ядро нашей культуры и нашей цивилизации [13].

Именно это имел в виду и один из самых ярых недругов нашей страны Збигнев Бжезинский, утверждавший неоднократно, что «после СССР главным врагом Америки остаётся русское православие». Именно Бжезинский, выстраивая на своей глобальной «шахматной доске» стратегию нынешнего «раскола» отношений между Россией и Украиной, сделал особый акцент на факторе межконфессиональных и внутриконфессиональных разногласий, а в своём знаменитом выступлении на заседании Американо-украинского совещательного совета по случаю присвоения ему звания почётного гражданина Львова заявил: «Новый мировой порядок при гегемонии США создаётся против России, за счёт России и на обломках России» [14]. Главное, считал он, не допустить возрождения евразийской империи, способной помешать существованию единственной глобальной сверхдержавы — Америки, стоящей во главе евроатлантической цивилизации [15].

Идеологи глобализма и их адепты по всему миру не могут понять, почему сознание большинства россиян за четверть века «рыночных» реформ в экономике оказалось невосприимчивым к рыночной этике, психологии и морали.

Даже коммерциализированные телепроекты — «кальки» с западных оригиналов «Слабое звено», «Последний герой», «Алчность» с их принципами «уничтожь слабого и спасёшься», «твоё богатство

---

[12] Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М. : АСТ : Астрель,1996. С. 106–107.

[13] См.: Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М. : Алгоритм, 2002. С. 220.

[14] Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы : пер. с англ. М. : АСТ, 2018. С. 108.

[15] См. там же.

угодно Богу» — не повлияли сколь-нибудь значительно на сознание массовой российской аудитории и вскоре были свёрнуты.

По справедливому утверждению сотрудника Института этнологии и антропологии Российской академии наук доктора исторических наук К.В. Цеханской, «в метафизических глубинах традиционного самосознания русских неизменно сосуществуют и одухотворяют друг друга идея бренности мирских богатств, эсхатологические чаяния будущей жизни и мессианская жажда обретения божественной благой вечности, открытой для всех. Эта триада и составляет ядро русской идеи, вокруг которого происходит живая, сложная, многоуровневая сборка русского народа» [16].

В условиях современных ментальных войн, нацеленных на перекодирование культурной идентичности граждан России, особое значение приобретает обеспечение безопасности национальных культурных пространств, их защиты от ментальных диверсий.

Следует помнить, что организаторы информационно-психологических, и в том числе ментальных, войн инициируют не только фальсификацию истории, но и фальсификацию культурных ценностей. Опасно то, что в условиях распространения низкопробных образцов массовой культуры, скроенных по лекалам западных стандартов потребления, «фальсификат становится не только подделкой подлинной ценности, он вытесняет последнюю и становится даже более востребованным…» [17]. Действительно, поп-культура, вытесняя подлинную культуру, ослабляет духовно-творческий потенциал нации. А учитывая, что главной функцией культуры является функция национальной идентификации, что в условиях военно-политических кризисов культура становится оружием духовной обороны, проблема фальсификации культурных ценностей и смыслов должна рассматриваться как угроза национальной безопасности.

Не случайно с особой настороженностью было воспринято на Западе активное продвижение Россией концептологии «Русского мира».

Западные идеологи информационно-психологических, в том числе ментальных, войн увидели в этом угрозу новой территориальной экспансии и возрождения имперских амбиций со стороны России. «В условиях обострения международной ситуации вокруг Украины массовое сознание на Западе воспринимает Россию, и тем более Русский мир… как “империю зла”, как враждебную и опасную геополитическую антитезу всему западному миру» [18].

---

[16] Цеханская К.В. Глобализм и русская идея: к проблеме самоидентификации русского этноса // Информационные войны. 2013. № 2 (26). С. 90.

[17] Сараф М.Я. Безопасность национального культурного пространства — необходимое условие устойчивого развития // Там же. 2010. № 3 (15). С. 96.

[18] Неймарк М.А. Украинский кризис и Русский мир // Обозреватель — Observer. 2015. № 8. С. 41.

Причину цивилизационного (ценностного, ментального) конфликта между Западом и Востоком известный медиаполитолог В.Д. Соловей видит в том, что «негативистская презумпция восприятия России входит в так называемый геополитический код Запада, представляя устойчивый социокультурный и *ментальный стереотип.* Россия нужна Западу именно как негативный alter ego» [19].

На самом деле концепция Русского мира базируется на совсем иных основаниях, не имеющих отношения к задаче стать «новой евразийской империей», которую ей приписывают западные идеологи и их адепты. Так, по определению исполнительного директора фонда «Русский мир», известного политика и учёного Вячеслава Никонова, Русский мир — это «своеобразная цивилизация, которая шире этносов и территорий, а принадлежность к нему — прежде всего самоощущение» [20]. Дополняя и уточняя это понятие, другой видный политолог, профессор Дипломатической академии МГИМО М.А. Неймарк подчёркивает: «Речь идёт о многоэтническом и многогранном мире; определяющим и объединяющим критерием принадлежности к нему является опора на русский язык, русскую культуру, цивилизационную идентичность, духовно родственное мироощущение и миропонимание» [21].

Примечательно, однако, что недруги нашей страны в дальнем и ближнем зарубежье увидели в концепте «Русский мир» секретное ментальное оружие русских. С особым накалом русофобская истерия проявила себя на Украине, где жёсткое отторжение Русского мира проявилось прежде всего в дискриминационных мерах по отношению к русскому языку, а язык, как известно, основа менталитета. В данном случае именно русский язык стал предметом «ментальной войны» локального значения, но с поистине глобальным резонансным эффектом: «На Украине идёт война менталитетов и война языков. Донецкая и Луганская народные республики ведут войну за русский язык, за русский ментальный мир под названием Новороссия. Но против них ополчился украинский и весь западный информационный мир, надев на себя “шлемы Персингера” или что-то им подобное, захватив тем самым информационную власть над населением Центральной и Западной Украины» [22].

Первоочередная роль языкового и культурного факторов в технологиях «ментальных войн» вполне очевидна. Об этом свидетельствуют не только жёсткие ограничительные меры в отношении русского языка в информационном пространстве Украины, но и принятые нынешней украинской властью законы о запрете российской и советской символики, об уголовном преследовании за отрицание

---

[19] Соловей В.Д. Бренд «Россия» // Полис. 2009. № 4. С. 168.

[20] Никонов В. Код цивилизации. Что ждёт Россию в мире будущего? М. : Э, 2015. С. 81.

[21] Неймарк М.А. Украинский кризис и Русский мир. С. 47.

[22] Попов В.Д. Власть в фокусе информационной социологии // Власть. 2015. № 1. С. 57.

того, что бандеровцы боролись с Россией за свободу Украины, запрет на демонстрацию российских фильмов, в которых затрагивается военная тематика, а это значит и тема Великой Отечественной войны и Великой Победы. Официальное объявление России вооружённым агрессором, фактический срыв выполнения Минских соглашений, поддержка ультрарадикальной националистической прессы с её маниакальной русофобией и призывами «убить Русский мир» — всё это проявление изощрённого применения *ментального оружия* для необратимого раскола славянского единства двух братских по крови и истории народов — в конечном счёте *ментальной войны* с пагубными для всей Европы последствиями.

Кризис общероссийской идентичности, «вакуум» национальной идентичности, ставший следствием распада Советского Союза, вызвал серьёзные деструктивные процессы в сфере ценностных установок, культурных традиций, мировоззренческих основ существования населения нашей страны. В результате идеологический вакуум начал стремительно заполняться чуждыми русской ментальности смыслообразующими ценностями потребительского общества и массовой культуры прозападного типа. С помощью новых медиа и социальных сетей, а также «энтузиастов блогосферы» открылись шлюзы для проникновения в сознание россиян нового «глобализационного проекта», нацеленного на «смену цивилизационной парадигмы на территории Российской Федерации» [23]. В результате неолиберальной элитой, пришедшей к власти в 1990-е годы, с помощью манипулятивных политтехнологий была предпринята попытка формирования новой, «альтернативной» идентичности россиян, основанной на рыночной психологии и морали, идеологии личного успеха, вытеснении из коллективного сознания сакральных смыслов русского духа и исторической памяти.

С помощью ментального, когнитивного, организационного, поведенческого оружия адептами глобализации была поставлена задача переконструирования идентичности русских, при этом идентичность превратилась в объект информационно-психологического противоборства. Однако глобализационные процессы наткнулись на упорное сопротивление традиционалистских сообществ, наций и целых государств, среди которых Россия заняла лидирующие позиции, оказалась способной объединить вокруг себя противников глобального квазилиберального проекта, способного привести человечество к духовному и физическому вырождению.

В результате «роль традиционалистских групп в мировом сообществе резко возросла, национальная и конфессиональная идентичность из этнокультурного феномена превращается на наших глазах в мощный политический фактор» [24].

---

[23] Черемных К.А., Восканян М.В., Кобяков А.Б. Анонимная война. От аналитиков Изборского клуба. М. : Алгоритм, 2014. С. 5.

[24] Устинкин С.В., Рудаков А.В. Идентичность — объект современного глобального противоборства // Обозреватель — Observer. 2017. № 9. С. 57.

Вполне очевидно: дальнейшее манипулирование идентичностью — вещь взрывоопасная. Смена ментального кода любой нации, а тем более такой, как русская, являющаяся центром притяжения всего евразийского пространства, ведёт к невосполнимым цивилизационным утратам.

Анализ медийного и сетевого дискурса в год 100-летия революционных событий 1917 года показал недопустимость подрыва объединяющих народы России ментальных основ национальной безопасности: призывов к «десоветизации», провоцирования новых вспышек противостояния между «красными» и «белыми» и т. п.

О единстве национально-исторического процесса, о необходимости сохранения национально-культурной преемственности напоминает в своих программных выступлениях Президент России В.В. Путин. Об этом говорят видные политологи и политики [25].

Важно помнить, что политика укрепления национальной идентичности является важным ресурсом государства, а бережно сохраняемая ментальность народа — фактором укрепления национальной безопасности. Ведь, как справедливо утверждают учёные, «в современных условиях в политическом споре выигрывает тот, чья идентичность оказывается более устойчивой, кризис же идентичности ведёт к утрате геополитических позиций» [26].

Консциентальные войны. Термин «консциентальная война» (от лат. *conscientia* — сознание) введено в научный оборот известным отечественным учёным Юрием Громыко в середине 90-х годов XX века. Поскольку консциентальная война реализуется не только с помощью медийных средств, но и с использованием возможностей культуры и искусства, психотропных и психотронных средств и осуществляется «в течение длительного времени по тщательно разработанному сценарию», некоторые специалисты считают её «высшим типом информационно-психологической войны» [27].

Это комплексная форма воздействия, которая реализуется с применением так называемого «консциентального оружия» — оружия не просто *поражения сознания*, но, что ещё опаснее, — *замещения сознания*.

Воздействие консциентального оружия в большинстве случаев не осознаётся объектом. Изменения в его сознании воспринимаются им самим как вполне естественные, как эволюция взглядов под влиянием «веяний времени», реальной или мнимой необходимости корректировки политического курса государства, ме-

---

[25] Никонов В. Код цивилизации. Что ждёт Россию в мире будущего?

[26] Устинкин С.В., Рудаков А.В. Идентичность — объект современного глобального противоборства. С. 60.

[27] Ковалев В.И., Матвиенко Ю.А. Деструктивные сетевые социальные структуры и информационные войны как современные вызовы безопасности России // Информационные войны. 2011. № 3 (9). С. 14.

няющейся общественно-политической обстановки в стране, появления ранее неизвестной информации, в корне меняющей представления о событиях и лицах отечественной истории и политики. О том, что подобные процессы могут направляться извне как часть глобального сценария, разработанного «мозговыми центрами», «фабриками мысли» страны-противника, население страны-мишени, как, впрочем, и её элиты разного уровня, чаще всего (или до определённого времени) не догадываются.

Трансформация мировоззрения индивидов, малых и больших групп населения в стране-объекте в случае применения консциентального оружия происходит медленно, постепенно, что входит в задачу и методологию реализуемого сценария. Тем опаснее и разрушительнее результаты такого воздействия, поскольку оно затрагивает всю иерархическую вертикаль. «Появление лиц с “замещённым” сознанием в высших органах государственного и военного управления (так называемых “агентов влияния”) при иерархической централизованной структуре системы управления может привести к катастрофическим последствиям», — предупреждают учёные-эксперты [28].

Вполне очевидно, что именно такой сценарий был применён западными противниками в отношении Советского Союза в ходе перестройки, что привело к распаду некогда могущественной державы.

Консциентальные войны можно рассматривать и в парадигме так называемых «операций влияния», характерным признаком которых является расчёт на долгосрочное воздействие, на «накопительный» эффект, который может проявиться через длительный период времени.

«Объектом операций влияния могут быть как отдельные социальные группы, так и государство в целом, — отмечает современный исследователь и поясняет: — Примером является одна из самых масштабных операций влияния — перестройка, когда доминирующая модель социалистического государственного устройства и её ценности были (справедливо или несправедливо) опорочены, в результате чего произошёл развал государства» [29].

Являясь «эволюционным» и «цивилизационным» конкурентом Запада, правопреемница СССР Россия выступает сегодня главным объектом ведущейся против неё консциентальной войны.

Многосоставный, многофакторный характер «стратегии непрямых действий» лежит в основе этого типа противоборства: «Консциентальная война — война психологическая по форме, ци-

---

[28] Ковалев В.И., Матвиенко Ю.А. Деструктивные сетевые социальные структуры и информационные войны как современные вызовы безопасности России. С. 14.

[29] Борхсениус А.В. Операции информационной войны. Новая классификация // Информационные войны. 2011. № 3 (9). С. 7.

вилизационная по содержанию, организационная по способам и информационная по средствам достижения целей» [30].

Истерия русофобии, демонизация России — неотъемлемый элемент современных информационно-психологических войн, в том числе войн консциентального типа — войн на поражение сознания, на замещение смыслов.

Почему это происходит? Независимый итальянский журналист и политобозреватель Джульетто Кьеза объясняет это так: «Считаю, что причина ярости одна: Запад потерял монополию. Долгое время он имел полную монополию в контроле не только информации. Была ещё монополия на образ жизни, на видение смыслов. Запад нервничает, потому что глобализация уже не может идти дальше. Вот почему Запад так истерически реагирует: вся конструкция глобализации умирает. Подходит к концу самый гигантский эксперимент в истории человечества. А здесь — Русский мир. Россия сегодня выступает как центр сохранения памяти, обычаев, связи старого и молодого поколений. И такую связь на мировой арене олицетворяет Владимир Путин. Вот человек, который может быть одновременно прогрессивным и консервативным» [31].

Анализ показывает, что Россия всё активнее использует механизмы наращивания своего влияния в мире. Одним из таких эффективных каналов влияния, как уже отмечалось, является фонд «Русский мир», возглавляемый Вячеславом Никоновым. Не случайно значительное внимание его деятельности уделило германское телевидение. На канале ZDF был показан 4 октября 2016 года новый документальный фильм «Тайные сети Путина, или Как Россия раскалывает единство Запада».

Одним из персонажей фильма стала депутат Европарламента, председатель Европейского русского альянса (Латвия) Татьяна Жданок, которая на X Ассамблее фонда «Русский мир» (3–4 ноября 2016 г.), для того чтобы противодействовать пропаганде со стороны третьих стран, рассказала об официальном докладе, прошедшем голосование в Комитете по иностранным делам Европарламента под названием «Стратегическая коммуникация Европейского союза». В разделе «Признание российской информационной войны» говорилось: «Европейский парламент признаёт, что российское правительство агрессивно использует широкий спектр инструментов, таких как специальные фонды («Русский мир»), специальные органы власти (Россотрудничество), многоязычные телевизионные станции (“Russia Todai“), псевдоновостные агентства, мультимедийные службы («Спутник»), трансграничные и религиозные группы, поскольку режим хочет представить себя единственным защитником

---

[30] Сергеев Н.А. Футурологический прогноз развития человечества в XXI веке // Там же. 2015. № 3 (35). С. 59.

[31] Русский мир в изменившемся мире: панельная дискуссия // Стратегия России. 2017. № 1. С. 14.

традиционных христианских ценностей. Также используются социальные медиа, интернет-тролли для того, чтобы бросить вызовы демократическим ценностям, разделить Европу, получить внутреннюю поддержку и создать представление о провалившихся государствах в восточных окрестностях Европейского союза» [32]. Подчёркивалось, что Россия использует громадные финансовые ресурсы для поддержки своих инструментов дезинформации и пропаганды.

Мир трансформируется. Глобальные консциентальные войны на поражение и замещение сознания ведутся, как видим, на уровне не только СМИ, но и серьёзных международных организаций. Задача России — выстоять в этой войне и сохранить свою национальную самобытность.

По существу, *консциентальная война — это война сознаний, война идей, война смыслов*. Она вбирает в себя всё многообразие средств «мягкой силы»; не предусматривая вооружённого вторжения, она способна нанести колоссальный урон национальной безопасности России, ведь «*объектами поражения* в консциентальной войне являются смыслы и ценностные установки народа» [33], то есть всё, что отличает одну цивилизацию от другой.

Когнитивные войны. К войнам на поражение сознания относятся и *когнитивные войны*. Когнитивные войны близки *кибервойнам*, поскольку «когнитивное оружие сродни главному средству боевого воздействия в кибервойнах — программному коду… <…> Разница лишь в том, что программный код в кибервойнах касается материальных объектов, а когнитивное оружие нацелено на субъекта, а точнее, на его сознание и волю» [34].

Как отмечает профессор МГИМО, доктор политических наук Е.Г. Пономарёва, «главная цель когнитивного оружия — не прямое физическое уничтожение противника, а внедрение в интеллектуальную среду как отдельной страны, так и мирового сообщества ложных научных теорий, парадигм, концепций, стратегий, влияющих посредством новых — сфальсифицированных — смыслов и ценностей на политическое развитие» [35].

Достаточно вспомнить телевизионные гипнотические пассы А. Кашпировского, вводившие в массовый транс чуть ли не всё население страны, превращая его в пассивную управляемую массу именно в тот момент, когда от людей требовалась их активная гражданская позиция в сохранении и укреплении пошатнувшейся под нацеленными ударами либералов великой страны. Или рек-

---

[32] Русский мир в изменившемся мире: панельная дискуссия. С. 8–9.

[33] Сергеев Н.А. Футурологический прогноз развития человечества в XXI веке. С. 59.

[34] Пономарёва Е.Г. Фальсификация истории Великой Отечественной войны — технология трансформации сознания // Обозреватель — Observer. 2016. № 5. С. 7.

[35] Там же. С. 8.

ламные лозунги «Отдохни — сникерсни!», «Дети оттягиваются — родители отдыхают!», «Кто идёт за пивом?», обращённые к подросткам, или самодовольное женское утверждение «Ведь я этого достойна!», формировавшие новые для россиян и россиянок модели общества массового потребления и потребительского сознания.

Подобно кибервойнам, когнитивные войны способны заражать массовое сознание *когнитивными вирусами*. Одним из таких вирусов, по мысли учёных, является *концепция «двух тоталиризмов»* — нацистского и советского (и его вариант — «двух кровавых диктаторов» — Гитлера и Сталина). Создан он в американских «фабриках мысли» как один из главных инструментов трансформации сознания и поведения людей. «Особую опасность этот вирус представляет для нашей страны, так как призван сформировать у молодёжи негативное отношение к своей истории, культивировать чувство стыда, а не гордости за советское прошлое» [36].

К когнитивным вирусам учёные относят вирусы сознания и вирусы СМИ — так называемые «мемы» (в том числе интернет-мемы) — кванты смысла, элементарные единицы информации, которые могут выступать строительными кирпичиками сознания, заражённого какой-либо социопатической (в том числе деструктивной) идеей. Это «заразные информационные паттерны, которые воспроизводятся паразитически, инфицируя сознание людей и видоизменяя их поведение, заставляя их распространять эти паттерны. Отдельные слоганы, лозунги, музыкальные мелодии, визуальные образы, мода на тот или иной стереотип поведения — типичные мемы» [37]. Подобно мутирующим генам, они порождают вокруг себя патологическую среду; не случайно в переводе с латинского «вирус» означает «яд». Внедряясь в сознание, перепрограммируя его, мемы-вирусы распространяются в массовом сознании подобно информационной пандемии.

У интернет-мема и медиавируса общая природа. Они представляют собой энергетически заряженные программы-паразиты, способные разрушать установки коллективного сознания, традиции, моральные принципы, овладевать умами, управлять поведением людей.

Заражение информационными вирусами массового поражения можно было наблюдать в поведении участников Майдана. Странный флешмоб прыгающей массы одураченных людей под звуки слогана «Кто не скачет, тот москаль», безумные призывы толпы «Москаляку на гиляку!», угощение единомышленников-неонацистов красным соком под кощунственным названием «Кровь российских немовлят (младенцев)», факельные шествия фанатиков с русофобскими лозунгами, быстро распространившееся «от Бандеры» двой-

---

[36] Пономарёва Е.Г. Фальсификация истории Великой Отечественной войны — технология трансформации сознания. С. 9.

[37] Григорьев В.Р. Информационные вирусы — новое оружие массового поражения // Информационные войны. 2008. № 3 (7). С. 21.

ное приветствие «Слава Украине — героям слава!», напоминающее фашистскую двоицу «Хайль Зиг — Зиг Хайль», — всё это «мемы» и социальные вирусы, имеющие сигнальную и заражающую функции, делающие их опасным оружием когнитивной войны.

К счастью, в России этот процесс заражения интернет-мемами и медиавирусами происходит в сознании граждан не с той стремительностью, с какой хотелось бы инициаторам когнитивных войн. Препятствует прочность ментальных барьеров, укоренившихся в национальном сознании.

Фактором сопротивления процессам глобализации и либерализации, довольно стремительно и «успешно» продвигавшимся в сфере экономики, финансов, торговли, выступила *национально-государственная идентичность* большей части российского населения. Вопреки прогнозам либеральных экспертов, «несмотря на ряд работающих против неё объективных обстоятельств, она проявила (и проявляет до сих пор) недюжинную устойчивость, оставаясь важной составной частью массового общественного сознания» [38].

Контентные войны. Контентные войны — разновидность информационно-психологических войн, нацеленных на изменение свойств человеческого *интеллекта*. В определённом смысле они близки войнам консциентального и когнитивного типа. Главным инструментом контентных войн является особым образом выстроенный контент — содержательное наполнение информационного сообщения, которое может быть представлено в мультимедийном, текстовом, графическом формате. В контентных войнах, по нашему мнению, особое значение приобретает не только содержание, которое является важным для всех видов информационно-психологических войн, но и структура контента, позволяющая включить механизм *управления восприятием*. Данная технология состоит в подмене целостного восприятия действительности в её причинно-следственных связях фрагментарно-обрывочным *клиповым мышлением*.

Согласно исследованиям учёных, характерными особенностями клипового мышления являются «стереотипность, чрезмерная эмоциональность, инфантилизм, отсутствие системности, лёгкая внушаемость. Внешне это проявляется в том, что человек не может длительное время сосредоточиваться на какой-либо информации, и у него снижена способность к анализу» [39].

Незаметное проникновение на уровень подсознания с помощью яркого, быстро сменяющегося видеоряда, ритмично и жёстко

---

[38] Галкин А. Национальное самосознание как источник ценностных и политических мотиваций // Полития. 2015. № 1 (76). С. 7.

[39] Мигуляева М.Г. Контент как оружие социального инжиниринга. URL : http://xn--80aabndqn2azegmf.xn--p1ai/wp-content/uploads/2017/06/Kontent_kak_oruzhie_sotsialnogo_inzhiniring.pdf (дата обращения: 10 февр. 2018)

организованного звукового фона (в том числе через рекламу, музыкальные видеоклипы, новые форматы массовой культуры в виде рэпа, компьютерных игр для детей и взрослых), засилье тестирования как единственной формы контроля знаний в учебной деятельности превращает картину мира современного ребёнка, молодого человека, взрослого в гигантский калейдоскоп, звенья которого лишены внутренней органической связи.

Инструментарием контентных войн является также «скрытое нарушение и искажение законов логики: подмена тезиса, ложная аналогия, вывод без достаточного основания, подмена причины следствием, подмена понятий и т. д.» [40].

Особенно вредоносный контент несут в себе компьютерные игры, которые специалисты расценивают как весьма эффективное в негативном смысле информационное оружие, нацеленное на замещение сознания детей и молодёжи, в которое насильственно внедряется перевёрнутое представление о ключевых событиях национальной истории. Так, в популярной историко-стратегической игре «Company of Heroes 2» канадского производства нарушена не только историческая логика, не только смещены акценты в рассказе о боевых действиях нашей армии в годы Великой Отечественной войны — в этом вброшенном нам с Запада видеопродукте осуществлена тотальная, преступная фактологическая подмена: «нацистскую Германию терроризирует Советский Союз». Вот как трактуется в этой видеоигре финальный аккорд великой войны: советские солдаты, оказывается, жертвовали своими жизнями не ради Родины: «…они умирали тысячами ради шанса сдаться американцам. Но командованию было важно быстрее дойти до Берлина. Если б не их гордыня, многие остались бы в живых» [41].

Другим патологическим видом контента следует признать внедрение в сознание людей лженаучных теорий, оккультных и магических практик.

Засорение сознания человека информационным мусором, нередко в яркой упаковке (вроде калек с западных оригиналов «Битва экстрасенсов», «Звёзды под гипнозом»), вытесняет способность человеческого разума осуществлять высшие умственные операции (анализ, синтез, прогноз), ослабляет интеллект в целом, превращает человека в потребителя-пользователя, легко внушаемого и легко управляемого.

Таким образом, главная опасность контентных войн состоит в том, что они ведут человека и человечество к интеллектуальному поражению, к созданию сообщества биороботов с прогнозируемыми и управляемыми поведенческими реакциями, выгодными инициаторам информационных войн.

---

[40] Ольшанский В. Основы политической психологии. Екатеринбург : Деловая книга, 2001. 496 с.

[41] Панченков С. В компании героев: видеоигры как информационное оружие // Стратегия России. 2017. С. 70.

4.1.3. Войны на разрушение исторической памяти народов

«Войны памяти». «Войны памяти» как один из видов современных информационно-психологических войн появились в последние десятилетия как следствие распада Советского Союза, всего восточно-европейского социалистического блока, краха «Ялтинско-Потсдамского консенсуса», являвшегося по итогам Второй мировой войны фактором сохранения стабильности в Европе. В результате этих разрушительных процессов, как из ящика Пандоры, вылетели на свет полузабытые или тщательно скрываемые претензии стран-соседей друг к другу, к своим бывшим союзникам, и прежде всего к России, освободительная миссия которой в глазах «младоевропейцев», заторопившихся вступить в НАТО, предстала вдруг в совершенно другой — «оккупационной» — версии, «посягнувшей на вашу и нашу свободу».

В Словакии, Польше, Украине, в других странах открылись Институты национальной памяти, «музеи советской оккупации», «музеи советского геноцида». Во многих случаях эти новые пропагандистские структуры занялись сведением «исторических счётов» с внутриполитическими оппонентами в борьбе за власть, а также организацией хорошо спланированных «утечек» информации о сотрудничестве тех или иных лиц с «органами». Секретные архивы рассекречивались, превращаясь в убийственное орудие политического компромата. Впрочем, и здесь не обходилось и не обходится без «двойных» стандартов. Иначе как можно понять посмертную заказную акцию против выдающегося литовского актёра Донатаса Баниониса, сыгравшего главные роли в киношедеврах «Солярис», «Мёртвый сезон», «Никто не хотел умирать», безосновательно обвинённого недавно в связях с КГБ. В то же время реальный агент «Магнолия», бывший комсомольский лидер Даля Грибаускайте, занимая ныне пост Президента Литвы и являясь одним из наиболее непримиримых противников «путинской России», остаётся вне критики со стороны яростных противников советского режима как у себя на родине, так и на Западе.

Понятие «войны памяти» возникло практически одновременно с термином «историческая политика» и стало одним из наиболее существенных её проявлений.

Как свидетельствует историк, профессор Европейского университета Алексей Миллер, «термин «историческая политика» — “Geschichtspolitik” — возник в 1980-е годы в Германии. Тогда он однозначно был ругательным. Его использовали левые, в том числе Хабермас, для атаки на попытки нового канцлера Г. Коля несколько сместить акценты и сказать, что отношения немцев с прошлым не должны исчерпываться только покаянием. Была знаменитая

дискуссия, которую назвали «ссорой историков». Именно в этом контексте и возникает понятие Geschichtspolitik [42].

В дальнейшем термин был подхвачен восточноевропейскими учёными и политиками. Так, в 2004 году группа польских авторов опубликовала статью под названием «Историческая политика» (“Polityka historyczna”). Вскоре данный термин вошёл в общемировой политический обиход, был воспринят правящими кругами многих стран. В результате их политические руководители, а также учёные заговорили о «государственной исторической политике». История стала орудием политической борьбы, объектом информационного противоборства, межгосударственной полемики за право интерпретировать прошлое тем или иным способом.

В странах Восточной Европы, где произошёл раскол общества на сторонников отброшенной с передовых позиций социалистической идеи и приверженцев «нового европейского» (читай: капиталистического. — *О.В.*) будущего, наметились признаки серьёзного идеологического противостояния, которое аналитики квалифицировали как феномен «холодной гражданской войны». На этом фоне возникли и парадоксальные явления. Например, одинаковое отношение к расстрелу российского парламента в октябре 1993 года по приказу президента-«демократа» Б. Ельцина как к политическому преступлению существенно сблизило в постсоветской России позиции ранее непримиримых сторонников «красной» и «белой» идеи, объединившихся на общей патриотической платформе против прозападных либералов-рыночников, воспринятых их оппонентами как реальная угроза «пятой колонны», способной полностью подчинить Россию интересам «коллективного Запада».

«Войны памяти» стали фактом не только межгосударственной, но и внутригосударственной политики. В частности, агрессивные попытки бывших союзников и внутренних коллаборационистов пересмотреть итоги Второй мировой войны и уравнять ответственность СССР и Третьего рейха приняли к началу XXI века такой агрессивный характер, что выработка государственной исторической политики против вопиющей исторической несправедливости стала насущной задачей и для российского руководства.

Важным шагом на этом пути стало создание Комиссии по борьбе с фальсификацией истории Великой Отечественной войны при Президенте РФ (2009 г.), Российского исторического общества под председательством занимавшего тогда должность спикера Государственной Думы С.Е. Нарышкина и Российского военно-исторического общества, которое возглавил министр культуры РФ В.Р. Мединский. Ключевым направлением в деятельности этих

---

[42] См.: Полян П. Историомор. Структуризация памяти и инфраструктура беспамятства // Неприкосновенный запас. 2015. № 3 (101). URL : http://magazines.russ.ru/nz/2015/3/16pp.html (дата обращения: 10 февр. 2018)

организаций стало противодействие искажению правды о Великой Отечественной войне и Великой Победе.

В продолжение той же государственной линии в 2014 году появился Федеральный закон, предусматривающий ответственность за отрицание результатов Нюрнбергского процесса.

Частью государственной исторической политики стала и научная дискуссия о принципах преподавания истории в средней школе. «Плюралистический» принцип с широким спектром «вариативных» учебников и взаимоисключающих концепций, принятый в 1990-е годы, нанёс существенный ущерб историческому образованию целого поколения, и это было признано многими участниками общественного обсуждения. В результате состоявшейся дискуссии была выработана концепция единого Историко-культурного стандарта исторического образования, в котором учтены многие, в том числе «трудные», вопросы отечественной истории, однако главной стала его общая направленность на формирование целостного национально-исторического сознания гражданина и патриота своего Отечества.

Отправной точкой целой череды «войн памяти» некоторые историки считают «взрыв» общественного консенсуса (в первую очередь со стороны Евросоюза) по поводу общего исторического прошлого. «Когда Европейский парламент принял в качестве общеевропейского Дня памяти День памяти жертв тоталитарных режимов (23 августа — день подписания в 1939 году пакта Молотова–Риббентроппа), то стало понятно, что европейский дискурс о прошлом переформатировался» [43].

Следует подчеркнуть, что особое место в технологиях «войн памяти» с самого начала заняла *«война символов»*. Неслучайно среди некоторых учёных бытует мнение, что историческая политика на самом деле является «символической политикой» либо частным случаем «символической политики»: «История как символический и сакральный ресурс обладает значительным мобилизационным потенциалом, и поэтому её использование в политических целях стало просто неизбежным» [44].

Примером особой роли символа в «войнах памяти» является Георгиевская ленточка. Если внутри российского общества она стала знаком национально-исторической преемственности эпох и гражданской общности, то за пределами России, в частности на Украине, — делегитимизированным признаком пророссийского сепаратизма жителей Донбасса и сочувствующих России граждан других украинских областей. Ношение Георгиевской ленточки даже в дни великих праздников чревато уголовным преследованием. Пресса сооб-

---

[43] Полян П. Историомор.

[44] Кирчанов М.В. Историческая политика, политика памяти и война с памятниками в США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 12 (576). С. 72.

щает о массовых случаях избиения ветеранов Великой Отечественной войны сторонниками Бандеры только за факт ее ношения.

Символическим действом, объединяющим в День Победы всех, кто хранит память о Великой Отечественной войне, о родных героях и утратах, стала и акция «Бессмертный полк», которая приобрела поистине глобальный размах, став ответом всех честных людей мира на попытки коллаборационистов и неонацистов новых поколений стереть память о великой войне. Примечательно, что и акция «Георгиевская ленточка», и акция «Бессмертный полк» инициированы российскими журналистами.

Манипулирование историей — один из популярных «трендов» сегодняшнего дня уже не столько в науке, сколько в политике, и именно история Великой Отечественной войны превратилась сегодня в один из главных объектов информационного противоборства.

Специалисты в области информационного менеджмента, применяя собственные подходы к историческому дискурсу, убедительно доказывают, что, научившись управлять прошлым, можно успешно управлять настоящим и будущим. Поэтому «реализуемый сегодня “проект” по “новому взгляду” на историю Великой Отечественной войны есть по своей сути инструмент конструирования *“альтернативной истории”* в интересах геополитических конкурентов, а пересмотр итогов Второй мировой войны, в частности объявление СССР “равноответственным” за её развязывание — классическая по замыслу и осуществлению *информационно-ударная операция* в рамках проведения так называемых войн второго поколения против России» [45].

По существу, речь идёт не просто о «войнах памяти», речь идёт о *«политике памяти»*, реализующей глобальный проект по снижению геополитического статуса России, денонсации всей системы Ялтинско-Потсдамских соглашений 1945 года, а вслед за этим — предъявления России как правопреемнице Советского Союза не только материальных, но и территориальных претензий.

«Когда забывают войну, начинается новая — память, главный враг войны» (Аристотель), «История — это политика, опрокинутая в прошлое» (М. Покровский), «История — это фонарь в будущее, который светит нам из прошлого» (В. Ключевский), «Бог не может изменить прошлое, но историки могут» (С. Батлер) — эти и другие афоризмы выдающихся личностей на историческую тему, ставшие общим достоянием, безусловно содержат в себе некую, определенную истину.

Манипулирование историей есть не что иное, как коррекция исторической памяти, способная воспитать не только «манкуртов» и «Иванов, не помнящих родства», но и активных «негативистов», ненавидящих свою историю, а значит и Родину, способствующих

---

[45] Бухарин С.Н. История Великой Отечественной войны как объект информационного противоборства // Информационные войны. 2013. № 1 (21). С. 72.

распаду собственного государства, уничтожению его как субъекта истории. И в этом плане «войны памяти» напрямую стыкуются с «ментальными» войнами, так как именно в отношении к истории и культуре собственной страны формируется *ментальная модель* национального самосознания.

В связи с этим важно понимать, что «фальсификация истории — важнейший инструмент информационной экспансии, позволяющей осуществлять *цивилизационное метапрограммирование* целевой аудитории», а в свою очередь «метапрограммирование позволяет формировать из граждан *самовоспроизводящуюся пятую колонну*, которая начинает пропагандировать чужие цивилизационные ценности и презирать свои» [46].

Отдельным направлением в идеологии «войн памяти» по отношению к России является вытеснение из блока исторической памяти имён и судеб национальных героев всех времён. Цель такой «персонализированной» агрессии вполне понятна: «Дискредитация отечественной истории, диффамация героев-воинов проводится, чтобы внушить идею неполноценности нашего народа, лишить духовного стержня и воли к сопротивлению, унизить национальное достоинство, ввести в депрессию и без войны расчленить РФ, после чего все богатства страны без боя свалятся в руки новых хозяев», — отмечает сотрудник Института российской истории РАН В.А. Артамонов [47].

Важно отметить, что если на протяжении ряда последних десятилетий подвергались дискредитации политические и военные деятели XX века (Ленин, Сталин, Жуков), ассоциировавшиеся с советским периодом, то новым идеологическим трендом стала клевета на выдающихся людей из далёкого прошлого. Цель этих действий не только уничтожить позитивное отношение к советскому прошлому у тех, кто его хранит, но и копнуть гораздо глубже — разрушить историческую память веков и тысячелетий существования Руси, то есть уничтожить национально-культурную идентичность нашего народа в целом. Объектом такой агрессии являются, условно говоря, и «красные», и «белые», и православные, и люди других конфессий, населяющие Россию.

После того как в результате телепроекта «Имя Россия» на канале «Россия» по итогам 2008 года победителем стал Александр Невский как историческая персона, объединяющая своим непререкаемым духовно-нравственным авторитетом всех россиян, почитаемый и государством, и — как русский святой — Православной церковью, он превратился в объект яростной информационной атаки со стороны либерального крыла историков. Какими только «эпи-

---

[46] Прохватилов В.В. Прошлого не существует? Или почему американские империалисты переписывают историю // Информационные войны. 2011. № 4 (20). С. 80.

[47] Артамонов В.А. Ложь о военных героях русской истории // Информационные войны. 2011. № 1 (17). С. 45.

тетами» не награждали его «бойцы» антиисторического (и антироссийского) фронта: «сатана русской истории», «святой палач Руси»…

По всей видимости, манипуляторы истории не могли забыть не только великие исторические заслуги Александра Невского, но и созданный накануне Великой Отечественной войны выдающийся фильм С. Эйзенштейна «Александр Невский» с его мощным музыкальным призывом «Вставайте, люди русские, на славный бой, на смертный бой…».

А слова Александра Невского «Не в силе Бог, но в правде», «Кто с мечом к нам войдёт, тот от меча и погибнет. На том стояла, стоит и стоять будет русская земля» навсегда запечатлелись в патриотическом сознании нашего народа.

Для советских людей, для воинов Советской армии фильм стал могучим духовным оружием. Не этот ли факт также раздражает фальсификаторов отечественной истории, причём и тех, кто носит высокие академические звания, занимал (или занимает) серьёзные посты. Вот что говорил, например, извращая факты, в телепередаче «Суд истории» 16–17 сентября 2010 года директор Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН), сгоревшего, кстати, в период его директорства, академик Ю.С. Пивоваров: «Отвратительный культ Невского — это символ русской самодержавно-полицейской традиции. Из-за него Русь потеряла независимость на многие столетия. Пётр I сотворил великое зло для России, а его продолжатель богомерзкий Сталин создал лживый культ Невского» [48].

Обличительные выпады в адрес Александра Невского раздаются и из уст украинских националистов, причём, как и у академика Пивоварова, именно с него начинается особенно ненавидимый ими ряд наиболее сильных правителей Руси, укрепивших российскую государственность: «Александр Ярославич, предатель и палач Руси, стал примером подлости и беспринципности для Иоанна Грозного, Петра I Великого и других великих героев России» [49].

В духе яростного опровержения «культа Александра Невского» высказались и бывший президент Российского государственного гуманитарного университета Ю.Н. Афанасьев, назвавший Александра Невского «татарским прихвостнем, капитулянтом и коллаборантом» [50], и Н. Журавлёв, поставивший под сомнение военные заслуги великого князя [51].

---

[48] URL : http://maloros.org/tradicii/retrospektiva/3778-aleksandr-nevskij-predtecha-rossijskih-derzhavnikov (дата обращения: 15 февр. 2018)

[49] URL : http://a-ingwar.blogspot.com/2008/05/ blog-post/83/html (дата обращения: 15 февр. 2018)

[50] См.: Афанасьев Ю.Н. Князь Александр Невский — приемный сын хана Батыя // Родина. URL : http://malech.narod.ru/liki2 html (дата обращения: 18 февр. 2018)

[51] См.: Журавлёв Н. Свинья, которой не было. Кому и зачем нужен культ личности Александра Невского? // Общая газета. 2002. № 16.

Подобные дискуссии о «культе личности» Александра Невского в сознании россиян имеют вполне объяснимые причины. Ориентированные на Запад либеральные историки не могут простить Александру Невскому его успешные военные действия против иноземных захватчиков, угрожавших границам Руси с Запада, его победы в Невской битве, в Ледовом побоище, повергшие в пучину позора шведских завоевателей, немецких «псов-рыцарей» и их приспешников.

Можно было бы подумать, что дискуссия 10-летней давности о роли Александра Невского в отечественной истории сегодня уже утратила свою актуальность в силу укрепления патриотического сознания наших современников в последние годы. Однако вновь в декабре 2017 года в ходе дискуссии о роли исторических мифов, проходившей в Рязани с участием представителей федеральных СМИ, из уст руководителя радиостанции «Эхо Москвы» Алексея Венедиктова, пытавшегося выступать чуть ли не в роли главного спикера, вновь прозвучали измышления о том, что личность Александра Невского была совсем не такой, какой она предстаёт в национальном мифе о нём. Однако попытка «открыть глаза» слушателям на некую псевдоистину, как можно было предположить, не увенчалась успехом.

Подобные патологические вспышки «демифологизации», «десакрализации» национальных героев сопровождают любые исторические даты. Либеральствующая «смердяковщина», заклеймённая ещё Ф. Достоевским жёстким, но точным словом «чужебесие», то и дело даёт о себе знать. Не только циничный Смердяков из романа «Братья Карамазовы» удивлялся тому, зачем надо было России противостоять Наполеону, ведь «умная нация победила бы глупую, и совсем были бы другие порядки-с». В 90-е годы XX века подобная идеологическая инфекция («Зачем было ценой таких потерь сопротивляться Гитлеру — пили бы сейчас баварское пиво, как все европейцы!») проникла в среду либеральной интеллигенции и в умы некоторой части неразумной молодёжи. Весьма живучей эта мысль остаётся у прозападно мыслящих граждан и сегодня. В видеозаписи недавней лекции преподавателя Уральского федерального университета имени Б. Ельцина можно было услышать сакраментальное: «ФРГ и Япония добились успехов в условиях американской оккупации, жаль, у нас этого фактора нет» [52].

Поневоле вспоминается, как подвергали когда-то сомнению подвиг Минина и Пожарского, победивших Смутное время («советский» поэт Джек Алтаузен, обозвав их «лавочниками», вопрошал в 1920-е годы: «Подумаешь, они спасли Россию! А может, лучше было не спасать?»).

И вновь совсем недавно обществу была навязана подобная дискуссия либеральным каналом «Дождь»: «Нужно ли было сдать Ленинград, чтобы спасти сотни тысяч жизней?»

---

[52] Смагин С. Не стреляйте в педагога // Культура. 2018, 12–18 янв. № 1.

Достойный отпор этой провокации дали и простые граждане, и патриотически мыслящие поэты и писатели, и сам Президент, отдавший дань памяти и уважения героическим ленинградцам в связи с 75-летием прорыва ленинградской блокады Ленинграда.

Примечательно, что объектами наиболее ожесточённых персонализированных информационных атак являются выдающиеся личности, своего рода «столпы» российской государственности. Обращает на себя внимание и тот факт, что приёмы их развенчания оказываются очень похожими. Так, общим местом нападок на Маршала Победы Георгия Жукова как со стороны собственных либерал-предателей, так и давно покинувших страну, например В. Резуна, стало голословное утверждение, что военный успех Жукова объясняется не мастерством военного стратега, а тем, что он «завалил фашистов трупами» советских солдат, иначе говоря, не считался с боевыми потерями. Поэтому на страницах российской прессы можно увидеть материалы о Г.К. Жукове с попытками дискредитировать его военно-стратегический талант («Новая газета». 2018, февр.). Но оказывается, подобная фальшивая «утка» применялась врагами России и раньше, когда нужно было в очередной раз оправдать своё поражение и её очередную «необъяснимую» победу.

Не случайно, по-видимому, объектом точно такого же обвинения стал ещё один великий военный деятель России — генералиссимус Александр Суворов. Так, на страницах «Независимого военного обозрения» в своё время можно было прочитать, что в ходе Русско-турецкой войны Суворов «завалил трупами» измаильские укрепления, а потом, стараясь скрыть и оправдать чудовищные потери, занизил число таковых у русских и многократно завысил у турок [53]. И это Суворов, который призывал русских воинов «побеждать не числом, а уменьем»!

В ходе «войн памяти» используется такое мощно заряженное когнитивно-ментальное оружие, как *русофобия*. Взрыв русофобии начался сразу же после известной мюнхенской речи Президента РФ В.В. Путина в 2007 году, ставшей своего рода манифестом политического суверенитета России на международной арене, а также после грузино-южноосетинской войны 2008 года, когда «коллективный Запад» безоговорочно занял сторону Грузии, выступившей в роли агрессора под маской «невинной жертвы». Зарубежная пресса запестрела тогда заголовками: «Русофобия» (Rzec-pospolita, Польша), «Особенности американской русофобии» (Washington ProFile, США), «Лицемерие и ошибочность новой русофобии» (The Guardian, Великобритания), «Украина и “русофобия” без купюр» (The American Chronicl, США) и т. д. [54].

---

[53] См.: Гривенко В. Рапорты по-суворовски // Независимое военное обозрение. 2001. № 5. С. 4.

[54] См.: С русофобией надо бороться. URL : http://www:inosmi.ru/world/2008/215/246075htme (дата обращения: 20 февр. 2018)

С учётом нарастающей русофобской экспансии крайне важны эффективные контрмеры, и с этим соглашается большинство аналитиков: «На таком неблагоприятном информационном фоне для современной России предметом острой необходимости является оптимизация (а точнее — активизация. — *О.В.*) позитивного интеграционно-мобилизационного потенциала СМИ как фактора трансформации её имиджа на геополитическом пространстве» [55].

На этом фоне концептология «Русского мира» является одним из мощных, действенных механизмов продвижения позитивного имиджа России, её истории и культуры в современном глобальном пространстве.

«Русский мир жив и, конечно, будет жить, — говорила на очередном форуме фонда “Русский мир” (2016) руководитель Европейского института демократии и сотрудничества, доктор исторических наук Наталья Нарочницкая. — Причём жить не просто суммой отдельных “я”, а новым, живым организмом, который растёт, развивается, имеет свои ценности, свои исторические переживания, которые и объединяют нас. Россия будет жить, несмотря на все катаклизмы XX века и на тяжелейшие испытания после распада СССР» [56].

В этой связи обращает на себя внимание принципиальное различие отечественных и западных подходов к самому феномену исторической памяти.

Если российские социологи и философы рассматривают историческую память как «важнейший компонент идентичности: личностной, социальной, культурной, национальной», как «значимую составляющую социализации индивида, формирования личности и гражданской культуры» [57], то в западных источниках находим отношение к исторической памяти как к «мифологической величине», «инструменту культурного и политического манипулирования», «коллективной лжи и мистификации», а то и попросту «симулякру и химере». Так, в статье Д. Райеффа «Культ памяти: когда от истории зла больше, чем добра» (2016) «культ памяти» рассматривается в качестве главного идеологического инструмента в руках инициаторов войн и межнациональных конфликтов. Авторы содержательного обзора зарубежных исследований о «политике памяти» делают справедливый вывод: «…в подавляющем большинстве работ западноевропейских и американских авторов наблюдается более или менее чётко выраженный скептицизм в отношении феномена исторической памяти, который как в науке, так и в целом в западном обще-

---

[55] Бирагова Б.М. Мобилизационный потенциал СМИ как фактор трансформации имиджа России на геополитическом пространстве: политологический анализ // Информационные войны. 2013. № 3 (27). С. 78.

[56] Цит. по: Русский мир в изменившемся мире. С. 24.

[57] Савченко И.А., Снегирёва Л.А., Устинкин С.В. Историческая память в эмоциональном и исследовательском восприятии. С. 114.

стве утратил признаки сакральности» [58]; и если «российская наука и педагогическая практика стимулируют уважение к исторической памяти и её сохранение», то «зарубежная наука настойчиво десакрализирует историческую память» [59].

О том, к каким результатам приводит новая историческая политика государств Восточной Европы, размышляет известный историк и публицист Олег Неменский в статье с симптоматичным заглавием «Куда заводит “историческая память”?». Речь идёт о попытке со стороны Польши сделать очередной шаг в законодательном регулировании трактовок прошлого, который спровоцировал международный скандал. Дело в том, что Польский сейм принял 26 января 2018 года проект поправок в закон об Институте национальной памяти, в который вошли два момента: отрицание обвинений поляков в участии в Холокосте и неприятие любых прославлений бандеровцев. Тем самым слова «С Бандерой вы в Европу не войдёте!» лидера правящей в Польше правоконсервативной партии «Право и справедливость», адресованные украинским властям, обрели форму закона. Этому, как известно, предшествовало состоявшееся в Польше ещё в июле 2016 года признание геноцидом Волынской резни, в которой повинны украинские палачи. «Сейчас всё очевиднее: по вопросу бандеровцев ни Варшава, ни Киев не готовы идти на компромисс, — отмечает О. Неменский. — Для поляков любая уступка будет означать предательство памяти предков. Для киевских властей украинский национализм — идеология, на которой они держатся. На доске — пат. Как из него выйти, не знает никто» [60].

Оказалось, что польский закон затрагивает и интересы других государств. Так, в Израиле его приравняли к отрицанию Холокоста, что преследуется в этой стране, и поставили вопрос об отзыве израильского посла из Польши, Госдепартамент США призывает Варшаву пересмотреть текст закона, а Верховная рада Украины готовит симметричный ответ.

В 2016–2017 годах эпидемия «войны с памятниками» перекинулась в США, где началась кампания по искоренению значимой страницы их собственной истории, связанной с конфедеративным наследием. Инициаторы сноса памятников лидерам и солдатам Конфедерации эпохи Гражданской войны между Севером и Югом (1861–1865) мотивировали свои действия тем, что конфедераты выступали за сохранение рабства. В результате только в 2017 году были уничтожены памятники лидерам Конфедерации в Новом Орлеане, Северной Каролине, в штатах Мэриленд и Флорида. И хотя Президент США Д. Трамп занял компромиссную позицию, объяс-

---

[58] Савченко И.А., Снегирёва Л.А., Устинкин С.В. Историческая память в эмоциональном и исследовательском восприятии. С. 114.

[59] Там же. С. 112.

[60] Неменский О. Куда заводит «историческая память»? // Литературная газета. 2018. № 7. С. 3.

няя её необходимостью защитить исторический облик городов американского Юга, консенсуса в обществе достигнуть не удалось, «война с памятниками» в США продолжается, приобретая форму «исторической и политической амнезии» [61].

Как видим, политика сведения исторических счётов способна завести Европу и мир в целом в политический тупик. Взаимные претензии, помноженные на собственную историческую амнезию, чреваты новыми политическими конфликтами. «Войны памяти» оказались весьма взрывоопасным оружием в руках поджигателей глобальных информационных войн.

Психоисторические войны. Согласно концепции известного политолога А. Фурсова, «психоисторическая война — это комплекс систематических, целенаправленных и долгосрочных действий, цель которых — установление контроля над психосферой общества-мишени, прежде всего над психосферой его властной и интеллектуальной элиты, с последующим стиранием психосферы и замещением её своей» [62].

Психоисторические войны относятся к войнам неклассического, асимметричного типа. Структура психоисторической войны, по мнению А. Фурсова, включает три уровня: информационно-фактологический, концептуальный и метафизический (смысловой) [63].

Ключевым принципом психоисторической войны является *принцип подмены*: от подмены реальных фактов их искажёнными «копиями» до ложной их интерпретации, навязывающей выгодное инициатору видение этих фактов, и, наконец, *подмены смыслов* иными смыслами.

Итак, от подмены фактов до подмены смыслов — такова логика психоисторической войны.

Ключевым звеном современной психоисторической войны является информационно-психологическая операция Запада по пересмотру роли СССР во Второй мировой войне. Кульминационным пунктом этой кампании стала резолюция Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) «О воссоединении разделённой Европы: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионах ОБСЕ в XXI веке» (2009), уравнявшая нацизм и сталинизм и предложившая учредить день памяти жертв нацизма и сталинизма, приурочив его к 23 августа — 70-летию со дня подписания пакта Молотова–Риббентропа. Напомним, кстати, что первой, ещё в 1935 году, подписала пакт о ненападении с фашистской Германией Польша, активно поддержавшая идею единого дня сегодня.

---

[61] Кирчанов М.В. Историческая политика, политика памяти и война с памятниками в США. С. 70.

[62] Фурсов А. Русофобия и информационная война против России. URL : http:andreyfursov.ru/news/rusofobiya_i _informacionnaya voina–protiv–rossii/2015–10–31–496 (дата обращения: 20 февр. 2018)

[63] См. там же.

Главным инициатором этой антироссийской кампании выступают США. В Госдепартаменте считают целесообразным поддерживать государства, добивающиеся привлечения России как правопреемницы СССР к ответственности «за преступления тоталитарного коммунистического режима» [64].

Общественное мнение в странах Запада и Восточной Европы активно подогревается измышлениями о «нелегитимности послевоенного мироустройства». При этом инициатива нередко исходит от бывших стран Варшавского договора. Распространяются тезисы о «советском геноциде», «советской оккупации». Создана целая инфраструктура антироссийской пропаганды, призванная превратить правду об освободительной миссии Советского Союза в годы Второй мировой войны в некую «оккупационную» версию.

Элементами этой инфраструктуры стали созданные в странах Восточной Европы, в постсоветских государствах так называемые «музеи оккупации», «музеи геноцида», Институты национальной памяти, которые вернее было бы назвать Институтами национального беспамятства и исторической амнезии.

Так, согласно постановлению Кабинета министров Украины от 31 мая 2006 года, по инициативе Президента В. Ющенко был создан Украинский институт национальной памяти, цель которого — обвинить в так называемом «голодоморе» правительство СССР, а также оправдать коллаборационистские действия Организации украинских националистов (ОУН), Украинской повстанческой армии (УПА) и всех приверженцев гитлеровского прихвостня Степана Бандеры как пример освободительного движения против сталинского режима. С этой же целью в 2007 году в Киеве открылся Музей советской оккупации Украины.

Не отстают и другие государства — бывшие союзники СССР, готовые предъявить территориальные претензии к России и объявить её агрессором и оккупантом.

В Румынии ещё с 1993 года действует Национальный институт изучения тоталитаризма социалистического периода Румынии. В Польше в 1998 году создана аналогичная структура — Институт национальной памяти, а в Чешской Республике — Институт изучения тоталитарных режимов и Управление по документации и расследованию преступлений коммунизма.

В статусе департамента Кабинета министров Литвы с начала 1990-х годов действует Центр исследования геноцида и сопротивления. В Латвии — Комиссия историков при Президенте страны, которая разыскивает факты «преступлений против человечества в Латвии в период советской и нацистской оккупации (1940–1991)», и Музей геноцида. В Эстонии активную антироссийскую

---

[64] Димлевич Н. Фальсификации: кому это выгодно // Стратегия России. 2015. № 1. С. 62.

деятельность ведёт Государственная комиссия по расследованию репрессивной политики оккупационных сил. В Грузии в период правления М. Саакашвили также был открыт Музей оккупации [65].

Все названные действия вполне можно квалифицировать как операции психоисторической войны с точным соблюдением её трёхуровневой стратегии: вначале тенденциозно подбираются или фальсифицируются факты, затем предлагается их ложная интерпретация (защитники превращаются в агрессоров) и, наконец, происходит подмена на смысловом уровне: благородная освободительная миссия СССР, спасшего государства Восточной Европы от фашизма, трансформируется в масштабную оккупационную кампанию и приравнивается к преступлениям нацизма.

Ведомые идеологами из Госдепа США новоявленные восточноевропейские сателлиты, или, как их ещё называют, «младоевропейцы», сегодня идут дальше: «Политики Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Чехии, Словакии, Венгрии и Хорватии всерьёз обсуждают создание Международного трибунала по преступлениям коммунизма с последующими претензиями к России — будут требовать выплаты репараций “пострадавшим”» [66]. Иначе говоря, предлагается организовать нечто вроде второго Нюрнбергского процесса, только на этот раз против России.

Примечательно, однако, что все эти государства в той или иной степени имели отношение к нацистскому блоку. Руководители прибалтийских государств присягали Гитлеру. Хорватские усташи — приспешники фашистов — уничтожали сербов. Польские, чешские и словацкие формирования воевали в составе германского вермахта, а венгерская армия вообще на протяжении всей войны выступала на стороне фашистской Германии, проявляя в своих действиях особую жестокость.

Таким образом, можно утверждать, что идеология коллаборационизма, стремительно утратив свою преступную сущность, превратилась по существу в официальный курс марионеточных правительств названных государств.

В результате бывшие пособники Гитлера в этих странах провозглашены национальными героями. Польский сейм в своём постановлении о декоммунизации предложил расправиться со всеми памятниками с советской символикой, причём сделал это в символический день — 22 июня 2017 года, когда в России традиционно отмечался День памяти и скорби. Президент Польши Анджей Дуда подписал этот документ, а это значит, что почти 500 памятников и мемориалов советским воинам, погибшим за освобождение Польши от фашизма, подвергнутся демонтажу и разрушению [67].

---

[65] Эти и другие факты см.: Димлевич Н. Фальсификации: кому это выгодно. С. 61–64.

[66] Хомяков В. Мы чужие на этом «Титанике» // Культура. 2017, 1–7 сент. № 30.

[67] Редичкина К. Польша должна ответить за войну с памятниками // Парламентская газета. 2017, 26 июля – 3 авг. С. 9.

Государственная Дума и Совет Федерации России выступили с резким протестом против этих недружественных действий. В Обращении Совета Федерации говорится: «Нельзя забывать, что благодаря победе над фашизмом, решающий вклад в которую внёс Советский Союз, Польша сохранилась как государство, а польский народ не был уничтожен» [68].

В Грузии (г. Кутаиси) взорван монумент советским воинам, в Эстонии памятник советскому воину-освободителю перенесён из центра Таллинна на окраину города с сопроводительным стендом «Монумент оккупантам». На Украине, как уже отмечалось, законодательно и жестоко карается ношение Георгиевских ленточек, отменено празднование Дня Великой Победы над фашизмом 9 мая, вместо него Указом Президента Украины П. Порошенко введён День памяти и примирения, который отмечается 8 мая, как в Западной Европе. Проспект генерала Н.Ф. Ватутина, освобождавшего Киев, переименован в проспект сподвижника Гитлера и Бандеры Р. Шухевича. Главарь украинских националистов Степан Бандера провозглашён Героем Украины, а прах Героя Советского Союза легендарного разведчика Николая Кузнецова, погибшего от рук фашистских прихвостней — украинских националистов, был вынужденно перевезён из Украины в Россию, чтобы не быть осквернённым [69].

Всю эту вакханалию было бы вполне справедливо, по утверждению профессора Академии военных наук Ю.А. Матвиенко, рассматривать «с позиций новой войны — информационно-психологической, скорее даже “войны смыслов”, которая широким фронтом развёрнута нынче против России как идейными наследниками Гитлера и неонацистскими холуями Шенгенской зоны, так и доморощенными последователями доктора Геббельса, вылезающими из кожи вон, чтобы уравнять Сталина с Гитлером и “детоталитировать” российское общественное сознание» [70].

Психоисторические войны ведутся также и средствами кинематографа. Стремясь во что бы то ни стало выразить «новый взгляд» на события минувшей войны, с тайной надеждой быть поддержанными на Западе, в том числе на престижных зарубежных кино- и телефестивалях, некоторые отечественные кинематографисты, порой весьма талантливые, создают произведения, играющие на руку авторам концепций пересмотра роли СССР во Второй мировой войне, дегуманизируют образ советского командования и советского солдата и, напротив, смягчают, «очеловечивают» образ агрессора.

В результате на кино- и телеэкране, в сознании массовой аудитории, в особенности её молодёжной части, доверчивой, нетребовательной, а порой и просто невежественной, может сло-

---

[68] Редичкина К. Польша должна ответить за войну с памятниками. С. 9.

[69] См.: Матвиенко Ю.А. День в истории человечества (о трагедии советских солдат и офицеров Красной Армии в нацистской неволе в 1941–1945 гг.) // Информационные войны. 2012. № 2 (22). С. 83.

[70] Там же. С. 84.

житься мнение, что русские были более жестокими, чем фашисты, в том числе по отношению к своим соотечественникам и даже к детям и подросткам. Об этом свидетельствуют такие фильмы, как «Сволочи», «Штрафбат», «Диверсант». Так, целью фильма «Сволочи» (2006) было показать цинизм и жестокость советского командования, решившего готовить из детей и подростков смертников, способных вести разведывательно-диверсионную работу против фашистов. Проект этот, пострашнее фашистского «гитлерюгенда», честными историками и участниками Великой Отечественной войны был признан исторической фальшивкой. Однако в восприятии студенческой аудитории он оказался среди лидеров российского кинопроката — его посмотрели около 60 % респондентов социологического исследования, проведённого в российских вузах [71].

В числе таких «кинофальшивок» называют и фильм «4 дня в мае», планировавшийся к показу на одном из федеральных каналов 7 мая 2012 года в преддверии Дня Победы, который повествует о том, как советские «изверги» хотели захватить немецкий детский приют и надругаться над его слепыми воспитанницами, но «правильные русские» вместе с «благородными нацистами» эту попытку пресекли и ушли на Запад, выбирая «свободу» [72].

Той же тенденцией «облагораживания» образа врага проникнут фильм Фёдора Бондарчука «Сталинград», не принятый большей частью российской киноаудитории. Не случайно рецензия, опубликованная в «Литературной газете», в самом названии «Сын выдающегося режиссёра-фронтовика сдал Сталинград врагу» выразила идеологический подтекст этого надуманного мелодраматического киноповествования о нравственном превосходстве молодого фашистского офицера, соперничающего с защитниками Сталинграда в борьбе за спасение русской девушки.

Во всех названных случаях реализуется (порой осознанно или нет) железная логика психоисторической войны против собственного народа и собственной истории: от искажения или выдумывания несуществующих фактов — к их ложной интерпретации и в итоге — к подмене смыслов, к разрушению опорных «матриц» национального самосознания народа, к десакрализации национальных святынь. И вот уже результат налицо: «мальчик из Уренгоя» произносит в Бундестаге чуть ли не покаянную речь о трагических судьбах фашистских военнопленных в России, путая местами палачей и их жертв.

В том же ключе можно говорить о печально известном многолетнем телецикле «Исторические хроники» Николая Сванидзе, мето-

---

[71] См.: Филоненко В.И. и др. Интерпретация образа Великой Отечественной войны художественно-образными средствами в восприятии современных студентов // Власть. 2015. № 8. С. 166.

[72] См.: Казаков А.В. Фальсификация истории и итогов Великой Отечественной войны как направление деструктивного воздействия на сознание современной российской молодёжи // Власть. 2015. № 5. С. 11.

дично и последовательно транслировавшего с экрана федерального телеканала свой тенденциозный взгляд на отечественную историю.

Массированное «промывание мозгов» отечественной телеаудитории, направленное на очернение всего периода советской истории её псевдолиберальной интерпретацией, имело своей целью далеко идущее последствие: вместе с «десоветизацией» и «декоммунизацией» осуществить «замещение» сознания и «смену ментальной парадигмы» российского общества.

Психоисторические войны тесно связаны с другими видами информационных войн, так как в ходе их используется практически одно и то же, а именно *когнитивное оружие*, в основе которого — различные технологии трансформации сознания.

Психоисторические войны связаны и с *ментальными войнами*, так как в основе и тех и других лежит смена представлений об истинных смыслах и ценностях; психоисторические войны связаны с *«войнами памяти»*, так как в основе и тех и других лежит замещение символьной памяти, разрушение исторического блока сформировавшихся национальных святынь; психоисторические войны связаны и с *поведенческими войнами*, так как конечной целью внедрения фальшивых установок в массовое сознание является не только пересмотр ранее принятых ценностных критериев и представлений, но и перевод парадигмы *сознания* в парадигму *поведения* с возможными в дальнейшем агрессивными деструктивными действиями вплоть до актов вандализма, сноса памятников, накопления потенциала психологической агрессии в отношении к ранее дружественному объекту. Психоисторические войны иначе называют *фальсификационными войнами*, поэтому важнейшей задачей общества и государства сегодня является активное и убедительное противодействие искажению исторической правды о славном пути нашего Отечества.

4.2. Информационно-технотронные войны

4.2.1. Кибервойны и хакерские войны

Информационное пространство всё чаще становится театром военных действий для особого вида информационных (информационно-технотронных) войн, который принято называть *кибервойной*. Военные эксперты рассматривают кибервойну как «пятую область» войны — после суши, моря, воздуха и космоса. В отличие от них, *киберпространство* имеет искусственное происхождение.

Кибервойна реализуется через посредство *кибератак*. Их цель — «уничтожать, искажать, модифицировать, разрушать информационные ресурсы, компьютеры, коммуникационные системы, встроенные процессоры и контроллеры противника и таким

образом снижать эффективность принятия ими решений» [73]. Своей объектной направленностью на материальную инфраструктуру информационных систем кибервойны, как и все разновидности информационно-технотронных войн, отличаются от информационно-психологических войн всех видов, нацеленных на нематериальный объект — индивидуальное и массовое сознание.

Спектр возможностей *кибероружия* чрезвычайно широк. С его помощью возможны разрушение или хищение информационных ресурсов, дезорганизация систем управления войсками, банками, экономикой страны, вывод из строя телекоммуникационных сетей и компьютерных систем, обеспечивающих функционирование государства-мишени, организация масштабных техногенных катастроф на его территории, включая атомные объекты.

Кибероружие по последствиям своего применения вполне сравнимо с оружием массового поражения, поскольку, как отмечает известный американский журналист Шейн Харрис в своей книге «Кибервойна: пятый театр военных действий», посвящённой истории создания военно-сетевого комплекса США, «онлайн-атаки могут иметь разрушительный онлайн-эффект» [74].

Эксперты приводят целый ряд примеров кибердиверсионной деятельности с высоким поражающим эффектом.

Так, в 2008 году в результате кибератак была взломана информационная система Пентагона и выведены из строя около 1500 компьютеров. В 2009 году самолёты-истребители противовоздушной обороны военно-морских сил Франции на протяжении нескольких дней не могли подняться в воздух вследствие заражения их компьютерным вирусом [75]. Всего лишь за один 2010 год кибератакам подверглись 53 % организаций и промышленных предприятий, включая такие крупнейшие медиаимперии, как Googl и Yahoo.

Широкие возможности организаторам кибератак предоставляет *киберразведка (кибершпионаж)*. Особую угрозу несут в себе вирусы типа «логических бомб», «троянских коней». Они могут быть заложены заблаговременно, оставаясь бездействующими и не обнаруженными до «часа икс» и быть активированными в нужное время в нужном для агрессора месте.

Путём завоевания информационного превосходства с применением кибероружия могут быть решены стратегические задачи любой войны, поскольку с помощью кибератак могут быть обрушены экономика и финансы страны-мишени, следствием чего станет потеря боеспособности вооружённых сил, а затем потеря управляемости всех сфер жизни государства.

---

[73] Дылевский И.Н. и др. Операции в киберпространстве: вопросы истории, политики, права // Военная мысль. 2011. № 8. С. 72.

[74] Харрис Ш. Кибервойна: пятый театр военных действий : пер. с англ. М. : Альпина нон-фикшн, 2016. С. 23.

[75] См.: Антонович П.И. О современном понимании термина «кибервойна» // Вестник Академии военных наук. 2011. № 2. С .91.

Именно это произошло в процессе вооружённого конфликта в Ливии в 2011 году, когда «коалиционными силами НАТО были блокированы сетевые информационные ресурсы правительства Муамара Каддафи и осуществлён контроль над управляемой через Интернет инфраструктурой жизнеобеспечения и банковской системой страны» [76].

В отношении генезиса и природы кибервойны существуют разные мнения. Является ли кибервойна самостоятельным видом или лишь структурным элементом информационной войны в её широком понимании? Так, И.А. Крылова считает, что «кибервойна представляет собой один из видов войны, основанный на современных информационных технологиях» [77].

Другой исследователь, А.С. Капто, придерживается иной точки зрения: «Это не самостоятельный вид противоборства, кибервойна всегда является составной частью информационной войны». Более того, утверждает автор, «кибервойна не существует вне традиционной, хотя конкретные кибероперации могут проводиться вне войны как таковой» [78].

Можно утверждать, однако, что частота и эффективность кибероперациий, их стремительно растущая роль в мировом информационном противоборстве последнего времени свидетельствуют о том, что кибервойна — самостоятельный вид информационно-технологической войны. Этот вывод подтверждается ускоренным созданием в целом ряде ведущих стран мира специальных кибервойск.

Как показывают многочисленные примеры, кибервойна может вестись как со стороны отдельных хакеров (отсюда появившийся недавно термин «хакерская война»), так и со стороны террористических групп либо со стороны целых государств. И если ещё несколько лет тому назад полномасштабную кибервойну могли вести лишь США, Китай, Россия, Израиль и Индия, то сейчас возможностями осуществить кибератаку различной степени эффективности могут уже более 100 государств.

Лидирующая роль в применении кибероружия принадлежит США, чья Национальная военная стратегия ориентирована на достижение и безусловное удержание превосходства в киберпространстве [79]. Ещё в 2009 году в Соединённых Штатах было создано так называемое Объединённое кибернетическое командование

---

[76] Микрюков В.Ю. Информационные войны // Информационные войны. 2014. № 2 (30). С. 68.

[77] Крылова И.А. Информационные войны и безопасность России // Там же. 2016. № 2 (39). С. 14.

[78] Капто А.С. Кибервойна: генезис и доктринальные очертания // Вестник РАН. М., 2013. № 7. С. 616.

[79] См.: The National Military Strategy for Cyberspase Operations, Ioint Chiefs of Staff, Washington, D.C. 2006, December.

(Unified U. S. Cyber Comand), и уже в следующем, 2010 году, НАТО увеличило в 40 раз расходы на киберпрограммы. В 2010 году в США были также сформированы кибернетическая армия ВВС и киберфлот ВМС.

Борьба за контроль над киберпространством стала главным приоритетом для властей США. Не случайно в мае 2012 года Президент страны Б. Обама в своей редакционной статье писал о нарастающей киберугрозе, которая может проявить себя в том числе в формате хакерских войн: войны ближайшего будущего, по его утверждению, будут вестись в режиме онлайн, когда «неприятель, неспособный совладать с нашей военной мощью на поле сражения, сможет воспользоваться уязвимостями наших компьютерных систем здесь, у нас дома» [80]. Спустя несколько месяцев, в октябре 2012 года, министр обороны США Леон Панетта, по всей видимости вполне сознательно нагнетая страх нации перед новой угрозой для усиления бюджетных вливаний в поддержку своего ведомства, вещал о том, что Соединённым Штатам грозит «электронный Пёрл-Харбор — атака, которая приведёт к физическим разрушениям и смертям, которая парализует и повергнет нацию в шок, создаст абсолютно новое сильное чувство уязвимости и незащищенности» [81].

Вняв этим предостережениям, правительство США в 2014 году выделило на программы кибербезопасности и защиты от хакерских угроз беспрецедентную сумму — более 13 млрд долларов. В последующие годы запугивание граждан хакерскими атаками с Востока продолжалось, достигнув своего пика в пропагандистской операции на тему вмешательства «русских хакеров» в выборы Президента США, якобы предопределившего победу Д. Трампа.

Киберкомандование США ориентировано не только на ведение компьютерной разведки, предотвращение кибератак, но и на нанесение упреждающих ударов. Более того, новой стратегией кибербезопасности предусмотрено, что «любой противник, который попытается получить приоритет над США в киберпространстве, должен быть уничтожен физически» [82].

Аналогичные структуры создаются и в других развитых странах, в частности в Германии. Так, в 2011 году в Бонне начал функционировать Федеральный центр киберзащиты (Cyberabwehrzentrum), задача которого — борьба с промышленным шпионажем и кибератаками со стороны других стран [83].

---

[80] Харрис Ш. Кибервойна: пятый театр военных действий. С. 23.

[81] Там же.

[82] XXI век: войны и оружие (круглый стол экспертов Изборского клуба) // Изборский клуб. Русские стратегии. 2015. № 5 (29). С. 42.

[83] См.: Володёнков С.В. Технологии интернет-коммуникации как фактор обеспечения информационной безопасности современного государства // Информационные войны. 2011. № 3 (19). С. 91.

В 2014 году было принято решение о создании специального подразделения информационных войск и в России. Такое решение Минобороны РФ следует считать достойным и адекватным ответом на возможные кибератаки противника.

4.2.2. Сетецентрические войны

К информационно-технотронному типу военных операций, наряду с кибервойнами, относятся *сетецентрические войны*. Концепция такой войны была предложена американскими военными теоретиками А. Себровски и Дж. Гарстка в конце XX века. Авторы этой доктрины — начальник управления реформирования вооружённых сил США Артур Себровски и научно-технический советник управления систем С4 (командование, управление, связь, компьютерные сети) Объединённого штаба вооружённых сил США Джон Гарстка — в своей статье «Сетецентричная война: её происхождение и будущее», вышедшей в январе 1998 года, указывали, что главным принципом этой войны является смещение акцента с платформы на сеть [84].

Концепция сетецентричных боевых действий была внедрена в качестве доктрины и боевого устава в Пентагоне [85]. Суть этой концепции — увеличение суммарной боевой мощи воинских формирований за счёт их соединения в единую сеть. Сетецентрические войны обладают двумя основными характеристиками: быстротой управления войсками со стороны военного командования и самосинхронизацией действий воинских формирований в интересах общей цели военной операции.

Сетецентрический способ ведения войны позволяет, осуществляя закрытый обмен информацией, объединять боевые возможности географически рассредоточенных сил, относящихся к разным видам и родам войск, без их концентрации на одном плацдарме, что «уменьшает риск поражения войск на марше и лишает противника возможности определить цель проводимых операций и направление главного удара» [86]. Иначе говоря, воинские формирования могут находиться на удалённых друг от друга расстояниях и действовать автономно в рамках единого стратегического замысла за счёт увеличения скорости передаваемой информации и команд от одного места к другому, а также более высокой оперативности поступления обратной информации и принятия решений.

Как показывает анализ, эффективность военных операций информационно-технотронного типа (кибервойн, сетецентрических

---

[84] См.: Cebrovski A.K., Garstka J.I. Network-centric Warfare: Its Origin and Future // Proceedings. 1998, Jan.

[85] См.: Савин Л.В. Коучинг-война. Взгляд на конфликты с точки зрения менеджмента // Информационные войны. 2013. № 4 (28). С. 68.

[86] Микрюков В.Ю. Информационные войны. С. 13.

войн) существенно повышается при сочетании их методов с методами ведения информационно-психологических войн (ментальных, когнитивных, поведенческих и т. п.).

Видный военный аналитик, доктор военных наук А.В. Раскин отмечает: «…победителем в информационной войне становится та сторона, которая способна более полно промоделировать поведение противника в различных ситуациях — это значит в больших объёмах собирать, хранить и обрабатывать информацию о нём, более полно изучать поведение противника, знать и понимать его историю, культуру, быт» [87].

«Сетецентрическая война, — утверждают военные аналитики, — это новая военно-мировоззренческая философия, основанная на приоритете информационно-когнитивной сферы ведения военных действий над физической средой ведения войны» [88].

С точки зрения некоторых военных экспертов, «сетецентрическая война» не столько новый тип, сколько новый способ ведения боевых действий: «По своей сути “сетецентрическая” война — это ориентированная на достижение информационного превосходства концепция организации управления действиями группировок войск (сил), предусматривающая увеличение их боевой мощи за счёт создания единой информационно-коммуникационной сети, связывающей источники данных, лиц, принимающих решения, и исполнителей (боевых задач. — *О.В.*)» [89].

Особенность сетецентрических войн состоит в «смещении центра тяжести структуры вооружённых сил от боевых платформ (т. е. военной техники, средств разведки, авиации, космических аппаратов и т. п. — *О.В.*) к телекоммуникационной сети» [90]. Не случайно на начальном этапе изучения их не вполне точно называли «сетевыми войнами».

Продолжающаяся полемика в отношении перспектив боевого применения «сетецентрического» подхода показывает его эффективность в локальных вооружённых конфликтах и «войнах малой интенсивности», в противостоянии сильного противника с заведомо слабым. Российские военные эксперты не склонны преувеличивать значение «сетецентрических», «дистанционных», «бесконтактных» войн в качестве «войн будущего», рассматривая в то же время принцип «сетецентризма» важным компонентом в комплексе средств обеспечения национальной обороны.

---

[87] Раскин А.В. Некоторые философские аспекты информационной войны // Информационные войны. 2015. № 3 (35). С. 18.

[88] Зиновьев В.Н., Колдунов А.И., Груздев Н.В. Перспективы применения информационных сетей в военном деле // Там же. 2015. № 1 (33).

[89] «Сетецентрическая» война: дайджест по материалам открытых изданий и СМИ / ВАГШ ВС РФ. М., 2010.

[90] Ковалёв В.И., Малинецкий Г.Г., Матвиенко Ю.А. Концепция «сетецентрической войны» для армии России: «множитель силы» или ментальная ловушка? // Информационные войны. 2013. № 4 (28).

4.2.3. Информационно-алгоритмические войны

Термин *«информационно-алгоритмические войны»* встречается в теории и практике психологических операций США, осуществляемых в военное и мирное время. Подразумевается, что это вид оперативно-технического управления, которое с помощью психофизического оружия поражает мозг человека через визуальные образы киберпространства, превращает людей в проводников определённых идей-алгоритмов, в исполнителей, «боевых покемонов», способных беспрекословно исполнять приказы «старших инструкторов».

Технология данного вида войн представляет собой определённый алгоритм управления поведением больших масс людей с учётом культурных стереотипов различных национальных, возрастных, социальных, профессиональных, имущественных групп. Цель применения данной технологии — коррекция культурного кода от отдельного индивида до больших национальных сообществ.

В качестве инструментария информационно-алгоритмических войн используется и доктрина «подталкивания» к принятию необходимых решений (Надж), и использование продуктов искусственного интеллекта — боевых роботов.

Эксперты отмечают: «Эпоха информационно-алгоритмических войн таит в себе множество опасностей». Неслучайно глава крупнейшей американской компании Илон Маск, основатель “Apple” Стив Возняк и профессор физики Стивен Хоккинг подписали открытое письмо, в котором высказали мнение, что «роботы не должны быть автономными и наделяться функцией самостоятельного принятия решений» [91].

Тем не менее, алгоритмизация действий индивида как главный механизм управления его поведением продолжает занимать умы теоретиков нелетальных войн, основанных на применении информационного оружия. И в этом смысле остаётся востребованной технология Р. Талера и К. Санстейна, которая основана на «переводе принятия решений с рефлексивной формы, когда человек думает и взвешивает, на автоматическую, когда решение приходит мимо его сознания» [92].

Дальнейшая эскалация войн информационно-алгоритмического типа несёт угрозу глобального масштаба, поэтому её разрушительные последствия должны подвергаться тщательному анализу со стороны мирового экспертного сообщества.

---

[91] Цит. по: Рогозин прокомментировал призыв запретить создание оружия с искусственным интеллектом // Взгляд. 2015, 29 июля. URL : http://www.vz.ru//news/2015/7/29/758558.html (дата обращения: 27 февр. 2018)

[92] Thaler R., Sunstein C. Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth and Happiness. New York, 2009. P. 79.

4.3. Информационные войны гибридного типа с психоактивным и технотронным компонентами

4.3.1. Гражданские сетевые войны

Современное информационное общество всё чаще называют «глобальным сетевым обществом». По мнению аналитиков, сетевая организационная культура, широко распространившаяся в наше время, по своей эффективности как в военной, так и в гражданской сфере существенно превышает традиционно-иерархическую структуру.

Сетевой принцип организации во многом объясняет устойчивость функционирования, например, террористических организаций: «Даже если один кластер сети разрушен, остальные могут продолжать функционировать. Применительно к террористическим организациям это означает, что арест даже большой группы террористов может не затронуть работоспособности всей сети» [93]. Сетевая система способна во многом объяснить живучесть и неуничтожимость глобальных мафиозных структур и связанных с ними масштабов криминалитета и коррупции в современном мире.

«Сетевую» философию организации современного глобального мироустройства в интересах США активно развивал и пропагандировал в своей знаменитой работе «Великая шахматная доска» один из главных идеологов антироссийского курса внешней политики США Збигнев Бжезинский. Обратив внимание на возможности стремительного расширения сетей международных связей и неправительственных организаций, транснациональных корпораций и обслуживающих их глобальных СМИ, он пришёл к выводу, что новая мировая сеть может служить новой политической силой, более эффективной, чем потенциал традиционной системы национальных государств. «Эта сеть, — писал он, — сотканная многонациональными корпорациями, неправительственными организациями (многие из которых являются транснациональными по характеру) и научными сообществами и получившая ещё большее развитие благодаря системе Интернет, уже создаёт неофициальную мировую систему… <…> Геостратегический успех, достигнутый в этом деле, надлежащим образом узаконит роль Америки как первой, единственной и последней истинно мировой сверхдержавы» [94].

Возможности сетевого принципа в конце 1990-х годов были осознаны не только идеологами, но и военными ведомствами США и были положены в основу концепции «сетевой войны», основан-

---

[93] Григорьев В.П. Информационные вирусы — новое оружие массового поражения. С. 3.

[94] Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М. : Международные отношения, 1999. С. 254.

ной на принципе «сетецентризма». В качестве новой концепции ведения войн она была разработана сотрудниками корпорации RAND Джоном Аквиллой и Дэвидом Ронфельтом и развита в дальнейшем американскими военными стратегами Артуром Себровски и Джоном Гарсткой, о чём уже говорилось выше.

В основу новой военной универсальной доктрины была положена «совокупность действий, направленных на формирование *модели поведения* друзей, нейтральных сил и врагов в ситуации мира, кризиса и войны» [95].

Изначально данная концепция основывалась на решающей роли информационного фактора в будущих военных конфликтах с целью достижения информационного превосходства. «В таком контексте “сетевая война” подразумевала создание децентрализованной сети “информационно оснащённых бойцов” (и подразделений. — *О.В.*), нацеленных на уничтожение ключевых систем управления противника» [96].

В дальнейшем было осознано сходство архитектуры военных сетей и сетевых структур гражданского общества, основными ячейками которых являются неправительственные организации (НПО), гуманитарные фонды различного назначения, оппозиционные СМИ, финансируемые зарубежными организациями (так называемые «иностранные агенты»), неформальные движения (ЛГБТ и др.). Оказалось весьма эффективным взаимодействие военно-политических ведомств США с оппозиционными по отношению к собственной власти сетевыми структурами гражданского общества страны-мишени, обладающими потенциалом так называемого «протестного гражданского активизма», многократно усиленного поддержкой явных или скрытых единомышленников из Глобальной сети. На основе такого межсетевого взаимодействия, оказавшегося весьма устойчивым и глубоким, адаптируемым к меняющейся ситуации, был запущен механизм «цветных революций» в целом ряде стран. Например, «сетевые оргструктуры украинской оппозиции, использовавшие мобильную связь, электронную почту и интернет-форумы, оказались эффективными в многомесячном противостоянии с властями на киевском Майдане» [97].

Отличительной особенностью гражданской сетевой войны является не только конфликт протестно настроенных граждан и власти, но и противостояние между самими гражданами, находящимися по разные стороны идеологических баррикад (например, между патриотами и либералами в России, между украинскими гражданами, выступающими за дружбу с Россией, и неонацистами).

---

[95] Раскин А., Пеляк В. К вопросу о сетевой войне // Военная мысль, 2005. № 3. С. 21–27.

[96] Шеремет И. Сетецетричная война: истоки и технические аспекты // Военно-промышленный курьер. 2006. № 7. С. 4.

[97] Григорьев В.П. Информационные вирусы — новое оружие массового поражения. С. 3.

Потенциал «гражданской сетевой войны» был с успехом для её организаторов применён и в ходе «Арабской весны» (в частности, в Египте).

Как показывает анализ, в рамках гражданских сетевых войн наиболее часто используется технология астротурфинга, применяются искусственные псевдоличности (тролли и боты).

Мы убеждены, что предлагаемый нами термин *«гражданские сетевые войны»* более точно отражает суть так называемых «цветных революций». Кроме того, он позволяет отделить сетевые «бои» на политическом и идеологическом поле от реальных «сетецентрических» войн, которые ведут специальные подразделения вооружённых сил различных стран. При этом следует принять во внимание, что «гражданские сетевые войны», театром военных действий для которых являются Facebook, Twitter, Google и т. п., по своим разрушительным последствиям, приводящим к смене власти, изменению государственного строя в интересах «мирового доминанта» США и, как правило, инспирированные им же, не уступают боевым операциям Киберкомандования — очередного детища Пентагона, с которым связаны его далеко идущие стратегии «глобального превосходства».

4.3.2. «Поведенческие» войны

К войнам нового поколения, нового технологического уровня с недавнего времени относят *«поведенческий» тип* войны. При этом исходят из того, что «новая война» — это, скорее, война с населением, чем с вооружённым противником с помощью так называемой «невидимой силы» [98]. Это нелетальный тип войны, целью которой является смена *поведения противника.*

Термин «поведенческие войны» появился совсем недавно в стратегических документах США, нацеленных на обеспечение их глобального доминирования в мире.

Так, в документе сухопутных сил Соединённых Штатов «Оперативная концепция Армии США “Победа в сложном мире. 2020–2040”», разработанном в рамках Стратегии национальной безопасности США (2015), а также в других документах Пентагона обоснована доктрина пяти полей и семи сфер разных видов противоборства. К пяти полям (доменам) отнесены суша, водная среда, воздух, космос и киберпространство, а к семи сферам противоборства — традиционные военные действия, внешнеполитическая борьба, внутриполитические и финансово-экономические конфликты, информационные войны, поведенческие войны, противоборство в технологической сфере [99].

---

[98] См.: Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М. : Изд-во Ин-та экон. политики им. Е.Т. Гайдара, 2015. 416 с.

[99] См. подробнее: Мировойна: все против всех. Новейшие концепции англосаксонской военной мысли. М. : Книжный мир, 2015. 412 с. ; Ларина Е., Овчинский В. Новая военная стратегия и поведенческие войны // Информационные войны. 2015. № 3 (35). С. 27–28.

В «Оперативной концепции» информационные и поведенческие войны обозначаются как разные типы войн. Тем не менее, между ними имеется немало общего, и есть все основания рассматривать поведенческие войны как вид информационно-психологических войн, формирующих не только сознание, но и поведение массовой аудитории, больших групп людей. Вместе с тем ряд отечественных учёных настаивают на принципиальных различиях в них не только смыслового, но и технологического характера.

Так, Е. Ларина и В. Овчинский полагают, что, поскольку «информация является лишь одним из составных компонентов поведения», постольку «в поведенческих войнах используется инструментарий не только информационных войн самого различного типа, в том числе базирующихся на семиотических системах, но и различного рода физические, ориентационные и иные технологии». Авторы отмечают, что «поведенческие войны основаны на технологиях манипуляции алгоритмами поведения, привычками, стереотипами деятельности, вложенными в нас социумом в самом широком смысле этого слова. Грубо говоря, инструментарий поведенческих войн состоит в том, чтобы отделить привычку от сложившегося вида деятельности, сформировавшей её ситуации и использовать поведенческие паттерны (схемы, модели поведения. — *О.В.*) для достижения иных целей» [100].

Существует и другая точка зрения, согласно которой поведенческие войны связаны с такой разновидностью информационно-психологических войн, как консциентальные войны, или войны на поражение сознания, так как и в этом случае в основе лежит технология управления сознанием [101].

Суть “поведенческой” войны — во «внешнем управлении поведением (в том числе больших групп людей. — *О.В.*) при помощи создания специальных ситуаций, когда человек будет склонен не к самостоятельному принятию решений, а к автоматическому следованию привычкам, стереотипам или мнению окружающих и врождённым инстинктам» [102]. Средства, которыми ведётся поведенческая война, называют *«поведенческим оружием»*.

Поведенческие войны специалисты относят к невоенным угрозам [103], способным, однако, причинить реальный ущерб национальной безопасности страны-мишени — и при этом без использования вооружённых сил, оружия и военной техники.

---

[100] Ларина Е., Овчинский В. Новая военная стратегия и поведенческие войны. С. 33.

[101] См.: Ковалёв В.И., Матвиенко Ю.А. «Поведенческая» война как одна из перспективных невоенных угроз безопасности России // Информационные войны. 2016. № 4 (40). С. 22.

[102] Кугушева А. От информационных войн к поведенческим // Там же. 2016. № 1 (37). С. 20.

[103] См.: Ковалёв В.И., Матвиенко Ю.А. «Поведенческая» война как одна из перспективных невоенных угроз безопасности России. С. 23.

Некоторыми аналитиками поведенческое оружие рассматривается как универсальное оружие, которым в полной мере владеют только США, рассчитывающие с его помощью обеспечить себе устойчивое глобальное превосходство.

Поведенческие войны основываются на трёх составляющих, по которым США действительно обладают безусловным конкурентным преимуществом по сравнению с другими странами.

Во-первых, это *программно-аппаратные средства*, в первую очередь *суперкомпьютеры* (по оценкам аналитиков, шесть из каждых десяти мощных суперкомпьютеров в мире принадлежат США). Во-вторых, это не имеющие аналогов *поведенческие архивы,* содержащие так называемые *«дата хьюм»,* или «человеческие данные», на 800 млн человек из разных стран, включающие не только общие данные, но и сведения о поведении, взглядах, связях, «уязвимых» точках в биографии людей. Международные поисковики и социальные сети Google, Facebook, Twitter, принадлежащие американским компаниям, также имеют базы данных на сотни миллионов пользователей по всему миру. Третьим элементом поведенческого оружия являются так называемые *высокие гуманитарные технологии («хай хьюм»),* основанные на достижениях целого комплекса таких научных теорий, как бихевиоризм, ситуативная психология, поведенческая экономика, когнитивистика и т. п.

В наиболее концентрированном виде теория поведенческих войн изложена в книге К. Санстейна и Р. Талера «Подталкивание: облегчение решений ради здоровья, богатства и счастья» (2008) [104]. В этой работе дано обоснование технологии «Надж» (“Nudge”), что в переводе означает «подталкивание». Речь идёт о том, что с помощью создания определённых ситуаций можно подтолкнуть человека или группу людей к принятию определённых решений и осуществлению их на основе определённых действий [105]. Высказывалось мнение, например, о том, что эта технология используется для подталкивания детей к суицидным действиям в так называемых «группах смерти» для экспериментальной отработки на восприимчивой детской психике способов воздействия на группы взрослых.

Таким образом, «Надж» — это технология программирования поведения индивида, малых и больших групп людей, а также внешнего управления их поведением. Не случайно эксперты называют основной принцип этой технологии «надзираемой свободой» или «формируемым поведением» [106]. По замыслу американских авторов этой концепции, данная технология применима как внутри страны, так и вне её.

---

[104] См.: Richard H. Taler, Cass R. Sanstein. Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth and Hapiness. Penguin Books, 2008.

[105] См.: Кугушева А. От информационных войн к поведенческим. С. 19.

[106] Там же. С. 20.

Параллельно технологии «Надж» и её новейшей модификации «Супернадж» развивается связанное с ними направление, ориентированное на *автоматизацию ведения информационной войны.*

Дело в том, что с 2011 года министерство обороны США продвигает систему SMISC (Social Media in Strategic Communication), то есть «социальные медиа в стратегической коммуникации». SMISC способна выявлять в Интернете операции влияния, нейтрализовать их действие контрсообщениями и манипулятивными технологиями. Другие подобные ей программы (ICEWS и ADMS) ориентированы на раннее предупреждение роста социальной напряжённости в обществе, кризисных ситуаций, на наблюдение за поведением отдельных личностей и групп людей, вызывающих какие-либо опасения [107].

Стратегическая цель таких американских программ — тотальный контроль, управление поведением людей в разных точках планеты.

Возможно ли эффективное противодействие технологиям поведенческих войн? Отечественные эксперты указывают на целый ряд направлений такого противодействия. И это не только удаление контента, блокирование аккаунтов, но и программно реализуемая дискредитация деструктивной и фальшивой информации, распространяемой агрессором, ответное воздействие по принципу бумеранга: «Информационное воздействие может быть и упреждающим, если выявлена подготовка к удару со стороны оппонента» [108].

В арсенале «поведенческих войн» скрыто немало тайных, непредсказуемых ходов противника, поэтому готовность как к симметричному, так и асимметричному ответу должна быть на высоте.

4.3.3. Кибертеррористические войны

Вступление человечества в эпоху глобализации повлекло за собой не только расширение интегративных процессов в политике и экономике, но и целый ряд глобальных угроз, главную из которых представляет международный терроризм.

Медийная активность террористов — одна из ключевых проблем, от решения которой зависит обеспечение информационной и всякой иной безопасности в современном мире. Огромный информационный резонанс, вспыхивающий после каждого теракта, сеющий панику среди миллионов людей, является важнейшей частью информационно-психологического оружия террористов. Для них этот информационный резонанс, возможно, важнее гибели десятков и даже сотен жертв, так как дезорганизует, хаотизирует жизнь многомиллионных мегаполисов на разных континентах, вы-

---

[107] См.: Нежданов И.Ю. Аналитическое обеспечение информационных конфликтов в Интернете // Информационные войны 2014. № 2 (30). С. 18–19.

[108] Там же.

зывая у организаторов террористической войны против цивилизованного мира ложное ощущение глобального могущества. Поэтому «терроризм может рассматриваться как часть информационной операции. Любой теракт содержит в себе элемент универсального информационного воздействия» [109].

Для противостояния этому террористическому монстру необходимы коллективные усилия мирового профессионального журналистского сообщества. Следует, однако, признать, что единая медиаполитика антитеррора ещё не выработана. Недостаточное внимание уделяется антитеррористической пропаганде в СМИ и Интернете, применению *контрманипулятивных технологий* в социальных сетях.

На вооружении террористических организаций в настоящее время самые изощрённые технологии вовлечения в терророресреду новых «рекрутов», прежде всего из рядов молодёжи, при этом через социальные сети вовлекаются в деятельность этой террористической организации 80 % потенциальных адептов идеологии ИГИЛ («ИГ»).

В числе манипулятивных технологий, используемых в этих целях, специалисты называют следующие приёмы: демонизацию образа врага; апелляцию к эмоциям (чувствам ненависти и мести); апелляцию к религиозным предрассудкам радикальных исламистов-фанатиков, направленных против представителей других конфессий и конфессиональных ветвей (христиан, иудеев, а также «светского», мирного ислама и др.); снятие социальных и этических запретов на убийство путём произвольного толкования мусульманских заповедей в противовес истинному содержанию Корана; героизацию мученичества во имя Аллаха, основанную на внушении ложных иллюзий о вечном блаженстве попавшего в рай шахида; исторические инсинуации, вызывающие чувство оскорбления национального достоинства со стороны представителей других национальностей и конфессий [110]. Следует при этом подчеркнуть, что священная книга мусульман — Коран — не несёт в себе подобной человеконенавистнической идеологии. Канонический, или светский, ислам не имеет ничего общего с его радикальной ветвью, призывающей к террору.

Поэтому нельзя не согласиться с политологами, считающими, что ислам и исламизм — это разные явления: «*Исламизм* — не религия, а политическая идеология, лишь прикрывающаяся религией и эксплуатирующая авторитет ислама для целей массовой политической мобилизации». Поэтому радикальный ислам можно рассматривать как «разновидность тоталитарной идеологии — джихадизм» [111].

---

[109] Расторгуев С.П. Информационная война. Проблемы и модели. Экзистенциальная математика. М. : Гелиос АРВ, 2006. С. 200–201.

[110] См.: Радилов А.С., Цимбал М.Ф. Технология манипулирования сознанием и вовлечения в терророресреду // Общественные науки и современность. 2012. № 4. С. 129–135

[111] Паин Э.А. Исламизм: социально-политическая сущность и новые угрозы для России // Там же. 2016. № 5. С. 117.

Террористический акт всегда совершается в расчёте на информационный резонанс. Идеологи и организаторы террористической деятельности, как правило, включают в планирование теракта поиск канала информации и расчёт на максимально многочисленную целевую аудиторию. Террористические организации ставят своей целью обеспечение глобального медийного освещения как своей идеологии, так и самой террористической деятельности.

Теракт — это всегда акт информационной агрессии, устрашающего воздействия; его задача — не только уничтожение людей и материальных объектов противника в данный момент, но и нарушение социальной стабильности, механизмов управления, подрыв доверия населения к власти из-за её неспособности защитить свой народ.

Связь терроризма с сопутствующим ему медиаэффектом вызвала необходимость специального изучения этого вопроса. Не случайно специалисты называют терроризм «медиафеноменом» и рассматривают его как особый вид информационно-психологической войны, осуществляемой через каналы СМИ [112].

Наиболее массовое воздействие оказывают прямые репортажи с места событий в режиме реального времени, особенно в Интернете. По сравнению с традиционными СМИ, социальные сети в освещении теракта, пользуясь отсутствием цензуры, имеют возможность предоставить дополнительную информацию, снабдить её интерактивными комментариями, а террористические организации имеют собственные сайты, через которые транслируют события в выгодной для себя интерпретации.

Учёные установили, что террористический акт является оружием массового информационно-психологического воздействия, последствия которого не ограничиваются реальными жертвами и разрушениями, а имеют масштабный и продолжительный характер. Так, трансляция в прямом эфире захвата детей-заложников в школе Беслана 1 сентября 2004 года привела к всплеску у телезрителей сердечно-сосудистых заболеваний с последующим смертельным исходом, превысивших норму в 2–3 раза [113].

Теракты последних лет, произошедшие во Франции, Германии, Великобритании, России продемонстрировали качественные изменения в организации террористического подполья, в методах террористического рекрутинга (вербовки), позволяющие говорить о появлении «международного террористического интернационала».

Анализ медийной составляющей терроризма привёл экспертов к выводу, что организаторы терактов делают ставку на зре-

---

[112] См.: Сундиев И., Смирнов А. Медиаресурсы в экстремистской и террористической деятельности: функциональный анализ // Свободная мысль. 2014. № 4. С. 56.

[113] См.: Мкртычян А. Влияние средств массовой информации на психологические последствия террористических актов : автореф. дис. … канд. психол. наук. М., 2012. С. 10.

лищный эффект своих смертоносных акций [114], с тем чтобы привлечь к ним внимание многомиллионной аудитории. Предполагается, что для подготовки информационной стратегии своей террористической деятельности они нанимают специалистов в области СМИ, рекламы и PR. Так, отмечается «постановочный», срежиссированный характер террористических атак 11 сентября 2001 года, выполненных с участием американских спецслужб.

Основанием для такого мнения служит известный военным историкам прецедент — специальная операция «Нортвудс», разработанная в 1962 году Объединённым комитетом начальников штабов вооружённых сил США. Известный историк и политолог, доктор исторических наук Вячеслав Дашичев изложил её суть следующим образом: «Сценарий таков: ЦРУ тайно инсценирует террористический акт, якобы направленный против США. Вина возлагается на кубинское руководство во главе с Ф. Кастро. По плану пассажирский самолёт с американскими туристами, а на деле с агентами ЦРУ на борту вскоре после взлёта совершает посадку. Вместо него поднимается пустой самолёт, управляемый с земли, и берёт курс на Ямайку, Панаму или Венесуэлу. Пролетая над кубинскими водами, он посылает радиосообщение, что его атаковали истребители МиГ. Вслед за тем по радиосигналу из США приводится в действие бомба на борту. Самолёт падает в море. Разворачивается шумная кампания о “неспровоцированном нападении” кубинских истребителей на гражданский самолёт США. Ясное дело, в США — взрыв возмущения. И тут же американские вооружённые силы совершают нападение на Кубу. Красиво и убедительно! Но плану Пентагона не суждено было сбыться — президент Джон Кеннеди наложил запрет» [115].

Данная информация была обнародована в ходе научной дискуссии в Берлинском университете имени Гумбольдта «Инсценированный терроризм. Заговор 11 сентября», состоявшейся в столице ФРГ 30 июня 2003 года. Известный западногерманский журналист Герхард Висневски в ходе дискуссии высказал предположение, что Джордж Буш-младший мог воспользоваться тем же сценарием для инсценировки теракта 11 сентября 2001 года — слишком много сходства [116]. Мотивом для подобного акта «государственного терроризма» могло послужить стремление военно-политического руководства США получить поддержку общества в борьбе с так называемыми «тоталитарными режимами» Арабского мира, богатого нефтью, либо Афганистана как «рассадника терроризма» и насадить там проамерикански настроенные марионеточные правительства.

---

[114] См.: Гарев В. Информационные угрозы современного мирового терроризма / Ин-т Африки РАН. М., 2010. С. 17.

[115] Дашичев В.И. Тайны башен-близнецов // Литературная газета. 2016, 7–13 сент. № 35 (6565). С. 4.

[116] См. там же.

Эксперты считают, что у организаторов терактов из ИГИЛ и Аль-Каиды под влиянием высококвалифицированных консультантов, среди которых есть и американские специалисты, выработалось «сценарное», «репортажное» мышление, основанное на алгоритмах голливудских фильмов-«катастроф». Результатом стала парадоксальная «симбиотическая связь» террористов и СМИ [117].

Чтобы получить необходимый им информационный эффект, террористы прибегают к разным методам: направляют в мировые СМИ заявления о том, что берут на себя ответственность за совершение теракта, получая тем самым бесплатную рекламу (95 % случаев); требуют выхода в прямой эфир, а получив такую возможность, выступают с угрозами, нацеленными не только на массовое, но и на индивидуальное восприятие каждого зрителя, угрожая каждому дому, каждой семье.

К сожалению, сами СМИ в погоне за сенсацией, за эксклюзивной подачей материала нередко делают всё, чтобы усилить, драматизировать эффект восприятия терактов. Сообщения о терактах всегда подаются в качестве главной новости, занимают первую строчку в информационной повестке дня.

Трагический опыт 1990-х годов показывает пагубные последствия «двойных стандартов» в работе журналистов. Так, во время захвата террористами 14–19 июня 1995 года заложников в районной больнице и роддоме города Будённовска на канале НТВ, который курировал тогда печально известный олигарх Владимир Гусинский, ныне разыскиваемый Интерполом, муссировалась ложная информация о том, что организатора теракта Шамиля Басаева можно понять как «борца за свободу своего народа», чья семья якобы «погибла под русскими бомбами», тогда как его семья в то время беззаботно отдыхала на Кипре. Сочувственно писали о чеченских боевиках, называя их «повстанцами», а не бандитами, и некоторые журналисты тогдашней «Новой газеты».

В прошлом имели место и интервью с главарями международного терроризма. Так, телекомпания «Аль-Джазира», базирующаяся в арабском государстве Катар, в октябре 2001 года (после теракта в США) передала в эфир видеозапись интервью «террориста № 1» Усамы бен Ладена; аналогичную запись за несколько лет до этого продемонстрировал канал CNN. Британский канал “Channel 4” показал 3 февраля 2005 года интервью с террористом Шамилем Басаевым. Очевидно, что во всех этих случаях мировые медиа выступили в качестве ретрансляторов вольно или невольно пособниками, пропагандистами идеологии международного терроризма.

Проблема «СМИ и терроризм» стала в последнее время предметом научных и общественных дискуссий. Это связано с тем, что,

---

[117] См.: Вартанова Е.Л., Ткачёва Н.В. К вопросу о социальной ответственности СМИ в контексте информационной безопасности // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2008. № 5. С. 7.

с одной стороны, задачей СМИ является информирование граждан обо всех заметных событиях, с другой стороны, СМИ поневоле вынуждены усиливать информационный резонанс от деятельности террористических организаций, которые именно этого и добиваются. Неслучайно современный терроризм некоторые эксперты называют «медиатерроризмом», а сам теракт — «медиабомбой».

Серьёзную опасность представляет детальное освещение теракта в режиме реального времени, особенно при захвате заложников, поскольку журналисты могут оказаться невольными пособниками террористов, раскрывая подробности антитеррористической операции правоохранительных органов и сил специального назначения. Так, например, сообщения с места событий в прямом эфире о скором начале штурма захваченного здания могут спровоцировать казнь заложников, гибель гражданских лиц. Примером такого рода может служить операция по освобождению заложников из Театрального центра на Дубровке в Москве 23 октября 2002 года, когда террористы имели возможность следить за перемещениями подразделений спецназа по каналам «НТВ» и «ТВ-6», что серьёзно осложнило ход операции и привело к новым жертвам среди заложников. Поэтому специалисты справедливо считают, что необходимо *правовое закрепление правил освещения СМИ террористических актов*, особенно связанных с захватом заложников, а также координация деятельности правоохранительных органов и СМИ во время проведения контртеррористических операций [118].

Ситуация, однако, осложняется тем, что международные террористические организации имеют собственные СМИ, которые передают новости, ведут религиозную пропаганду, организуют даже детские передачи с целью вовлечения максимального количества сторонников в свою среду. Ещё несколько лет тому назад такое считалось невозможным. «Создание террористами собственных радио- и телестанций невозможно, — писали в 2008 году известные учёные-медиологи Е.Л. Вартанова и Н.В. Ткачёва, — так как в большинстве стран аналоговое вещание лицензируется государственными органами» [119].

Сегодня такая практика стала реальностью. Так, исламское движение «Хамас» имеет свою радиостанцию и свой телеканал «Аль-Акса», террористическая организация «Хезболла» — собственный спутниковый телеканал «Аль-Манар» и радиостанцию «Аль-Нур».

ИГИЛ (ныне — «ИГ» — «Исламское государство») в 2006 году, с начала своего существования, создал медиаагентство «Аль-Фуркан», ведущее активную пропагандистскую работу в Интернете, с 2013 года транслирует свою информацию через «Исламский

---

[118] См.: Сундиев И., Смирнов А. Медиаресурсы в экстремистской и террористической деятельности: функциональный анализ. С. 72.

[119] Вартанова Е.Л., Ткачёва Н.В. К вопросу о социальной ответственности СМИ в контексте информационной безопасности. С. 12.

медиафронт», в 2014 году учредил медиацентр «Аль-Хайят», который вещает на английском, немецком, французском и русском языках, с 2014 года выпускает печатный журнал «Дабик» на нескольких языках. При этом, как считают аналитики, ИГИЛ имеет «собственную модель мягкой силы» [120], вовлекающую в её опасные сети тысячи адептов с помощью лживой пропаганды идеи «справедливости» и «равных возможностей» для всех мусульман. Всем «неверным», однако, грозит иной финал — тотальное уничтожение, в лучшем случае — пожизненное рабство.

Можно утверждать, что имеющаяся классификация информационных войн пополнилась в настоящее время войной нового типа — террористической: «Сегодня российское государство столкнулось с новой угрозой в области противодействия терроризму — целенаправленной информационной войной, которую террористические организации ведут, не стесняясь в выборе средств. <…> Информационно-психологический терроризм превратился в новый вид деятельности» [121]. Специалисты говорят и о «глобальной террористической войне» [122].

Действительно, «терроризм активно использует условия, которые создаёт глобализация» [123], вследствие чего новые, модернизированные, виды террористических атак с применением информационно-телекоммуникационных технологий получили название «кибертерроризм» и «интернет-терроризм».

В связи с этим, исходя из массированного проникновения различных форм террористической деятельности в киберпространство, мы считаем возможным выделить среди информационных войн такой их вид, как ***«кибертеррористические войны».***

Как уже отмечалось, спектр террористических действий в интернет-пространстве весьма широк — от атак на объекты военной и гражданской инфраструктуры до распространения террористической пропаганды и вербовки в свои сети новых адептов из разных стран мира.

Возможность трансляции террористической идеологии и практики по каналам Глобальной сети многократно усилила психологический, пропагандистский и мобилизационный потенциал террористических организаций. При этом нельзя забывать, что опосредованная симбиотическая связь мирового терроризма с глобальной медиасферой была выявлена ещё до «эпохи Интернета», когда над умами людей ещё властвовало телевидение.

---

[120] Манойло А. «Мягкая сила» террористов // Стратегия России. 2016. № 5. С. 52.

[121] Сидненко Г.Ф. Государственная политика Российской Федерации в области информационного противоборства терроризму // Современное право. 2015. № 4. С. 106.

[122] Илларионов С. И. Глобальная террористическая война. М. : ПрофЭко, 2006.

[123] Зыков И. Глобализация и терроризм в современном мире // Безопасность Евразии. 2008. № 3. С. 324.

Одними из первых с этим парадоксальным фактом столкнулись Соединённые Штаты Америки. Поэтому ещё в 1986 году специальная правительственная группа по борьбе с терроризмом во главе с вице-президентом США Джорджем Бушем опубликовала доклад, включавший специальный раздел «Терроризм и СМИ». В нём, в частности, говорилось: «Терроризм — форма пропаганды, нуждающаяся в паблисити (проще говоря, в рекламе. — *О.В.*), чтобы быть эффективной. Среди факторов, способствующих как росту, так и сенсационности инцидентов, следует особо отметить успехи террористов в получении широкой рекламы и оказании влияния на возможно более многочисленную аудиторию. Террористы видят роль СМИ в распространении их заявлений по всему миру как одну из главных для достижения своих целей» [124].

В том же документе обращалось внимание на негативные последствия некорректного освещения терактов в СМИ. Среди них, в частности, отмечались такие, как «интенсивное телеосвещение, которое может ограничить или лишить правительство преимуществ в выборе действий по пресечению теракта; превращение журналистов в участников инцидента и переговоров, когда СМИ в роли арбитра узурпируют правовую ответственность правительства; сообщения о планах антитеррористических подразделений, участвующих в операции по обезвреживанию террористов»[125].

Время показало правомерность этих выводов. Террористические акты, происходившие в 1990–2000-е годы в России, подтвердили, что отсутствие необходимых мер взаимодействия СМИ с антитеррористическими подразделениями и правоохранительными органами при освещении теракта способно привести к дополнительным человеческим жертвам.

Тем не менее, потребовался ещё значительный период времени, чтобы выработать на законодательном уровне необходимые меры противодействия распространению террористического контента не только в традиционных СМИ, но и в интернет-пространстве. И хотя существует уже целый ряд международных документов, законодательных актов РФ по данной проблеме, террористические киберугрозы ещё не устранены.

В числе наиболее опасных из них необходимо отметить следующие:

- психологическое воздействие на пользователей Интернета с помощью аудиальных и визуальных средств с целью погружения общества в атмосферу страха и паники (например, видеофиксация и публичная демонстрация казней журналистов, военнослужащих и гражданских лиц противоборствующей стороны, захваченных в плен);

---

[124] Цит. по: Информационная безопасность систем организационного управления. Теоретические основы : в 2 т. / под ред. В.В. Кульбы. М. : Наука, 2006. Т. 1. С. 23.

[125] Кульба В.В. и др. Средства и объекты информационного управления // Информационные войны. 2009. № 4. (12). С. 24.

• пропаганда террористической идеологии на специализированных и иных сайтах, слабо контролируемая сетевыми модераторами;

• сбор информации в Интернете об объектах инфраструктуры стран-мишеней с целью организации террористических атак;

• использование возможностей Интернета для сбора средств и пожертвований от пользователей, сочувствующих целям террористов (примером может служить глобальная фандрайзинговая сеть «Аль-Каиды»);

• вербовка с помощью интернет-сетей потенциальных сторонников, прежде всего из числа молодёжи, в ряды террористических организаций;

• обучение сторонников технологиям создания взрывчатых веществ, взрывных устройств и организации террористических актов;

• координация действий и управление организаторами и исполнителями терактов с использованием коммуникативного потенциала социальных сетей и мобильной связи [126].

Трансформация интернет-терроризма в полномасштабные кибертеррористические войны определяется ещё одним, ключевым и набирающим силу фактором — *мобилизационным потенциалом социальных сетей*, доказавшим свою эффективность в ходе «цветных революций» и других массовых деструктивных акций.

На наших глазах «традиционная функция Глобальной сети — ретрансляция политических настроений — дополняется функцией политической самоорганизации и мобилизации масс» [127]. И этот факт также нельзя не учитывать.

О том, что речь идёт об особом типе информационных войн — кибертеррористических войнах — свидетельствует и тот факт, что в ходе их используется широкий спектр *манипулятивных технологий*, характерных для всех войн информационно-психологического назначения: демонизация образа врага, романтизация и героизация мученичества за веру, апелляция к «высшим ценностям» — вере, справедливости, поддержке «братьев» по вере и борьбе и т. п.; дезинформация; подтасовка фактов; внушение ложных иллюзий и установок; и т. п.

Среди манипулятивных приёмов организаторов кибертеррористических войн особое место занимает запугивание гражданского населения с помощью информационных «вбросов», нацеленных якобы на «кровавое возмездие». Так, в ноябре 2015 года, вскоре после начала в Сирии воздушной операции Военно-космических сил России против террористической организации ИГИЛ (запрещённой в РФ), в Республике Татарстан была осуществ-

---

[126] См.: Ибрагимов Л.Х. Интернет-терроризм как феномен современных политических коммуникаций // Информационные войны. 2016. № 2 (32). С. 72.

[127] Булгаков С.Н. Образ международного террористического лидера в сети Интернет // Там же. 2012. № 1 (21). С. 26.

лена массовая рассылка SMS-сообщений о прибытии в нашу страну большой группы террористов-смертников для совершения терактов в местах массового скопления людей. Цель данной информационной атаки состояла не только в том, чтобы посеять страх и панику, в том числе среди сторонников традиционного ислама в Татарстане, но и подорвать доверие всего населения самого крупного национального субъекта РФ к российской власти, начавшей контртеррористическую операцию и вызвавшей тем самым якобы «ответную» волну.

Изучая современные тенденции в организации террористических актов, исследователи говорят о появлении *феномена «нового терроризма»*, который рассчитан на максимальное количество жертв, так как в данном случае объектом воздействия становятся не только непосредственные жертвы теракта, но и всё мировое сообщество, получающее сообщения о теракте по глобальным информационным сетям в качестве главной новости дня в кратчайшее время. Кроме того, террористы стремятся шокировать общественность как можно более «зрелищными» терактами, исходя из того, что «Интернет позволяет довести до миллиардов потребителей сцены массового убийства людей» [128].

Вместе с тем широкое распространение в террористической деятельности получила *тактика «одиноких волков»*, въезжающих в толпу празднующих людей на тяжёлом грузовике (теракт во Франции), расстреливающих сотни завсегдатаев ночного клуба (США), бросающихся с ножом или топором на пассажиров электропоезда (Германия). По сообщениям военных аналитиков, «в настоящее время Исламское государство ведёт кампанию по мобилизации и обучению террористов-одиночек для проведения диверсионной работы с использованием отравляющих веществ в густонаселённых центрах» [129].

В 2017 году, в результате прежде всего успешной контртеррористической операции России, «Исламское государство» лишилось около 95 % своих территорий в Сирии и Ираке. В результате боевых действий игиловцами были утрачены крупные нефтяные и газовые месторождения, являвшиеся основными источниками их доходов. Лидеры «ИГ» вынуждены были изменить тактику: если раньше они призывали своих сторонников переселяться из своих стран на земли так называемого Халифата и вести священную войну — джихад — с иноверцами, то теперь они призывают своих адептов оставаться на территории собственных государств и совершать одиночные теракты, убивать безоружных людей с использованием подручных средств: грузовиков, топоров, ножей. «В 2017 году по всему миру был отмечен всплеск нападений террористов-одиночек. Нью-Йорк,

---

[128] Базаркина Д.Ю. Роль коммуникации в формировании феномена современного терроризма // Информационные войны. 2016. № 2 (38). С. 67.

[129] Радикализм порождает терроризм // Независимое военное обозрение. 2018, 2–8 февр.

Берлин, Лондон, Стокгольм, Ницца — сотни погибших, тысячи раненых. Тенденция налицо» [130]. В феврале 2018 года в России, в дагестанском городе Кизляре — столице терского казачества с многонациональным населением, из которого 40 % составляют русские, террорист-одиночка расстрелял из охотничьего ружья прихожан Свято-Георгиевского храма в Прощёное воскресенье, в преддверии Великого поста. Накануне он записал своё видео на фоне флага ИГ, в котором дал клятву верности лидеру Исламского государства Абу Бакру аль-Багдади.

Все эти факты действительно убеждают в том, что человечеству объявлена самая настоящая *мировая кибертеррористическая война* и противодействовать ей можно только общими силами [131].

Медиааналитики разных стран, изучавшие опыт пропагандистской деятельности террористического квази-государства ИГИЛ, пришли к выводу, что ИГИЛ «представляет собой новую “мутацию” международного терроризма», обладающую собственной медиаимперией, демонстрирующей «беспрецедентно высокий уровень владения передовыми информационно-коммуникационными технологиями» и «новейшими инструментами маркетинга в социальных медиа» [132]. Кроме того, «внедрение сетевого принципа в деятельность террористических группировок стало для них настоящей революцией в военном деле: ячейки, действующие автономно и поддерживающие связь с управляющим центром (или центрами) только в экстренных случаях, чрезвычайно сложно обнаружить и уничтожить» [133].

Технологии воздействия террористов на массовое сознание также отличаются особой изощрённостью и имеют все признаки *когнитивного оружия*. Так, по признанию медиааналитиков, видеоролики с казнями (обезглавливанием) американских журналистов Джеймса Фоули и Стивена Сотлоффа, а также англичанина Дэвида Хэйнса были растиражированы большинством мировых информационных агентств и «стали одними из наиболее мощных по силе воздействия на массовое сознание террористических посланий после терактов 11 сентября 2001 г. в США» [134].

Техническая оснащённость СМИ современных террористических организаций находится на столь высоком уровне, что позволяет им транслировать свои взгляды в обход закрываемых ак-

---

[130] Гордиенко И. Теракт быстрой сборки // Новая газета. 2018, 22–28 февр. № 7. С. 8.

[131] См.: Григорьев М.С., Игнатьев В.С., Магеров В.М. Противодействие террористической пропаганде / Фонд исследования проблем демократии. М., 2017. 328 с.

[132] Базаркина Д.Ю. Роль коммуникации в формировании феномена современного терроризма. С. 67.

[133] Манойло А.В., Шегаев И.С. Особенности борьбы с международным терроризмом в условиях его интернационализации // Politbook. 2017. № 1. С. 149.

[134] Сундиев И.Ю., Смирнов А.А., Костин В. Н. Новое качество террористической пропаганды: медиа-империя ИГИЛ // Информационные войны. 2015. № 1 (33). С. 31.

каунтов и запрещённых террористических сайтов через другие технические лазейки (анонимные сети, чаты, приложения, хештеги, мессенджеры).

Разгром значительной части вооружённых формирований и инфраструктуры ИГИЛ (ИГ) в 2017 году силами ВКС России при участии США существенно ослабил информационный потенциал этого квази-государства. Тем не менее, террористический медиафронт продолжает воздействовать на массовое сознание, и этому глобальному вызову должны быть найдены адекватные механизмы противодействия. Главной задачей мирового сообщества остаётся последовательная борьба с международным терроризмом как безусловным преступлением против человечества.

4.3.4. Информационно-психологическое противоборство в контексте событий на Украине

«Конфликт на Украине можно отнести к категории политических бедствий, но с выраженным риском более широкого катастрофического развития, — отмечает видный политолог и общественный деятель В. Якунин. — Американская игра в мессианский либерализм завела Украину в тупик» [135].

В данном случае локальный, на первый взгляд, конфликт, территориально удалённый от США, не случайно связывается с политическими амбициями Соединённых Штатов, убеждённых, что любая точка планеты является зоной национальных интересов Америки.

Нельзя не согласиться и с той точкой зрения, что «события на Украине обрушили мифы глобализации для большинства европейцев. <…> Украинский кризис показал, что глобализация — это не что иное, как политическое и экономическое оружие, которое имеет своего владельца» [136].

Украинско-российский фактор давно рассматривался в рамках американской «геополитической инженерии» [137] как серьёзная проблема. С.Г. Кара-Мурза и его соавторы в работе «На пороге “оранжевой революции”» (М., 2005) отмечали, что известный американский политолог Збигнев Бжезинский в своей концепции «великой шахматной доски» и мысли не допускал об укреплении союза Украины с Россией: «Збигнев Бжезинский непрерывно предупреждает, что Россия непременно начнёт подниматься и возрож-

---

[135] Якунин В. Новая фаза глобальных трансформаций: опыт критического анализа // Вестник Московского университетата. Сер. 12. Политические науки. 2015. № 1. С. 16.

[136] Там же. С. 16–17.

[137] Байкова Т. «Сергей Лавров рассказал об опасной геополитической инженерии» // Известия. 2016, 29 апр. С. 4.

даться как империя. Поэтому такие усилия были потрачены на “оранжевую революцию” на Украине. О необходимости именно из этих соображений присоединить Украину к Западу он говорил так: “Если России удастся помешать присоединению Украины (к западному миру. — *О.В.*), она вновь может стать империей, командующей своим окружением. И неизбежно Россия превратится в угрозу для своих соседей”» [138].

В союзе Украины и России Запад увидел угрозу укрепления «евразийской цивилизации» как глобальную альтернативу своей, «евроатлантической» (англо-саксонской), цивилизации и этого допустить не мог.

С российской же стороны в 1990-е годы возобладала пассивистская политика «невовлечённости» в процессы формирования украинской «незалежности», и в образовавшийся вакуум хлынуло потоком американское идеологическое, информационное и финансово-экономическое влияние. Цель — повернуть Украину к ассоциации с Евросоюзом, лицом к НАТО и тем самым навсегда оторвать от России. В результате, по мнению ряда учёных, прозападный вектор ориентации Украины стал необратимым, а геополитическая «битва за Украину» проиграна Россией навсегда.

Сложность проблемы заключается ещё и в том, что, как считает известный эксперт по международным отношениям В. Калита, российско-украинский конфликт имеет двухуровневую структуру: «На первом уровне его сторонами выступают нынешний киевский режим, пришедший к власти в феврале 2014 года в результате государственного переворота, а с другой стороны — не признавшие эту власть граждане Донецкой и Луганской народных республик; на втором уровне стоят поддерживающие их силы — Россия и “коллективный Запад”» [139].

В результате в течение всей последней четверти века на Украине разыгрывалась радикальная националистическая карта, основой которой являлись активная реанимация и реабилитация темы, которая в советский период, по народной пословице «Не буди лиха, пока оно тихо», практически не звучала. Такой темой стала деятельность Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА), сотрудничавших с гитлеровской Германией в годы Великой Отечественной войны. При этом главный акцент идеологами «новой Украины» делается на том, что эти организации вели борьбу с коммунистической идеологией, якобы насильственно навязанной украинскому народу российской советской властью.

---

[138] Кара-Мурза С., Телегин С., Кудрявцев М., Миронов А. На пороге «оранжевой революции». М., 2005. С. 35.

[139] Калита В. Почему Россия не может оставить в покое Украину // Обозреватель — Observer. 2017. № 5. С. 19.

Политическая реабилитация ОУН–УПА быстро перешла в практическую плоскость: только за 20 лет — с 1992 по 2012 год — памятники вождю украинских националистов Степану Бандере были установлены в 25 городах и сёлах Украины, создано 5 посвящённых ему музеев. С 1992 года он является почётным гражданином нескольких десятков украинских городов, десяткам улиц присвоено его имя [140].

Украина быстро присоединилась к антироссийским «войнам памяти», которые активно вели к этому времени некоторые из стран бывшего социалистического лагеря (Польша, Словакия, Венгрия). При этом на Украине, в отличие от них, забвение уроков прошлого проявилось не только в пересмотре дружественных отношений с Россией, но и в возрождении неонацистской идеологии.

Так, в 2003 году в городе Тернополе появилась улица Воинов дивизии «Галичина» — той самой, что была сформирована в годы Второй мировой войны в составе войск СС приказом рейхсфюрера СС Гиммлера, которая отличилась многочисленными карательными операциями, поражавшими своей жестокостью даже немецких фашистов, и которая была признана Нюрнбергским процессом преступной организацией [141]. Символика этой эсэсовской дивизии широко распространена на Западе Украины, особенно во Львове. И хотя Россия ещё в 2009 году поставила перед ООН вопрос об осуждении героизации нацизма на Украине, серьёзного отклика в странах Западной Европы, пострадавших в своё время от фашизма, это не нашло. Как не нашли осуждения и многочисленные факельные шествия по типу фашистских, которые дважды в год проходят в центре Киева. Многолетняя антироссийская пропаганда, фальсификация истории в школьных учебниках, где порой даже не упоминается Великая Отечественная война, обработка молодых умов на многочисленных семинарах молодёжных лидеров, щедро оплачивающихся США, массированная манипуляция общественным сознанием через ангажированные властью СМИ сделали многих украинцев убеждёнными противниками ещё недавно братского народа, превратили Россию в их глазах в страну-агрессора.

Поклоняясь культу Бандеры и Шухевича, их нынешние сторонники стараются не вспоминать о том, что в случае победы Гитлера Украины как самостоятельного государства не было бы, да и самим украинцам — тем, кто выжил бы в случае победы немецкого фашизма, — пришлось бы называться иначе.

В доказательство этого тезиса приведём весьма примечательное свидетельство начальника штаба дивизии «Галичина» майора В. Гайке: «Гиммлер ясно предупредил, что в дивизии ни в коем

---

[140] См.: Ромашкина Н.П., Пересыпкина О.В. Информационно-психологическое воздействие в период кризиса на Украине: уроки для России // Информационные войны. 2016. № 1 (37). С. 48.

[141] См. там же. С. 48–49.

случае нельзя даже думать о независимости Украины. Слова “Украина”, “украинец”, “украинский” запрещалось употреблять под угрозой наказания, воины дивизии должны называться не украинцами, а галичанами». В планы Гитлера существование суверенного украинского государства не входило» [142].

Вытеснение русского языка из социокультурного пространства Украины насильственным административно-директивным путём эксперты уже назвали языковым «этноцидом» [143]. Без административного нажима украинских властей в этом деле действительно было не обойтись, поскольку, по данным международного Института Гэллапа, 84 % населения Украины ещё в 2014 году предпочитали в повседневном общении русский язык [144]. Теперь же использование русского языка как языка «колониального прошлого» и языка «страны-агрессора» в деловом формате, на рабочем месте, в общественных местах запрещено. Однако вытравить русский язык из сознания и подсознания людей непросто в силу многообразия его социальных функций. Не случайно даже оппонирующий украинским властям Михаил Саакашвили, в недавнем прошлом назначенный той же властью мэром Одессы, общается со своими сторонниками на русском языке, хотя в своё время честно пытался изучать «украиньску мову». Впрочем, языковая дискриминация по отношению к русскому восполняется чуть ли не рабской почтительностью к повсеместному распространению англофонного фактора. Примечательно в этой связи выступление главы украинского государства П. Порошенко по случаю 400-летия Киево-Могилянской академии. Похвалив руководство знаменитого учреждения за использование в учебном процессе украинского и английского языков, он подчеркнул: «Было бы очень хорошо, чтобы и на всей Украине, а не только в «Могилянке», появился ещё свой рабочий язык. И этим языком по праву должен стать английский» [145].

Вторым фактором «этноцида» по отношению к традициям русского культурно-языкового наследия на Украине являются гонения на православные святыни, в частности попытки захвата со стороны радикальных националистов «правого сектора» одной из главных святынь православия — Киево-Печерской лавры, находящейся в ведении Украинской православной церкви Московского патриархата. Трудно было представить ещё недавно, что такое святотатство может происходить в Киеве — «матери городов русских», где в 988 году происходило крещение Руси в православную

---

[142] Цит. по: Ромашкина Н.П., Пересыпкина О.В. Информационно-психологическое воздействие в период кризиса на Украине: уроки для России. С. 48.

[143] Тарасенко Г. Думайте на украинском. URL : http://naspravde.info/analitic/4232 (дата обращения: 28 февр. 2018)

[144] См.: Моханти А. Украинский кризис: последствия для мирового порядка // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2014. № 5. С. 46.

[145] Порошенко предложил сделать английский вторым языком на Украине. URL : http/www.bfm.ru/news/305449?from=popular_1 (дата обращения: 28 февр. 2018)

веру, что такое может происходить на территории братской по крови и истории Украине, где расположена почти половина приходов Русской православной церкви.

Нельзя не согласиться с выводом экспертов: «На Украине происходит последовательное переформатирование сознания граждан посредством выдавливания русского языка из сферы общения, образования, науки, культуры и государственного управления. Вторым средством давления на сознание её граждан является духовность украинского народа, которая выражается в религиозной сфере» [146].

Следует подчеркнуть, что особый вклад в формирование антироссийской политики на Украине и сопровождавшей её эскалации информационной войны внёс Международный республиканский институт (IRI), который неслучайно называют «гражданской рукой ЦРУ».

Так, ещё в ноябре 2004 года на его официальном сайте появилось сообщение: «Для продвижения демократии в стране МРИ / IRI работает на Украине с 1992 года. Институт сотрудничает с различными политическими партиями, женскими и молодёжными организациями, готовя квалифицированных и грамотных в правовом отношении функционеров. Его вклад в дело подготовки президентских и иных выборов на Украине реален и существенен. В 2003–2004 гг. МРИ / IRI подготовил тысячи активистов политических партий в 14 областях Украины. Его цель — развить способности партий эффективно взаимодействовать с как можно более широкими слоями избирателей с целью вовлечения последних в политический процесс» [147].

Известно, что в ходе событий 2013–2014 годов в информационном поле Украины активно действовали такие американские неправительственные организации, как Фонд Сороса, фонд «Открытое общество», фонд «Возрождение», Национальный фонд поддержки демократии (NED), агентство USAID, Фонд содействия демократии посольства США и другие финансируемые ими организации. Роль «информационной бомбы», с их точки зрения, должен был сыграть видеоролик «Я — украинец» (I am Ukrainan), собравший в видеохостинге “You Tube” 8 млн просмотров.

Американские неправительственные организации и обслуживающие их медиа настойчиво продавливали в украинских СМИ антироссийскую повестку, представляли в гипертрофированном виде тему «голодомора», вновь и вновь поднимали вопрос о коррумпированности режима В. Януковича, демонизировали роль России в истории Украины, внедряли в сознание украинских граждан идеал «европейского выбора» («Украина — цэ Европа»), а после крымских событий бросили все силы на борьбу с «россий-

---

[146] Овсянникова О. Технологии переформатирования: языковая и конфессиональная дискриминация в Украине // Стратегия России. 2016. № 2. С. 51.

[147] URL : http://iri.org/countries-and-programs eurasia/Ukraine (дата обращения: 28 февр. 2018)

ской пропагандой», создавая образ России-«агрессора» (в частности, в портале «Крым. Реалити»).

Таким образом, можно утверждать, что на Украине под влиянием её прозападных политиков и их интеллектуально-пропагандистской обслуги применяется самый широкий спектр приёмов информационно-психологического воздействия из арсеналов ментальных, языковых, психоисторических, консциентальных войн, «войн памяти» и т. п. Современная Украина превращается своими западными «сюзеренами» в вассально зависимый плацдарм отработки всех возможных технологий переформатирования сознания не только отдельных групп населения, но и целых народов.

Как выясняется из многих открытых источников, интерес к разжиганию российско-украинского конфликта формировался на Западе уже давно. В дискуссии по этому вопросу были вовлечены многие учёные, политологи, историки, писатели.

Так, в письме в адрес Конференции по русско-украинским отношениям, проводившейся Гарвардским украинским исследовательским институтом в Торонто ещё в 1981 году, видный писатель-диссидент, лауреат Нобелевской премии А.И. Солженицын, живший в то время на Западе, но переживавший за Россию, писал: «Я совершенно согласен, что русско-украинский вопрос — из важнейших современных вопросов, и во всяком случае решительно важен для наших народов. Но я считаю губительным тот накал страстей, ту температуру, которая вокруг него вздувается. <…> Мне особенно больно от такой яростной нетерпимости обсуждения русско-украинского вопроса (губительной для обеих наций и полезной только для их врагов), что сам я — смешанного русско-украинского происхождения и вырос в совместном влиянии этих обеих культур и никогда не видел и не вижу антагонизма между ними… В моём сердечном ощущении нет места для русско-украинского конфликта и, если, упаси нас Бог, дошло бы до края, могу сказать: никогда, ни при каких обстоятельствах ни сам я не пойду, ни сыновей своих не пущу на русско-украинскую стычку, — как бы ни тянули нас к ней безумные головы» [148].

Следует подчеркнуть, что события на юго-востоке Украины с самого начала имели признаки языкового и ментального конфликта. И это не случайно. Дело в том, что специалистами установлено «дуалистическое взаимодействие языка и менталитета», при этом «менталитет передаётся в основном вербальными средствами» [149]. Поэтому тотальную украинизацию ещё недавно многонационального государства, где проживали представители почти 20 национальностей, в сочетании с жёсткой дерусификацией её культурно-язы-

---

[148] Солженицын А.И. «С Украиной будет чрезвычайно больно» // Стратегия России. 2015. № 9. С. 91.

[149] Полежаев Д.В. Менталитет и язык: феноменологическое взаимодействие. С. 59.

кового пространства нельзя рассматривать иначе как «инструмент переориентации на Запад и его цивилизационную модель развития, а также сопряжённую с этим попытку проведения глубинных модификаций менталитета украинского народа» [150].

Новые «тренды» националистически ориентированной языковой политики на Украине выразились в насаждении западноукраинского диалекта с присущими ему особенностями языковой картины мира и, более того, в попытках «отказа от кириллицы в пользу латиницы» [151].

Антирусский культурно-языковой и образовательный «этноцид» выразился также в целом ряде государственных нормативных актов, в комплексе инициированных властью мер по вытеснению русского языка из всех сфер жизни. Были упразднены русскоязычные вузы; количество русскоязычных дошкольных учреждений сократилось с 70 % до 1 %. Образовательные и иные государственные ведомства ввели финансовое поощрение педагогических кадров, перешедших на украинский язык, и внедрили санкционные меры за отход от него в обучении, в общении со СМИ. Эксперты называют ряд документов и постановлений, ориентированных на стремительное выдавливание русского языка. Это, например, решение Министерства образования и науки Украины о сдаче вступительных экзаменов только на украинском языке (2008), постановление Конституционного суда Украины об обязательном дубляже фильмов на украинский язык (2007), решение Верховной рады об увеличении времени вещания на украинском языке с 75 % до 90 % (2008), предписания о переходе исключительно на украинский язык в авиационном и железнодорожном сообщении.

Базовыми принципами государственной языковой политики, рассчитанной на насильственную украинизацию общества, являются ведение официального документооборота и судебных заседаний только на украинском языке.

О том, что информационно-психологическое противоборство на Украине имеет характер *ментально-языковой войны*, свидетельствует насаждаемый в местных СМИ негативный образ России, «происходит закладка в языке представлений о русских как об агрессорах и оккупантах, извечных врагах украинской свободы и государственности, стереотипов об отсталости их культурного развития», то есть делается всё для «разведения цивилизационных путей развития России и Украины» [152], всё для реализации «идеи построения националистического украинского государства» [153].

---

[150] Абрамова Э., Шангараев Р. Законодательные акты о русском языке на Украине // Обозреватель — Observer. 2017. № 1. С. 83.

[151] Там же.

[152] Абрамова Е.Н. Телевидение — инструмент «мягкой силы» украинизации // Обозреватель — Observer. 2017. № 12. С. 88–89.

[153] Жильцов С.С. Технологии политической борьбы за власть на Украине // Polis. Political Studies. 2014. № 6. С 59. См. также: Григорьев М.С. Евромайдан. М. : Кучково поле, 2014. 480 с.

Украинские СМИ активно используются как канал информационно-психологического влияния, нацеленного на дерусификацию сознания массовой аудитории. Темы «голодомора», якобы направленного на сознательный геноцид именно украинской нации в ходе репрессий 1930-х годов, уравнивание роли Советского Союза и Третьего рейха в годы Второй мировой войны, другие тенденциозно-фальсифицированные исторические экскурсы, представляющие Украину жертвой имперских амбиций России, обвинение её в невыполнении Минских соглашений доминируют на украинском телевидении.

Используя государственные и частные телеканалы как инструмент ментального и цивилизационного размежевания России и Украины, необратимого идентификационного разлома между ними, владельцы СМИ и стоящие за ними политические силы обвиняют Россию в «имперском реваншизме».

Вполне закономерно поэтому, что российско-украинские отношения, по наблюдениям экспертов, занимают ключевые позиции на всех основных украинских каналах (холдинги «1+1» и StarLightMedia, принадлежащие И. Коломойскому и В. Пинчуку; холдинги «Интер» и «Украина», возглавляемые Д. Фирташем, С. Лёвочкиным и Р. Ахметовым). При этом охотно муссируется надуманная тема якобы ухудшения жизни населения в Крыму вследствие «системной цивилизационной ущербности России», а также тема притеснения крымских татар, охотно поддерживаемая западными СМИ — известными «борцами» за права национальных и иных меньшинств. Тенденциозно и лживо освещается конфликт на юго-востоке Украины, который характеризуется «как война за территорию с регулярной российской армией и поддерживаемыми Россией сепаратистами, которых всё чаще называют террористами» [154].

Эксперты отмечают, что только за 2014–2016 годы на Украине запрещено вещание 76 российских каналов. В то же время американскому вещанию с использованием новых маркетинговых технологий создан режим наибольшего благоприятствования. «Сегодня каждый пятый украинец является слушателем или зрителем украинской службы “Голос Америки”» [155]. Для сравнения: если в России только 2–3 канала используют информацию американских радиостанций в своём эфире, то на территории Украины около 120 каналов имеют договоры с США [156]. Цель очевидна — дальнейший цивилизационный отрыв Украины от России, переформатирование идентичности украинцев по западному вектору.

---

[154] Абрамова Е.Н. Телевидение — инструмент «мягкой силы» украинизации. С. 78.

[155] Цветкова Н.А. «Русский мир» в публичной дипломатии США: направления на 2015–2018 гг. // США и Канада: экономика, политика, культура. 2016. № 8. С. 64.

[156] См. там же.

Экспертный анализ «турбулентного» состояния массового сознания на Украине свидетельствует о том, что в отношении украинских граждан было осуществлено массированное информационно-психологическое воздействие гибридного типа: наряду с разжиганием ментально-языкового конфликта, нацеленного на столкновение западноукраинской и восточноукраинской идентичностей, применён широкий спектр когнитивного, поведенческого и, возможно, психотронного оружия, развязана полномасштабная гражданская сетевая война, осложнённая реальной «горячей» гибридной войной [157], которая ведётся между вооруженными силами Украины и ополченцами Донецкой и Луганской народных республик на юго-востоке Украины.

[157] См.: Григорьев М.С. Обыкновенный фашизм: военные преступления украинских силовиков (2014–2016). М. : Кучково поле, 2017. 432 с.

ГЛАВА 5

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КАК «МЯГКОСИЛОВОЕ» ОРУЖИЕ В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Понятие «мягкой силы» активно используется в современных международных отношениях, в информационной политике различных стран, особенно США.

Мягкая сила — это совокупность технологий политического влияния, основывающаяся на использовании нематериальных ресурсов (культура и искусство, идеология, информационное воздействие, общественная дипломатия, научные, образовательные и творческие коммуникации и т. п.).

В научный и политический обиход термин «мягкая сила» ввел американский политолог и государственный деятель Джозеф Най. Так называется его книга, вышедшая в 2004 году в Нью-Йорке. В ней автор раскрывает технологию применения «мягкой силы» в международных отношениях, подразумевая под ней «способность убедить других желать того же, чего хотите вы» [1]. Иначе говоря, мягкая сила подразумевает добровольное подчинение через убеждение и пропаганду альтернативных культурных и политических ценностей. Так, например, американские идеологи общества массового потребления и реализующая их идеи индустрия через экспансию коммерческой рекламы и другую информационную продукцию в течение многих десятилетий умело распространяли по всему миру потребительский набор товаров и услуг, символизирующий комфорт и свободу выбора западного человека. «Мягкую силу» по-американски и сегодня представляют глянцевые журналы, продукция Голливуда и «Макдональдса».

О роли мягкой силы в продвижении американских ценностей в книге «Великая шахматная доска» видный американский политолог Збигнев Бжезинский писал так: «Американская массовая культура излучает магнитное притяжение, особенно для молодёжи во всем мире. Американские телевизионные программы и фильмы занимают почти три четверти мирового рынка. Американская популярная музыка также занимает господствующее положение. Язык Интернета — английский. Выпускников американских уни-

[1] Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его стратегические императивы. М. : АСТ, 2018. С. 38.

верситетов можно найти почти в каждом правительстве на каждом континенте» [2].

Особое место в структуре «мягкой силы» занимает информационно-психологическое воздействие.

Источники «мягкой силы» по Наю — «привлекательность страны в культуре, образе жизни и политических идеалах (демократия, права человека и широкие индивидуальные возможности)» [3].

В одной из своих статей он даёт следующее определение новому политическому концепту: «Мягкая сила есть способность получить желаемый (политический) результат путём “привлекательного” побуждения другой стороны принять ваши цели. Это главное отличие от “твёрдой силы” которая есть способность использовать “кнут и пряник” экономической и военной мощи, чтобы заставить других следовать вашей политической воле» [4].

В современной политической теории и практике понятие «мягкая сила» противопоставляется представлению о «жёсткой силе» — прямом силовом принуждении военными, экономическими, политическими методами. В частности, применяемые в настоящее время против России политические и экономические санкции, механизмы политической изоляции, политического давления и шантажа следует отнести к инструментарию «жёсткой силы».

Концепт «мягкая сила» активно дискутируется в отечественной политической прессе.

Так, А.И. Сухарев рассматривает это понятие в контексте «теории и практики *управления влиянием* в международных отношениях через гуманитарные коммуникации и взаимодействия» как «набор политтехнологических приёмов, методов и инструментов *политики влияния*», «не принуждение, а побуждение», «механизм влияния через систему привлекательных преференций», «технологический ресурс власти в сфере международных отношений» и, наконец, как технологию «трансгуманитарного взаимодействия» [5].

О.Г. Леонова в своём анализе различных трактовок «мягкой силы» характеризует «силовой», «технологический», «инструментальный», «коммуникативный» и другие подходы к пониманию данного термина в современной политологии, склоняясь к следующему определению: мягкая сила — это «гуманитарный ресурс государства», «способность “побуждать” другие страны следовать примеру своей страны» [6].

---

[2] Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его стратегические императивы. С. 56.

[3] Панова Е.П. «Мягкая власть» как способ воздействия в мировой политике : автореф. … дис. канд. полит. наук. М., 2012. С. 14.

[4] Nye J. Propaganda Isn't the Way: Soft power // The International Herald Tribune. 2003, 10 Jan.

[5] Сухарев А.И. Трансгуманитарное измерение политики: «мягкий» захват «твёрдой» силы (операциональный аспект) // Безопасность Евразии. 2009, июль – окт. № 3.

[6] Леонова О.Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке // Обозреватель — Observer. 2015. № 2. С. 81, 86.

Предлагаются самые различные определения сущности и целей «мягкой силы». Так, Ю.И. Давыдов трактует «мягкую силу» как «способность влиять на поведение другого государства в желаемом для себя направлении» [7], О.Ф. Русакова — как «незаметное переформатирование в нужном направлении ментальных структур» объекта, «воздействие на знаково-символическом и идейно-ценностном уровнях» [8], П.Б. Паршин — как «притягательную силу», «потенциал воздействия» [9], совокупность гуманитарных ресурсов государства.

Секрет успеха «мягкой силы» состоит в свободном и добровольном подчинении ей объекта, воспринимающего её скрытое воздействие как результат самостоятельно принятого решения.

К важнейшим каналам реализации «мягкой силы» принято относить:

– средства массовой информации;

– образовательные программы (международный академический обмен, научные стажировки, тематические семинары);

– программы культурного сотрудничества (международные форумы и фестивали, дни культуры стран-партнёров, выездные выставки);

– различные формы общественной (публичной) дипломатии (обмен научными и творческими делегациями и т. п.);

– сотрудничество неправительственных общественных организаций;

– международные пресс-туры для журналистов.

Феномен «мягкой силы» многокомпонентен и разнороден по своему составу: «К факторам мягкой силы относят и уровень научно-технического развития страны, и её инвестиционную привлекательность, и распространённость государственного языка, и мировую значимость её культуры, и её историческое наследие, и количество завоёванных олимпийских медалей, «Оскаров» и Нобелевских премий, репутацию её политической элиты. Рейтинги университетов, качество медийных ресурсов, степень развития туризма, доля знающих английский язык в составе населения и многие другие факторы также включаются в рассмотрение» [10].

В качестве инструмента «мягкой силы» чаще всего выступают *средства массовой информации*, так как в силу присущего им манипулятивного потенциала они обладают способностью убедить

---

[7] Давыдов Ю.И. Понятие «жёсткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. 2004. Т. 2, № 4. С. 72.

[8] Русакова О.Ф. Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник / Ин-т философии и права Урал. отдния РАН. 2010. № 10. С. 174.

[9] Паршин П.Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России // Аналитические доклады / Ин-т междунар. исследований МГИМО (У). М., 2013. Вып. 1. С. 1.

[10] Андреев А.Л. «Мягкая сила»: аранжировка смыслов в российском исполнении // Полис. Political Studies. 2016. № 5. Р. С. 123.

людей «путем конструирования соответствующей интерпретации фактов сделать то, что они в ином случае не сделали бы» [11].

Уже в начале «холодной войны» была осознана роль СМИ как инструмента «мягкой силы» и информационно-психологического воздействия. В 1947 году в США было создано Центральное разведывательное управление (ЦРУ), в обязанности которого было внесено «ведение пропаганды, в том числе с использованием анонимных, фальсифицированных или негласно субсидируемых публикаций» [12].

Важнейшая роль в структуре «мягкой силы» принадлежит информационной политике США и сегодня. Ответственность за её реализацию возложена на Совет управляющих вещанием, созданный в 1994 году и обладающий статусом федерального агентства. В его состав входит Бюро международного вещания. Он же курирует такие ведущие радиостанции и телеканалы, как «Голос Америки» (создан в 1942 г.), «Свобода» (действует с 1949 г.), «Свободная Европа». Важно подчеркнуть, что в советский период радио «Свобода» находилось под контролем ЦРУ и занималось контрпропагандой против коммунистических идей в Европе и развивающихся странах [13].

В настоящее время Союз управляющих вещанием ведёт активную работу в видеохостингах (Youtube) и социальных сетях (Facebook, Twitter и др.). В Госдепартаменте США действует отдел мониторинга зарубежной блогосферы, задача которого — контролировать направленность дискуссий в блогосфере, формировать группы протестной молодёжи, реализовывать принципы так называемой «цифровой дипломатии» в интересах США [14].

Американские СМИ активно участвуют в формировании мировой повестки дня. Особая роль в этом принадлежит каналу CNN, аудиторию которого составляют сотни миллионов человек. Именно канал CNN, созданный в 1980 году Тедом Тернером, первым в мире начал транслировать новости круглосуточно, превратил новости в своеобразную индустрию, рыночный товар, в политическое или военное шоу, что привело к появлению термина «эффект CNN».

Со временем «мягкая сила» США, использующая различные, в том числе информационные, механизмы, превратилась в инструмент идеологии глобального доминирования, способствовала формированию проамерикански настроенных национальных элит в различных государствах мира, а там, где давление «мягкой силы» встречало сопротивление, в ход пускались другие механизмы, приводящие к смене политических режимов. Иначе говоря, «мягкая

---

[11] Якоба И.А. «Мягкая сила» в современной политике и дискурсивных технологиях // Социс. 2014. № 12. С. 66.

[12] Филимонов Г.Ю., Карпович О.Г., Манойло А.В. Технологии «мягкой силы» на вооружении США: ответ России. М., 2015. С. 115.

[13] См.: Наумов А.О. «Мягкая сила» и «умная сила». Внешнеполитический опыт США // Стратегия России. 2016. № 1. С. 63.

[14] См. там же. № 2. С. 75.

сила» включала механизм «цветных революций», при этом к «мягкой силе» при необходимости подключалась и «жёсткая сила».

Одним из важных направлений применения «мягкой силы» являются международные образовательные программы, организуемые США для интеллектуальной и политической элиты, для молодёжных лидеров различных стран. «За десятилетия подобной работы США создали сотни, если не тысячи, подконтрольных им влиятельных фигур мировой политики — президентов, членов правительств, парламентариев, военных деятелей, руководителей крупнейших ТНК и международных организаций, владельцев СМИ, журналистов, ведущих экспертов, директоров «мозговых центров», которые оказывали и продолжают оказывать громадное влияние на ход международных процессов» [15].

В настоящее время в американском политическом обиходе широко используется понятие «умная сила», подразумевающее объединение технологий «мягкой» и «жёсткой» силы с опорой на возможности информационных ресурсов нового поколения.

Как показывает политическая практика, мягкосиловое «оружие» часто оказывается не менее эффективным, чем «жёсткая сила» прямого военного вмешательства, и может даже более успешно решать те или иные стратегические задачи, поскольку представляет собой не что иное, как «способ эффективного коммуникативного воздействия, внушающий запланированный образ мысли и поведения», формирующий «матрицу убеждений» — схему восприятия, мысли, чувствования [16]. Именно такой результат был достигнут в процессе внедрения идеологии «евроинтеграции» в сознание украинского общества — через СМИ, через реализацию различных образовательных программ и семинаров для студенческой молодёжи — по существу через массовую подготовку «лидеров мнений» и «агентов влияния». Обработка общественного сознания велась с опорой на глубинные ментальные механизмы, через апелляцию к национальным чувствам и направление их в ложное, радикально-националистическое русло. Так, Международный республиканский институт (IRI), согласно исследованиям отечественных специалистов, работал на Украине «для продвижения демократии с 1992 г. и подготовил тысячи квалифицированных и грамотных в правовом отношении функционеров по проведению “демократических” выборов и соответствующей работы с избирателями» [17]. В дальнейшем многие из них составили основу тех антироссийски и прозападно настроенных сил, которые сделали возможным государственный переворот на Украине и резкое

---

[15] Наумов А.О. «Мягкая сила» и «умная сила». № 2. С. 75.

[16] См.: Якоба И.А. «Мягкая сила» в современной политике и дискурсивной технологии. С. 72.

[17] Там же. С. 66–67.

обострение отношений с Россией. Как признавали высокопоставленные представители политического руководства США, на эти цели американцами было затрачено 5 млрд долларов. Теми же методами они действовали и в Грузии, в Молдавии, в других странах постсоветского пространства. Цель при этом одна — ослабление и изоляция России от своих ближайших исторических союзников.

В настоящее время на Украине, как уже отмечалось ранее, широко используются методы информационного изоляционизма: запрещено вещание российских телеканалов, в эфире почти отсутствует русская речь, резко сократился рынок изданий на русском языке. По всем каналам официальных украинских СМИ звучит воинственная антироссийская риторика. Принятые меры прямо или косвенно свидетельствуют о признании решающей роли СМИ в воздействии на массовое сознание.

Свою роль сыграли и западные инвестиции в украинскую медиасферу: «Созданные за счёт иностранных капиталовложений в июле 2013 г. телеканалы “Hromadske. TV” и “Эспрессо. ТВ” активно работали по информационному сопровождению событий, предшествовавших Майдану и проходивших во время него. По сути, был создан положительный имидж Запада, сформировано отрицательное отношение к России, её инициативам, отрицательный имидж действующего правительства Украины (тогда возглавляемого Януковичем. — *О.В.*) внутри страны. Результат — свержение неугодного правительства путём трансформации гражданского общества и политической системы под воздействием мягкой силы» [18].

В процессе интенсивной информационно-пропагандистской обработки населения применение «мягкой силы» на Украине и сопутствующее ей информационно-психологическое воздействие привели к государственному перевороту, созданию прозападного марионеточного режима, обернулись жёсткими, в том числе кровавыми последствиями для её народа, прежде всего русскоязычного населения юго-восточных областей.

Вместе с тем необходимо учитывать, что «мягкая сила» как компонент политико-идеологических, культурных, медийных технологий может решать разные задачи: как деструктивные, создавая «агентуру влияния» в разных государствах мира, воздействуя на массовое сознание страны-противника с помощью средств массовой информации, подрывая её социально-политическую стабильность изнутри, так и конструктивные, способствуя сближению народов, лучшему взаимопониманию и сотрудничеству разных стран. «Важно понимать, что мягкая сила может нести как деструктивный заряд, быть триггером конфронтации и конфлик-

---

[18] Кошель А.С. Мягкая сила как инструмент гуманитарного сотрудничества государств на евразийском пространстве // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2015. № 2. С. 163.

тов, так и использоваться как интегративный ресурс» [19]. Достаточно вспомнить опыт СССР, успехи которого привлекали к нему симпатии многих стран и народов.

О двойственной природе технологий «мягкой силы» со всей отчётливостью сказано в *Концепции внешней политики Российской Федерации*, утверждённой Президентом РФ В.В. Путиным 12 февраля 2013 года: «Неотъемлемой составляющей современной международной политики становится “мягкая сила” — комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии. Вместе с тем усиление глобальной конкуренции и накопление кризисного потенциала ведут к рискам подчас деструктивного и противоправного использования “мягкой силы” и правозащитных концепций в целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации там обстановки, манипулирования общественным мнением и сознанием, в том числе в рамках финансирования гуманитарных процессов и проектов с защитой прав человека за рубежом» [20].

По мнению медиаполитологов, «мягкая сила» может и должна стать важнейшим ресурсом политического и информационного влияния России в процессах евразийской интеграции. При этом ключевым инструментом «битвы за Евразию» является формирование позитивного образа России в общественном сознании евразийских государств.

К основным медийным *«мягкосиловым» технологиям*, которые способны существенно усилить «политику влияния» России в ближнем и дальнем зарубежье, можно отнести следующие: увеличение объёма международного вещания, особенно на постсоветское пространство; расширение языкового спектра вещания; продвижение русского языка и русской культуры как по каналам СМИ, так и через организацию летних школ, языковых туров, сети «русских домов».

Сегодня это направление внешней политики России усиливается: российские центры науки и культуры действуют более чем в 80 странах мира [21].

«Успех российской внешней политики во многом зависит от умелого использования инструментов “мягкой силы”: информационного обеспечения, механизмов формирования имиджа России, пуб-

---

[19] Пономарёва Е., Рудов Г. «Мягкая сила» как интеграционный ресурс России на евразийском пространстве // Обозреватель — Observer. 2015. № 11. С. 60.

[20] URL : http://www.mid.ru//bdomp/nsosndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ca0017434944257 b160051bf7f (дата обращения: 5 март. 2018)

[21] См.: Кошель А.С. «Мягкая сила» как инструмент гуманитарного сотрудничества государств на евразийском пространстве С. 168.

личной дипломатии, развития туризма, спорта, привлечения зарубежных студентов для обучения в России и расширения сети российских учебно-образовательных центров русского языка и русской культуры за рубежом, поддержания авторитета “Русского мира”» [22].

Итак, «мягкая сила» представляет собой чрезвычайно эффективный ресурс политики государств на мировой арене, способный служить разным целям. Важно, однако, добиваться того, чтобы этот ресурс действовал в интересах укрепления взаимопонимания и сотрудничества разных стран, гармонизации международных отношений, чтобы понятие «мягкосиловое оружие» навсегда ушло из арсенала информационно-психологических войн.

[22] Суханова Н.Е. «Мягкая сила» во внешней политике современной России // Власть. 2015. № 12. С. 83.

ГЛАВА 6

ОПЕРАЦИИ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ДОКТРИНЫ «УПРАВЛЯЕМОГО ХАОСА»

В начале XXI века учёные разных стран столкнулись с необходимостью разработки новой отрасли знаний, исследующей взаимосвязь геопространства с причинами участившихся военных и политических конфликтов. Возникновение новых форм вооружённого противоборства, цепная реакция «цветных революций» и массовых волнений в разных странах, появление феномена «гибридных войн», экспансия международного терроризма послужили основой формирования конфронтационной модели мирового развития по сценарию «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона. В результате в начале XXI века сформировалась новая научная дисциплина — ***геоконфликтология*** — «наука, изучающая влияние геопространственных, политических и социально-экономических факторов на возникновение, развитие и исход военных и политических конфликтов» [1].

Чтобы понять, каковы причины и механизмы конфликтов в современном мире, надо выявить их корни, то есть их тесную связь с глобальными политическими процессами, поскольку конфликты — это лишь верхушка «айсберга», который скрывает борьбу интересов глобальных центров силы в политической и экономической сферах.

Источником главных информационных и иных угроз для России является стремление США к повсеместной реализации стратегий глобального доминирования. В числе этих стратегий главными являются следующие:

– насаждение доктрины «управляемого хаоса», технологий «внешнего управления» и «глобального неоколониализма»;

– моделирование «цветных революций» в различных регионах мира, включённых США в сферу своих геополитических интересов;

– реализация технологий ведения нового типа военных действий, в частности «гибридных» войн;

– распространение технологий информационных и информационно-психологических войн;

– тайная финансовая, военно-техническая и информационная поддержка международных террористических организаций.

---

[1] Политическая геоконфликтология. URL : http://nashol.com/2012120268331/politicheskaya-konfliktologiya-lancov-s-2008.html (дата обращения: 10 март. 2018)

Все глобальные стратегии США служат одной цели — сохранению и дальнейшей экспансии идеологии «монополярного мира», глобального политического господства.

Среди геоконфликтных стратегий особое место занимает ***доктрина «управляемого хаоса»***, или «контролируемой нестабильности». Рассмотрим подробнее её истоки.

На рубеже XX–XXI веков на смену старым колониальным стратегиям пришла политика «неоколониализма», основанная на теории «управляемого хаоса».

Американские политологи предложили воспринимать хаотические процессы современного мира не как угрозу, а как инструмент управления. «Управлять порядком не трудно, важно научиться управлять хаосом», — эти слова или подобные им приписывают Джорджу Соросу [2].

Впервые теорию «управляемого хаоса» обосновал в 1992 году американский политолог Стивен Манн в своём докладе «Теория хаоса и стратегическая мысль». Он утверждал, что доктрина управляемого хаоса может стать действенным инструментом обеспечения национальных интересов США в системе политических технологий внешнего управления.

Важно подчеркнуть, что «особенностью технологий *внешнего управления*, как и любых манипулятивных технологий, является получение односторонних преимуществ, но таким образом, чтобы у адресата сохранилась иллюзия самостоятельности принимаемых им решений» [3].

Под *хаосом* в данной политической доктрине понимаются различные проявления нестабильности: социальные волнения, массовые беспорядки, протестные акции, рост преступности, коррупция государственных чиновников и политических элит, межэтнические и межконфессиональные конфликты.

Доктриной «управляемого хаоса» предусмотрены и такие механизмы, как контроль элит через содействие участию её представителей, политических и общественных деятелей в престижных международных организациях, в утечке капиталов из страны за границу, разложение госслужащих коррупцией, создание сети «агентов влияния» — так называемой «пятой колонны» — во властных структурах, в среде политической и медийной элиты. С этой же целью осуществляется подготовка гражданских активистов, потенциальных лидеров протестных акций через международные образовательные программы, семинары, гранты.

Значительное место в теории и практике «управляемого хаоса» отводится средствам массовой информации и социальным сетям, которые являются основным инструментом в организации

---

[2] Цит. по: Карадже Т.В. Теория хаоса и технологии внешнего управления // Власть. 2015. № 7. С. 41–44.

[3] Там же. С. 42.

протестных акций, массовых беспорядков, деструктивно ориентированных флэшмобов. Через СМИ осуществляется переформатирование сознания населения страны-мишени, подрыв доверия к действующей власти, нацеливание общественных настроений на разрушение собственных государственных институтов и смену власти, после чего следуют государственный переворот и утрата государственного суверенитета. Общественно-политическая система данного государства теряет свою устойчивость и стабильность, переходит в хаотизированное состояние. С помощью насаждения марионеточного режима ситуацию «турбулентности» переводят во временно стабильное состояние, но уже под контролем *внешнего управления*.

В практику так называемых «ненасильственных» переворотов, организуемых Соединёнными Штатами и их союзниками по всему миру, особый вклад вносят созданные и контролируемые США социальные сети: Facebook, Twitter, Google и др.

Так, в организации «цветной революции» в Египте, приведшей к свержению Президента Хосни Мубарака, принял самое активное участие исполнительный директор Google по Ближнему Востоку В. Гоним. В сети Facebook он создал страницу, призывавшую египтян к всеобщей забастовке, назначенной на 25 января 2011 года — «День гнева». Эта дата впервые появилась в египетских блогах уже третьей сети — Twitter, принявшей участие в событиях. Далее В. Гоним, получив на сайте Facebook поддержку более 350 тыс. подписчиков, разместил там же «подробные инструкции по организации и проведению протестного движения: давались рекомендации, как работать со СМИ, как распространять в Интернете информацию, видео- и фотоотчёты о событиях, как работать с людьми старшего возраста, как организовывать явку на акцию и т. д.» [4].

Когда же правительство Египта в порядке ответной акции отключило весь Интернет и мобильную связь в стране, на помощь оппозиции пришла корпорация Google, создавшая специально для Египта систему пользования Twitter через голосовую телефонную связь. Задача, поставленная заокеанскими «кукловодами», была решена: через две недели усилившихся массовых волнений и захвата протестующими площади Тахрир правящий режим пал [5].

Опыт «Арабской весны» в Египте стал классическим примером применения доктрины «управляемого хаоса». Он показал, насколько изощрённой является не только изобретённая в США система мобилизационных технологий для объединения протестных групп, но и сама схема координации действий нескольких социальных сетей для смены неугодных Америке режимов.

В ходе украинского кризиса США также выступили в роли политического манипулятора: используя внутренние противоречия

---

[4] Наумов А. Оружие технотронного века: социальные сети и «Арабская весна» // Стратегия России. 2015, нояб. № 11. С. 39.

[5] См. там же.

в стране, довели их до государственного переворота, установления марионеточного режима и в итоге — вовлечения Украины в число своих сателлитов.

В ситуации украинского кризиса активно поощрялись действия криминальных, экстремистских, неонацистских элементов, чтобы раскачать ситуацию, посеять панику среди «третьей стороны конфликта» — политически неорганизованной части населения, усилив тем самым недоверие к действующему правительству, не способному взять ситуацию под контроль.

В стратегии управляемого хаоса используются и другие методы так называемого *ненасильственного сопротивления*, как, например, организация смены власти путём внеочередных выборов, либо — после признания прошедших выборов нелегитимными — их повторного проведения. Так было на Украине в 2004 году, когда легитимность избрания Леонида Кучмы была подвергнута сомнению и был проведён дополнительный тур выборов, в результате которого на смену ему пришел более угодный Западу режим Виктора Ющенко.

В начале 2000-х годов в политический лексикон вошло понятие *«дуга нестабильности».* Такой метафорой американскими политиками была обозначена территория от Балкан до Центральной Азии включительно [6], которая охватывает и постсоветское пространство, исторически являющееся зоной ответственности России. Однако в рамках стратегии глобального доминирования и ослабления нашей страны США рассматривают и эту территорию как сферу собственных геополитических интересов. Доктриной «управляемого хаоса» предусмотрено превращение этого огромного пространства в непрерывно растущую зону «контролируемой нестабильности» для создания с помощью технологии «цветных революций» возможностей для внешнего управления данными территориями со стороны США [7].

Доктрина «управляемого хаоса» опирается на реально существующее общественное недовольство действиями власти в конкретной стране. В этой ситуации *страна-манипулятор* (в абсолютном большинстве случаев — это США) ставит своей целью довести градус этого недовольства в *стране-мишени* до критического состояния, до политического кризиса. Добиться этой цели можно только при условии взаимодействия внешних и внутренних сил. Внутренней силой политической деструкции, организуемой в интересах внешнего управления, становятся определённые социальные группы или сообщества: оппозиционно настроенная часть интеллигенции (например, «рассерженные горожане» в Москве в 2011 г.), представители молодёжных субкультур (в частности, спортивные фанаты), некоторые неправительственные организации (так назы-

---

[6] См.: Края дуги нестабильности: Балканы — Центральная Азия / под. ред. Г.А. Рудова, Е.Г. Пономарёвой. М. : Восток-Запад, 2010. 240 с.

[7] См.: Пономарёва Е.Г., Рябинин Е.В. «Цветные революции» в контексте стратегии управляемого хаоса // Обозреватель — Observer. 2015. № 12. С. 38–51.

ваемые «иностранные агенты», получающие зарубежные гранты) и т. п. Все они своего рода «кластеры» протестных настроений, «инкубаторы» потенциальных сил «ненасильственного» сопротивления. Действенность массовых протестных действий зависит и от наличия скрытой оппозиции по отношению к действующему политическому руководству во властных структурах различного уровня — так называемой «пятой колонны».

В современных условиях страна-манипулятор заинтересована в переносе агрессии против страны-мишени из географического пространства в информационное: «Полем битвы становится ментальная сфера, самосознание народа, его национальная и культурная идентичность. Первым шагом в этом направлении является дискредитация, а при возможности и уничтожение традиционных ценностей нации. А для того чтобы внешняя информационная агрессия воспринималась массовым сознанием безболезненно, она рядится в глянцевые одежды, представляется как движение по пути прогресса и защиты прав человека» [8].

Стратегия «внешнего управления» тесно соприкасается с проблемой *глобального неоколониализма*. В XVIII, XIX, первой половине XX века такие развитые государства, как США, Великобритания, Франция, Испания и другие, имели свои колонии в Африке, Азии и Латинской Америке. Существовала мировая колониальная система. Страны так называемого «третьего мира» находились в политической и экономической зависимости от развитых стран. После окончания Второй мировой войны мировая колониальная система была разрушена, и определяющую роль в этом сыграл Советский Союз. Прежние колонии обрели независимость.

Однако после распада Советского Союза на смену прежним колониальным стратегиям пришла инициируемая Америкой «неоколониальная» политика.

Как отмечал видный политолог и философ Александр Зиновьев, цель этой новой стратегии, которую он назвал «западнизацией», заключается в том, чтобы лишить развивающиеся страны политической самостоятельности, «включить их в сферу влияния Запада, причем не в роли равноправных партнёров, а в роли сателлитов или, лучше сказать, колоний нового типа» [9].

В дальнейшем из этих «колоний нового типа» выкачиваются природные, сырьевые, прежде всего нефтегазовые, ресурсы, а на их территории размещаются вредные производства с опасными, в том числе радиоактивными, отходами и военные базы.

Современные политологи дают следующее определение новой колониальной политике: «*Глобальный неоколониализм* — это система неравноправных (экономических и политических) отношений, навязанная западными странами остальному миру, основанная на

---

[8] Пономарёва Е.Г., Рябинин Е.В. «Цветные революции» в контексте стратегии управляемого хаоса. С. 42.

[9] Зиновьев А. Запад. СПб. : Эксмо, 2012. С. 417.

их военной мощи и деятельности монополистического капитала, международных финансовых организаций, транснациональных корпораций» [10].

Анализ показывает, что глобальный неоколониализм как форма достижения США мирового господства через внешнее глобальное управление широко использует те же методы, что предусмотрены в доктрине «управляемого хаоса» и стратегии «цветных революций». «К методам неоколониализма можно отнести насаждение коррупции и прямой подкуп политических элит, разжигание конфликтов для передачи власти подконтрольным лидерам, поставки оружия политическим фаворитам, использование так называемой гуманитарной помощи в качестве инструментов манипулирования и вооружённой силы якобы во имя поддержания мира» [11].

К инструментам глобального неоколониализма относят кредиты и займы, усиливающие финансово-экономическую зависимость страны-«неоколонии». Именно это наблюдается сейчас в отношениях США и Украины.

Последствия новой колониальной политики для неоколоний — это потеря политического суверенитета, создание прозападно ориентированной политической элиты, ослабление экономического, научного, образовательного потенциала, ухудшение качества медицинского обслуживания и, как следствие, сокращение численности населения, выкачивание сырьевых ресурсов, «утечка мозгов» за границу, насаждение стандартов массовой культуры западного типа за счёт вытеснения национальных культурных традиций.

В стране-неоколонии происходит постепенное усиление депрессивных и протестных настроений. Определённая часть состоятельного населения стремится покинуть свою страну, отправляет детей учиться за границу, утрачивает духовную связь с Родиной.

При этом глобальные медиаимперии, используя фактор «цифрового неравенства», реализуют в странах-неоколониях политику *«информационного неоколониализма»* [12].

Что означает это новое понятие? «Информационно-психологический неоколониализм, — отмечают российские учёные, — является агрессивной идеологией достижения геополитического превосходства, ставит целью изменение глобального информационно-психологического пространства и предполагает необходимость привлечения арсенала сил, средств и методов информационно-психологической агрессии (войны) для достижения этих целей» [13].

---

[10] Горелов А.А., Бронников И.А. Глобальный неоколониализм и проблема суверенитета // Власть. 2015. № 2. С. 22.

[11] Там же.

[12] Виноградова С.М., Мельник Г.С. Проблемы преодоления неравенства в международном информационном обмене // Гуманитарный вектор. 2012. № 2 (30). С. 244.

[13] Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. М. : Горячая линия — Телеком, 2015. С. 17.

Разновидностью информационного неоколониализма является не только технология «подкупа интеллектуалов» и «утечки мозгов» из стран, зависимых от глобальных лидеров, но и использование глобальных информационных систем, в частности Интернета, в целях доступа к интеллектуальным ресурсам других государств. Примером может служить деятельность на рубеже 1990–2000-х годов запрещённого ныне в России Фонда Сороса по «интернетизации» России, прежде всего её академической и вузовской инфраструктуры, финансирование им научных разработок российских учёных, представлявших для США стратегический интерес, обеспечивавший «мировому гегемону» технологический отрыв от «стран-доноров». Общеизвестно, что в период своего активного «присутствия» в публичном поле России Фонд Сороса, как и Фонды Форда, Макартура, «Открытое общество» и другие, чья деятельность в нашей стране ныне прекращена, в то время получали поддержку не только со стороны органов власти, но и активную информационную поддержку в российских СМИ.

Многие политологи пришли к выводу, что в 1990-е годы постсоветская Россия была вовлечена в систему внешнего управления со стороны США, стала своего рода «неоколонией» Америки, сырьевым придатком Запада. Особенно это проявилось в идеологической и информационной сферах, что привело к значительной *утрате информационного и идеологического суверенитета*.

Политика глобального доминирования США стала питательной почвой и для распространения международного терроризма. Заинтересованность США в террористах как агентах мирового хаоса, рассыпанных по всем континентам, доказана и фактами снабжения их оружием, и сочувственной позицией американских СМИ к «хорошим», в их понимании, террористам, которых они называют «повстанцами» и «борцами за свободу» против деспотии «авторитарных режимов». Этот фактор проявляется и в поддержке оппозиционных сил в Сирии, выступающих против действующего Президента Башара Асада.

В этом контексте практически доказанным фактом является участие американских спецслужб в событиях 11 сентября 2001 года. В связи с тем что в 2016 году исполнилось 15 лет самому масштабному в новейшей истории теракту, многие СМИ вернулись к анализу этой проблемы.

Как известно, официальные круги США настаивали на версии об участии в теракте четырёх «боингов» компании «Американ Эйрлайнз», захваченных террористами. Два из них обрушили здания-близнецы Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, третий повредил здание Пентагона в Вашингтоне, четвёртый, целями которого, как считается, были Белый дом или Конгресс США, потерял управление якобы из-за попытки пассажиров обезвредить террористов и рухнул на территории штата Пенсильвания, так

и не добравшись до цели. В общей сложности погибло, по разным данным, от трёх до пяти тысяч человек. Как считают многие аналитики, руководители США принесли в жертву тысячи своих сограждан, чтобы оправдать начало своей новой глобально-разрушительной стратегии. Назвав виновниками теракта Аль-Каиду и Усаму бен Ладена, США под видом справедливого возмездия напали на Афганистан, объявив его гнездом террористов.

Однако вскоре аналитики и эксперты разных стран, обнаружив в ходе своих исследований очевидные нестыковки в официальной американской версии, инициировали десятки публичных дискуссионных площадок, на которых доводы американской стороны были убедительно опровергнуты. Среди оппонентов официальной интерпретации событий немало журналистов, в том числе из ведущих немецких газет «Франкфуртер Рундшау», «Тагесцайтунг», «Западногерманского радио», печатного органа бундестага «Дас Парламент». В Берлинском университете имени Гумбольдта 30 июня 2003 года состоялась дискуссия с участием ведущих журналистов и политиков, бывших руководителей германских спецслужб на тему «Инсценированный терроризм. Заговор 11 сентября». Вскоре на германских каналах «BDR» и «Феникс» был показан фильм под названием «Вопрос об 11 сентября остаётся открытым», снятый корреспондентом «Западногерманского радио» Герхардом Висневски. Бывший министр ФРГ Андреас фон Бюлов, курировавший с 1989 по 1994 год работу германской разведки, опубликовал своё расследование в книге «ЦРУ и 11 сентября. Международный террор и роль секретных служб», где констатировал: «Террористические операции для воздействия на общественное мнение являются для ЦРУ обычным делом» [14].

В дальнейшем последовали громкие и разоблачительные расследования и в самих США. В октябре 2007 года было опубликовано письмо 160 американских учёных и специалистов, где они отвергли официальную трактовку событий 11 сентября и обвинили в их организации спецслужбы США.

Затем, в 2008–2009 годах, прошли специальные слушания в парламенте Японии, поставившие под сомнение официальную трактовку событий, а председатель парламентского комитета по внешней оборонной политике Юкихиса Фуйита совместно с видными политическими деятелями из Канады, США и Италии выступил с требованием к американскому политическому руководству о проведении нового расследования. Однако на эту тему вновь было наложено табу.

Накануне очередной, уже 15-й годовщины со времени этого теракта по каналам мировых СМИ прокатилась целая серия аналитических программ, авторы которых предъявили властям США

---

[14] Цит. по: Дашичев В.И. Тайны близнецов-небоскрёбов // Литературная газета. 2016, 7–13 сент. № 35 (6565). С. 4.

новый перечень неудобных вопросов. Почему конгресс США не создал незамедлительно комиссию для расследования этих событий, не провёл чрезвычайные слушания? Почему такая комиссия была создана только через два года, когда все улики уже исчезли или были уничтожены? Почему журналистам запретили самостоятельно расследовать дело по живым следам, а производить съёмку разрушенных небоскрёбов разрешали только с одной точки? Почему все остатки рухнувшего металла были срочно отправлены на переплавку? Почему две строительные фирмы — американская и израильская — незадолго до событий успели застраховать оба здания-близнеца на сумму в 3 млрд долларов, бóльшую, чем было потрачено на строительство, и тем самым оказались в феноменальном финансовом выигрыше? Вопросов, однако, которые волнуют мировое сообщество, намного больше.

Как отметил в своей аналитической статье, откуда были взяты вышеупомянутые данные, её автор, видный политолог, доктор исторических наук В.И. Дашичев, «когда размышляешь об обстоятельствах теракта 11 сентября, возникают исторические ассоциации с практикой организации американской правящей элитой и её спецслужбами провокаций и тайных операций для оправдания войн против того или иного государства или свержения неугодных правительств. И после 11 сентября тайные провокации и изощрённый обман со стороны руководства и спецслужб США не прекращались» [15].

Анализ медийной составляющей вокруг событий 11 сентября показывает, что гражданскую заинтересованность в раскрытии их истинной подоплёки проявляют, главным образом, не американские СМИ, а журналисты других, в том числе западноевропейских государств. Ряд обстоятельных, профессиональных аналитических материалов, посвящённых этой теме, увидели свет и в российских СМИ. Однако для американской журналистики события 11 сентября 2001 года остаются во многом табуированной темой, тщательно замалчиваемой. Это свидетельствует о высоком уровне политической ангажированности американских (а вместе с ними и глобальных) СМИ правящей американской элитой, продолжающей наращивать разрушительный потенциал стратегий глобального доминирования, доктрины «управляемого хаоса» и информационно-психологических войн против других государств мира.

[15] Дашичев В.И. Тайны близнецов-небоскрёбов. С. 4.

ГЛАВА 7

«ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ» КАК МОДИФИКАЦИЯ ГРАЖДАНСКИХ СЕТЕВЫХ ВОЙН

Одним из методов достижения глобального доминирования США, в том числе с помощью механизмов информационных войн, являются так называемые «цветные революции». Их сущность и назначение политологи определяют так: «*Цветные революции* — это технологии государственных переворотов в условиях искусственно созданной нестабильности. Являясь технологиями демонтажа политических режимов, они создают условия для вмешательства других государств во внутренние дела страны, ставшей жертвой цветной революции, для военной интервенции, военных мятежей, гражданских войн. Это мы видим на примере Украины» [1].

Технологии «цветных революций» стали разрабатываться в США сразу после Второй мировой войны. Они активно применялись во второй половине 1980-х годов в странах Восточной Европы в ходе свержения социалистических правительств в виде «бархатных революций» с использованием методов «мягкой силы», «контролируемой нестабильности» и информационно-психологического противоборства.

После распада Советского Союза впервые технология «цветной революции» была применена в Сербии для смены политической власти и свержения Президента страны Слободана Милошевича (1999–2000 гг.).

Затем прокатилась целая цепная реакция «цветных революций», каждая из которых получила своё метафорическое название:

– «революция роз» в Грузии (2003 г.);

– «оранжевая революция» на Украине (2004 г. и 2013–2014 гг.);

– «революция тюльпанов» в Киргизии (2005 г.);

– «революция кедров» в Ливане (2005 г.);

– неудавшаяся, к счастью, «васильковая революция» в Беларуси (2006 г.);

– «революция зонтиков» в Гонконге (2014–2015 гг.).

Попытки применения аналогичных технологий осуществлялись в Румынии (2004 г.), Азербайджане (2005 г.), Киргизии (2005 г., 2010 г.), Армении (2008 г., 2015 г.), Молдавии (2009 г., 2015 г.), а также в России (2011–2012 гг.), Болгарии (2013 г.) и Турции (2013 г.).

---

[1] Манойло А.В. Цветные революции и гибридные войны // Стратегия России. 2015. № 7. С. 20.

«Цветные революции» привели к смене политических режимов в Тунисе, Йемене, Египте, Ливии, получив название «Арабской весны» (2010–2011 гг.). На основе той же технологии был устроен «Евромайдан» на Украине (2014 г.).

Роль «детонатора» и «спускового механизма» всех цветных революций выполняли социальные сети. Поэтому революционные выступления этого типа стали называть *«медиареволюциями»*, *«Twitter-революциями»*, а «Арабскую весну» — «*революцией онлайн»*.

Протестные движения, прокатившиеся по всему миру, продемонстрировали исключительно эффективный в негативном смысле потенциал мобилизационных технологий социальных медиа как нового инструмента политического управления геополитическими конфликтами [2].

Каналом и координатором протестных настроений социальные и мобильные сети выступили и в ходе массовых протестных акций в декабре 2011 года в Москве на Болотной площади, где либеральная оппозиция попыталась собрать недовольных результатами выборов в Госдуму. Со всей очевидностью можно утверждать, что в данном случае была предпринята попытка применить технологию «цветной» (в данном случае «снежной») революции в России. С этой целью были задействованы социальные сети «Твиттер», «Фейсбук», «ВКонтакте». Ставку на них сделали организаторы акции и, по сообщению журнала «Русский репортёр», были удовлетворены её результатом. Ведущий протестного митинга на Болотной площади скандировал: «Ура Фейсбуку!», «Да здравствует Интернет!» [3].

Идеологом и главным разработчиком «цветных революций» стал американский политолог Джин Шарп. В своей работе «От диктатуры к демократии» (1999) он обосновал ключевые принципы смены политических режимов на основе организации массового гражданского неповиновения властям (так называемого «ненасильственного сопротивления») и предложил в качестве главной ударной силы использовать молодёжное протестное движение — ставку на молодёжь в возрасте от 14 до 30 лет.

Анализ показывает, что все «цветные революции» готовятся и осуществляются по единому шаблону и включают несколько обязательных этапов:

– формирование сил внутренней оппозиции из числа популярных политиков — «пятой колонны» в среде управленческой элиты, бизнесменов, журналистов;

– содействие деятельности неправительственных организаций (НПО) для раскачки общественного мнения и их поддержка за счёт привлечения средств из зарубежных фондов;

---

[2] См.: Ильичёва Ю.А. СМИ в мобилизационных технологиях: цели, функции, политические последствия : дис. … канд. полит. наук. СПб., 2014. С. 81, 102.

[3] Русский репортёр. 2011, 15–22 дек. № 49.

– систематические информационные вбросы негативного содержания, настраивающие население против действующей власти;

– подготовка гражданских активистов, обучение их основам проведения протестных акций и методам «ненасильственного» сопротивления;

– перевод «цветной революции» в активную фазу (например, проведение бессрочной акции протеста с требованием отставки действующего правительства или пересмотра результатов выборов) [4];

– подготовка крупномасштабной провокации, вынуждающей власть прибегнуть к силовым методам наведения порядка с последующим обличением её в антидемократических действиях (власть, исполняющая закон, объявляется “кровавым режимом”, “тиранией”);

– демонтаж политического режима и смещение легитимной власти» [5].

Таким образом, как утверждают политологи, все «цветные революции» имеют один и тот же шаблонный сценарий: «процесс создания пятой колонны, тотальную критику существующего строя, внедрение ярлыков “тирании”, а также реальное расширение линий разлома — социальных, национальных, идеологических, а также расслоение общества, побуждение власти к кровопролитию, далее — включение медийного ресурса…» [6].

«Белградская осень» (Югославия), и «Евромайдан» (Украина), и «Арабская весна» (Тунис, Египет, Ливия, Йемен, Сирия) развивались по одному и тому же сценарию. Данная технология приобрела характер политического алгоритма, став у американских политтехнологов своего рода обязательным руководством по смене политических режимов.

Называя цветные революции «одним из катализаторов хаоса», болгарские политологи Ст. Денчев и М. Павлова отмечают, что «разница между цветными и традиционными революциями состоит в том, что первые являются «*сетевым процессом*»: «Они возникают и развиваются в каналах средств массовой информации (СМИ). Информация — основная особенность цветных революций. Поэтому категорично можно охарактеризовать эту технологию как *информационную войну* с противником. Основа успеха этой войны — тщательная подготовка, которая включает в себя дезинформацию и пропаганду» [7]. Соглашаясь с коллегами, мы также считаем возможным определить сущность «цветных революций» как наиболее эффективную *модификацию гражданской сетевой войны*.

---

[4] См.: Пономарёва Е.Г., Рябинин Е.В. Арямова А.Д. «Цветные революции» в контексте управляемого хаоса // Обозреватель — Observer. 2015. № 12. С. 49.

[5] См.: Арямова А.Д. «Цветные революции» как инструмент внешней политики стран англо-американского политического альянса // Власть. 2015. № 8. С. 208.

[6] Мельник Г.С. СМИ в мобилизационных технологиях // Средства массовой информации в современном мире : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. С.Г. Корконосенко. СПб., 2012. С. 341.

[7] Денчев Ст., Павлова М. Кто смешивает краски? И кто художник в цветных революциях? // Стратегия России. 2016. № 3. С. 53.

Каковы же типичные результаты и последствия «цветных революций» или, как мы считаем, *гражданских сетевых войн*? Кто выигрывает больше всех? Во-первых, те государства, которые разрабатывают, реализуют и финансируют сценарий «цветной революции» для страны-мишени, а во-вторых — транснациональные корпорации. Государства — организаторы «цветных революций» (а это США и их союзники) — закрепляют военно-политическое влияние на территории страны-мишени, получают возможность регулировать все её политические и экономические процессы через режим марионеточной власти, размещать на её территории военные базы и тем самым наращивать своё геополитическое влияние на глобальном уровне, а транснациональные корпорации, то есть структуры международного бизнеса, получают свой выигрыш — неограниченный доступ к природным, технологическим, интеллектуальным ресурсам страны, где произошла «цветная революция».

На что надеется население, вовлечённое в гражданскую сетевую войну и стремящееся победить в ней:

– улучшение качества жизни;

– обретение бóльших политических свобод;

– модернизацию экономики;

– присоединение к альянсу сильных и развитых государств (НАТО, ЕС), к европейскому сообществу цивилизованных стран (например, по принципу «Украина — це Европа»).

Что получает население в реальности:

– разрушенную и ослабленную государственность;

– социальную нестабильность, хаотизацию всех сфер жизни;

– продолжающийся гражданский раскол;

– нищету, экономическую дезинтеграцию;

– вытеснение традиций национального уклада жизни стандартами американизированной массовой культуры.

Об этих трагических последствиях «цветных революций» предостерёг мировую общественность Президент России В.В. Путин, выступая на 70-й, юбилейной, сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Он подчеркнул, что в странах Ближнего Востока и Северной Африки «агрессивное внешнее вмешательство привело к тому, что вместо реформ государственные институты, да и сам уклад жизни были просто бесцеремонно разрушены. Вместо торжества демократии и прогресса — насилие, нищета, социальная катастрофа. А права человека, включая право на жизнь, ни во что не ставятся» [8].

В качестве примера можно привести Югославию. После окончания Второй мировой войны это был первый случай, когда страны НАТО без санкции Совета Безопасности ООН в течение 78 дней

---

[8] Выступление Президента России В.В. Путина на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 28 сентября 2015 г. URL : http:// kremlin.ru/events/prezident news/50385 (дата обращения: 15 март. 2018)

бомбили суверенное государство в центре Европы — Союзную Федеративную Республику Югославию, что привело к свержению законно избранного Президента Слободана Милошевича, разрушению единой централизованной югославской государственности, дроблению страны на несколько небольших государств, политически и экономически зависимых от США и стран Евросоюза.

В проведении «экспресс-революции» в Югославии значительную роль сыграл информационный фактор, а именно массированная информационная война против Слободана Милошевича, которую Запад открыто вёл как вне, так и внутри страны. Милошевичу и всей сербской власти был создан крайне негативный имидж кровавой, фашистской диктатуры. Эта целенаправленная информационная война была оснащена особыми техническими средствами: «В соседних с Сербией странах была построена сеть радиовышек, обслуживающих вещание “Голоса Америки”, “Радио Свободная Европа”, Би-би-си, “Немецкой волны”, “Радио США” и др. К этому следует добавить активную деятельность радиоцентров США, развёрнутых в Боснии и Герцеговине, главной целью которых было прослушивание югославских каналов связи. Кроме того, с августа 1999 г. американские космические корабли и передатчики в соседних странах осуществляли глушение частот государственных телевизионных и радиостанций Югославии, что было грубым нарушением международного права» [9]. Так спецслужбами США с опорой на внутриюгославскую оппозицию, ввергшую страну в гражданскую сетевую войну, было уничтожено цветущее, крепкое государство, а его руководитель предан Гаагскому трибуналу и вскоре ушёл из жизни.

Стремясь сохранить глобальное лидерство, США регулярно практикуют технологию «цветных революций» в разных концах света. Объяснение этому содержится в новейшей американской Стратегии национальной безопасности (2015 г.), где официально заявляется, что США «являются ведущей мировой державой, у которой есть интересы во всех частях нашего взаимосвязанного мира» [10].

Какова же цель «цветных революций»? Как подчёркивают отечественные политологи, это «контроль над территорией, а также природными и человеческими ресурсами стран и регионов» [11].

В чём отличие технологии «цветных революций» от прямого военного вмешательства извне? Почему они так выгодны для стран — организаторов «цветных революций»? Почему суть их составляют гражданские сетевые войны?

---

[9] Пономарёва Е., Рябов Е. «Цветные революции» в контексте управляемого хаоса. С. 44–45.

[10] National Securiti Strategu. URL : http:// www.whitehouse/gov/sites/default/files/docs/2015_national_(дата обращения: 15 март. 2018)

[11] Арямова А.Д. «Цветные революции» как инструмент внешней политики стран англо-американского политического альянса. С. 207.

«Отличие “цветной революции” от прямой интервенции в том, что оккупация (а попросту “сдача”) страны осуществляется *гражданами самого государства* в интересах организаторов переворота. Страны и территории контролируются через марионеточные правительства и де-юре остаются суверенными государствами, а де-факто — управляются извне. <…> Таким образом англосаксы воюют против неугодной политической власти руками самих государств» [12]. Естественно, это экономит финансовые и материально-технические ресурсы организаторов «цветных революций», позволяет не применять в военном противостоянии собственные вооружённые силы и военную технику. При этом цели глобального доминирования успешно достигаются, в том числе потому, что их организаторы активно воздействуют на массовое сознание не только в стране-мишени, но и за рубежом. «Мишенями манипуляции являются не только сознание, взгляды и ценности местного населения, но и мировое общественное мнение. Поэтому организаторы обеспечивают мощную информационную поддержку с помощью локальных и мировых СМИ» [13].

О том, что технология «цветных революций» осуществляется Соединёнными Штатами постоянно и повсеместно, свидетельствуют следующие данные, приводимые американским историком У. Блумом:

«С окончания Второй мировой войны США:

– более 50 раз пытались свергнуть иностранные правительства, большинство из которых было избрано демократическим путём;

– грубо вмешивались в демократические выборы как минимум в 30 странах;

– совершили более 50 покушений на лидеров иностранных государств;

– бомбили население более чем 30 стран;

– пытались подавить народные или национально-освободительные движения в 20 странах» [14].

В обоснование своей глобальной экспансии США нередко козыряют тем, что опираются на методы ненасильственного сопротивления. Но так ли это? Действительно ли в ходе подобных псевдодемократических преобразований применяются только такие, якобы безобидные, гуманные, бескровные методы, как «мягкая сила», как якобы морально оправданное неповиновение граждан «несправедливым законам»?

Нет, это только иллюзия безобидности, так как «цветные революции» становятся, как правило, подготовительным этапом

---

[12] Арямова А.Д. «Цветные революции» как инструмент внешней политики стран англо-американского политического альянса. С. 207.

[13] Денчев Ст., Павлова М. Кто смешивает краски? И кто художник в цветных революциях? С. 53.

[14] Блум У. Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в период холодной войны / АНО «Ин-т внешнеполит. исслед. и инициатив». М. : Кучково поле, 2014. С. 5.

к началу «гибридных войн», а затем нередко и настоящих, кровавых боестолкновений, как в Ираке и Ливии [15].

Точно таким же образом сложилась ситуация и в Сирийской Арабской Республике, которая до вмешательства США была «процветающим государством, без внешнего долга, полностью обеспечивающим себя продуктами и товарами» [16]. Однако под руководством США в Сирии началась «цветная революция», быстро переросшая в военный мятеж, унесший десятки тысяч жизней.

Насколько, однако, вероятен такой сценарий для России? Известному американскому политологу Генри Киссинджеру приписывают известное латинское изречение «Карфаген должен быть разрушен», сказанное им в отношении России, а это означает, что цель Америки — навсегда устранить с мировой арены Россию как глобального соперника и конкурента.

Почему Америка ведёт последовательную антироссийскую политику? Для этого существует несколько причин:

– Россия снова возрождается как великая держава, укрепляя свою внутриполитическую стабильность, проводя грамотную внешнюю политику;

– Америка теряет свой международный авторитет из-за непрекращающегося диктата и давления на другие страны, разжигания межэтнических и межконфессиональных конфликтов, а после победы Д. Трампа ещё и в результате внутреннего конфликта политических и медийных элит.

Именно США взрастили в разных точках планеты разного рода радикальные, экстремистские, террористические организации. При участии спецслужб США были созданы террористические формирования Талибан и Аль-Каида. В течение нескольких лет, пытаясь добиться свержения правительства Президента Сирии Башара Асада, проводящего независимую политику, США и их союзники вооружали главную структуру международного терроризма — ИГИЛ, да и после завершения антитеррористической операции ведут в Сирии двойственную политику, стремясь взять под свой контроль значительную часть сирийской территории.

Известный итальянский журналист и общественный деятель Джульетто Кьеза раскрывает политическую и организационную подоплёку всех «цветных революций». Он подчёркивает, что именно «в США возникла доктрина свержения политических режимов, которые по той или иной причине считаются “нежелательными”. Центром разработки доктрины стал расположенный в Бостоне Институт имени Альберта Эйнштейна, финансируемый ЦРУ через руководимый сенатором Джоном Маккейном Международный республикан-

---

[15] См.: Арямова А.Д. «Цветные революции» как инструмент внешней политики стран англо-американского политического альянса. С. 208.

[16] Манойло А. Закат Pax Americana // Стратегия России. 2015, нояб. № 11. С. 26.

ский институт — один из четырёх подразделений Национального фонда за демократию. Институт Эйнштейна подготовил почву и занимался подготовкой и обучением местных кадров для всех “цветных революций” начиная с 1991 г.» [17]. Кроме того, «распространение демократии через цветные революции осуществляется и с помощью Агентства международного развития США»[18].

Дж. Кьеза указывает на причину сходства всех «цветных революций», связанную с их одинаковыми информационными стратегиями: «Их общие черты являются следствием американского господства в новых медиа, в поисковых системах и социальных сетях. Контроль над ними позволяет добиваться переориентации и модификации мыслей и чувств огромных масс людей по всему миру, служит реализации доктрины “ненасильственного сопротивления” и проведению “цветных революций”, направленных на свержение неугодных США режимов» [19].

Однако стратегии глобального доминирования и насаждения повсюду проамериканских марионеточных режимов всё чаще дают сбой.

Дело в том, что «твёрдая позиция Российской Федерации в Совете Безопасности ООН по целому ряду вопросов международной безопасности в значительной мере снижает эффективность американской стратегии “управляемого хаоса”, и это, безусловно, является одним из важнейших факторов, предопределивших ярко выраженный антироссийский курс США и их союзников» [20].

В чём конкретно проявляется антироссийский прессинг со стороны США?

1. В расширении военной инфраструктуры НАТО и продвижении его на восток, к границам России; в проведении учений на приграничных территориях.

2. В размещении элементов американской противоракетной обороны (ПРО) в Восточной Европе (в частности, Польше), в непосредственной близости от территории России.

3. В разработке концепции моментального глобального удара для нейтрализации ядерного потенциала России.

Соединенные Штаты Америки стремятся вовлечь страны Евросоюза в вооружённый конфликт с Россией, при этом сами они, находясь по ту сторону Атлантического океана, вместе с ближайшим союзником — островным государством Великобританией, окажутся, как обычно, «над схваткой» и будут ожидать результатов большой европейской войны, с тем чтобы воспользоваться ими

---

[17] Кьеза Дж. О «цветных революциях» // Свободная мысль. 2016. № 4. С. 17.

[18] Денчев Ст., Павлова М. Кто смешивает краски? И кто художник в цветных революциях? С. 54.

[19] Там же.

[20] Казаков А.В. «Цветная революция» в России: миф или реальность? // Власть. 2015. № 4. С. 5.

в полной мере. Направлением «главного удара» против России выбраны страны постсоветского пространства [21].

Стремление перенести технологию «цветной революции» на Россию является одной из главных геополитических задач США. Поэтому и введена против нашей страны политика санкций, с тем чтобы вызвать системный внутриполитический кризис в стране, дестабилизировать экономику и социальную сферу, спровоцировать широкое недовольство общества политикой действующей власти, инспирировать гражданскую сетевую войну.

Политологи предупреждают: схема проведения «цветной революции» всегда одна и та же и предполагает неизменяемый набор одних и тех же компонентов, а именно:

– подрыв системы традиционных ценностей данного государства, замещение их либеральными лозунгами (права человека, свобода слова, открытое общество, демократизация, свобода выбора, защита прав меньшинств и т. д.) или национально-этническими призывами, когда речь идёт о ставке на сепаратизм (Чечня), отделение какой-либо территории (Косово), разрыв исторических связей с более сильным государством (Украина);

– обострение объективно существующего социально-экономического кризиса либо создание искусственной кризисной ситуации за счёт экономического давления извне, например введения санкций;

– дискредитация органов государственной власти и местного самоуправления, подрыв доверия населения к действующей власти;

– дискредитация спецслужб и силовых структур в глазах населения;

– создание «образа врага», «виновника всех бед» из действующего главы государства, обвинение его в коррупции, подавлении демократических свобод, направление народного недовольства на конкретного политического деятеля или группу политических деятелей;

– поддержка извне деятельности оппозиционных сил (финансовая, организационная, техническая, методическая);

– ставка на радикально настроенную молодёжь;

– инициирование гражданских столкновений и масштабной резонансной провокации с летальным исходом из среды протестующих, так называемых «сакральных жертв» (примерами могут служить фактически запрограммированная гибель трёх защитников Белого дома в ходе августовских событий 1991 года в России; использование оппозиционными силами снайперов на Евромайдане, стрелявших в спину представителей обеих сторон конфликта, чтобы накалить его остроту до предела; убийство известных представителей оппозиции, например журналиста Георгия Гонгадзе, ответственность за смерть которого была возложена на

---

[21] См.: Наумова А.Ю., Авдеев В.Е., Наумов А.О. «Цветные революции» на постсоветском пространстве. СПб. : Алетейя, 2013. 164 с.

Л. Кучму, что в конечном счёте привело к его отставке; попытка возложения ответственности за убийство Б. Немцова на политическое руководство России и т. п.).

Анализ начала политического кризиса на Украине свидетельствует со всей очевидностью, что техника «цветных революций» в формате гражданских сетевых войн была применена и в этой стране. На это указывают следующие факты:

– раскол общества, доведение его до жёсткого гражданского конфликта и противостояния;

– захват власти оппозиционными силами, их легитимизация за счёт «пятой колонны» в украинском парламенте (Раде), чтобы снять обвинения в государственной измене, узурпации власти, нарушении Конституции;

– установление внешнего протектората (управления) со стороны Госдепартамента США при особой посреднической роли американского посла, без которого не принимается в этой стране ни одно значимое решение;

– введение в состав руководства страны доверенных представителей, связанных с Госдепом США, а также американских советников во все значимые министерства и ведомства;

– передел собственности в интересах транснациональных корпораций;

– установление долговой и иной зависимости от Международного валютного фонда, Всемирной торговой организации и других международных организаций, действующих под протекторатом США [22].

Какие признаки подготовительной работы Запада к осуществлению «цветной революции» в России очевидны уже сегодня:

– информационная война против России, нацеленная на ослабление *национальной воли к сопротивлению*, национального иммунитета к чуждым ценностям;

– попытка обострения внутреннего положения страны за счёт введения санкций;

– попытка дискредитации политического лидера страны, создание его агрессивного имиджа за рубежом;

– поддержка извне оппозиционных лидеров (М. Ходорковского), партий («Парнас» М. Касьянова), СМИ («Эхо Москвы», «Дождь», «Новая газета» и др.);

– раскручивание имиджа Алексея Навального как оппозиционного политика, развёртывание сети его штабов во всех регионах страны.

Однако есть уверенность, что следующие шаги у глобального «штаба» «цветных революций» не получатся. Этому помешает консолидация российского общества вокруг национального лидера,

---

[22] См.: Казаков А.В. «Цветная революция» в России: миф или реальность? С. 7.

особенно укрепившаяся после воссоединения России с её историческими землями — Крымом и Севастополем, и ярко проявившаяся в беспрецедентном уровне поддержки В.В. Путина в ходе президентских выборов 18 марта 2018 года; принятие некоторых правовых актов, обязавших широкую сеть неправительственных организаций, финансируемых из-за рубежа, указывать в уставных документах, что они являются «иностранными агентами»; ряд законов (так называемый «пакет Яровой»), направленных на регулирование (вплоть до запрета) деструктивной информации в Интернете; гражданская ответственность, проявляемая руководителями информационных программ основных общенациональных теле- и радиоканалов в усилении государственнических основ политической аналитики; эффективная работа патриотического сегмента российской блогосферы; активизация усилий научной и ветеранской общественности в борьбе с фальсификацией итогов Второй мировой войны и других событий отечественной истории.

Попыткам привить нашему народу комплекс «национальной вины» нужно противопоставить ответственную государственную информационную политику, систему образования и воспитания, нацеленную на формирование патриотического сознания у молодого поколения. Не случайно в своё время канцлер Германии О. Бисмарк сказал: «Войны выигрываются и проигрываются за школьными партами». А китайцы, в свою очередь, добавляют: «Если вы хотите победить врага — воспитывайте его детей» [23].

Задача России в условиях угрозы «цветных революций» и гражданских сетевых войн — включить все механизмы национальной самозащиты, в том числе информационно-просветительские и контрпропагандистские возможности отечественных медиаканалов, интеллектуальный и творческий потенциал патриотически ориентированного журналистского сообщества, ресурсы государственной информационной политики, институтов гражданского общества, чтобы отстоять свой духовный и политический суверенитет.

Россия, пережившая кровопролитную гражданскую войну в начале XX века, не должна допустить самой возможности повторения подобных событий столетие спустя в новой, теперь уже «цветной» модификации гражданской сетевой войны.

---

[23] Цит. по: Казаков А.В. «Цветная революция» в России: миф или реальность? С. 10.

ГЛАВА 8

ГИБРИДНЫЙ ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН

В политический обиход нашего времени вошло понятие «войны нового типа», в числе которых гибридные (мультивариантные, комплексные). Феномен ***гибридной войны*** заключается в одновременном применении *традиционных* и *нетрадиционных* военных и невоенных методов для достижения стратегических целей. Гибридная война предполагает комбинированный вид стратегий, включающих в том числе и информационные войны.

Впервые озвучил в 2009 году понятие «гибридные войны», точнее «гибридные сценарии военных действий», бывший министр обороны США Р. Гейтс. В таких войнах, по его утверждению, продукция «Майкрософт» сосуществует с мачете, а технология «Стелс» соседствует с камикадзе [1]. Одним из авторов термина «гибридная война» считают также американского военного эксперта Ф. Хоффмана, который назвал XXI столетие веком «гибридных войн».

При каких условиях военные стратеги включают механизм «гибридной войны»? «Когда прямое военное участие способно повлечь колоссальные затраты, репутационные потери, недостижение целей и вовлечение в конфликт других крупных игроков в регионе, основной формой становится так называемая гибридная война», которая «сопровождается борьбой местных ограниченных групп при активной поддержке извне оружием, кадрами, дипломатическим давлением» [2], информационным противоборством.

Понятие «гибридная война» закреплено в официальных документах Соединённых Штатов Америки, в частности в Национальной военной стратегии США, опубликованной Пентагоном 1 июля 2015 года. Источником угрозы «гибридной войны», согласно данному документу, могут быть государства, негосударственные организации, движения экстремистского толка, террористы. Особую опасность с точки зрения «гибридных угроз», по мнению руководителей Северного альянса, представляют страны, входящие в «дугу нестабильности», охватывающую территорию от Северной Африки до Центральной Азии (последняя входит в зону геополитических интересов России). В американской стратегии указывает-

---

[1] См.: Гейтс Р. Сбалансированная стратегия // Россия в глобальной политике. 2009. № 2. С. 26.

[2] Топчий И. Новая форма противоборства становится популярной // Независимое военное обозрение. 2016, 28 окт. – 10 нояб. С. 5.

ся, что «гибридные конфликты обычно усиливают неопределённость и двойственность, усложняют принятие решений и замедляют взаимодействие, направленное на осуществление эффективных ответных действий» [3].

В том же документе отмечается, в частности, гибридный характер войны, которая ведётся на юго-востоке Украины. Следует отметить и тот факт, что на саммите НАТО в Варшаве в 2016 году о «гибридной войне» на данной территории говорилось уже в плане не только стратегии, но и тактики.

Как отмечают военные политологи, понятие «гибридная война» может иметь две трактовки и использоваться в узком и широком смысле. В первом случае под гибридной войной можно подразумевать комбинированный вид боевых действий. В качестве примера исследователи приводят действия Украины против Донецкой и Луганской народных республик и подчёркивают, что «именно нынешние власти Украины совместно с США и своими сателлитами ведут необъявленную гибридную войну с непризнанными республиками, де-факто применяя весь инструментарий гибридной войны. Во втором случае речь идёт о противоборстве между противниками в различных сферах (асимметричной борьбе)». Политологи делают убедительный вывод: «Думается, США против России ведут именно гибридную войну» [4].

Анализ показывает, что во внешнеполитической деятельности современных государств «гибридные войны» всё чаще приходят на место прежней «мягкой силе» [5]. В частности, как гибридный конфликт военные аналитики рассматривают боевые действия против ИГИЛ в Сирии [6].

При этом в структуре гибридной войны всё очевиднее проявляет себя информационно-психологическое противоборство. Как отмечают военные политологи, изучающие многокомпонентную природу гибридных войн, «особого размаха и изощрённости сегодня достигли стратегии информационной войны, которые охватывают культурно-мировоззренческую сферу, вмешиваются в спорт, образовательные и культурные обмены, в деятельность религиозных организаций» [7]. Информационные войны — ментальные, консциентальные, когнитивные, «войны памяти» и другие — становятся неотъемлемой частью гибридных войн.

---

[3] Цит. по: Белозеров В.К., Соловьев А.В. Гибридная война в отечественном политическом и научном дискурсе // Власть. 2015. № 9. С. 5–11.

[4] Там же. С. 8.

[5] См.: Мошкин С.В. Внешняя политика России: «гибридная война» вместо «мягкой силы» // Дискурс — Пи. 2014. Т. 11, № 1. С. 168–173.

[6] Батюк В.И. США против ИГИЛ // США и Канада: экономика, политика, культура. 2016. № 6. С. 6.

[7] Бартош А. Гибридная война: интерпретации и реальность // Независимое военное обозрение. 2016, 16–22 сент. № 35 (918). С. 7.

«Гибридная война» — понятие новое, и явление это, поскольку ограничительные нормы международного права в отношении его ещё не выработаны, представляет особую опасность.

Обращает на себя внимание и широкая дискуссия, которая ведётся вокруг проблемы гибридных войн. Так, некоторые учёные, политики и военные эксперты считают, что все войны в истории человечества носили гибридный характер (в них участвовали регулярные войска, партизанские формирования, велась пропаганда, нацеленная на военнослужащих и гражданское население противника). Например, Й. Столтенберг, Генеральный секретарь НАТО, заявил однажды, что «первая известная нам гибридная война была связана с Троянским конём, таким образом, это мы уже видели» [8].

Другая группа исследователей и экспертов настаивает на том, что гибридная война — это «качественно новое понятие, более широкое, чем просто совокупность современных форм и методов вооружённой борьбы» [9]. Дело в том, что в гибридной войне, наряду с традиционными методами, широко используются технологии информационно-психологической войны и управляемого хаоса, инструменты «мягкой» и «жёсткой» силы, технологии кибервойны, сетевые атаки. Иными словами, гибридные войны — это войны *нового технологического уровня*, при этом стратегия гибридной войны предполагает активное использование и других, более традиционных способов нанесения урона противнику: прямые боестолкновения, террористические акты, диверсионно-подрывные действия. В гибридной войне, которая ведётся сейчас на Украине, к этой «гремучей смеси» добавляются и ментально-языковой конфликт, и этнические чистки против русского населения, и агрессивная деятельность «добровольческих» карательных батальонов в Донбассе.

Феномен «гибридных войн» специалисты называют «новой революцией в военном деле», вполне обоснованно утверждая, что в «условиях использования против России широкого спектра гибридных технологий вполне реальной становится перспектива превращения современной гибридной войны в особый вид конфликта, который кардинально отличается от классических и рискует трансформироваться в перманентное, крайне жестокое и нарушающее все нормы международного права разрушительное противостояние» [10].

Специалисты в области военно-политических стратегий усматривают прямую связь между гибридными войнами и цветными революциями: «Цветные революции довольно часто становятся *прелю-*

---

[8] Цит. по: Бартош А. Гибридная война: интерпретации и реальность. С. 7.

[9] Манойло А.В. Цветные революции и гибридные войны // Стратегия России. 2015. № 7. С. 19.

[10] Бартош А. Гибридная война: интерпретации и реальность. С. 6.

дией для гибридной войны, формируя условия, необходимые для перевода конфликта в военную фазу… <…> Цветная революция при этом играет роль *спускового механизма гибридной войны*» [11] .

Цветные революции ставят своей целью демонтаж политических режимов, осуществление государственных переворотов в странах-мишенях, однако не всегда приводят к намеченным результатам. В этом случае включается механизм гибридной войны: «В случае, если в сжатые сроки достичь цели цветной революции не удаётся, на определённом этапе может быть осуществлён переход к военным мерам открытого характера»: «от этапа цветной революции к гибридной войне», или, выражаясь языком американских военных стратегов, «операциям полного спектра» [12].

Особую опасность представляет отсутствие чётких границ между завершением цветной революции и началом гибридной войны. Перетекание одного вида конфликта в другой может быть неразличимым и в то же время таящим в себе угрозу дальнейшей эскалации вплоть до перехода в стадию полномасштабной войны с применением ядерного оружия.

Общность цветных революций, гражданских сетевых и гибридных войн проявляется в том, что во всех случаях реализуются стратегии управляемого хаоса в интересах глобального доминирования США. Как отмечалось выше, отработка этих стратегий происходит сегодня на Украине, где реализуется ставшая уже классической цепочка: от цветной («оранжевой») революции — к гражданской войне в Донбассе и, наконец, к гибридной войне с Россией, о чём свидетельствуют знаковые инциденты с переносом тактики имевших место диверсионно-террористических действий вооружённых сил Украины на территорию России.

Аналитики вполне обоснованно предостерегают от дальнейшей эскалации подобных действий, поскольку локальный конфликт может трансформироваться в глобальное противостояние.

Серьёзную угрозу миру несёт деструктивная *информационная составляющая гибридных войн*, прежде всего цифровое (кибернетическое) оружие, используемое в военных целях, способное выводить из строя системы управления противника, осуществлять наблюдение за передвижением его вооружённых сил, взламывать секретные базы данных оборонных ведомств. Особую опасность представляет использование хакеров, тем более что имеются фактически подтверждённые сведения о том, что «хакерам, преследующим те или иные преступные цели, удалось вызвать немало авиационных катастроф благодаря способности влиять на системы управления авиалайнеров» [13].

---

[11] Манойло А.В. Цветные революции и гибридные войны. С. 21.

[12] Бартош А. Гибридная война: интерпретации и реальность. С. 6.

[13] Ракитов А.И. Человек в оцифрованном мире // Философские науки. 2016. № 6. С. 39.

Гибридные войны несут в себе и другие виды *информационных угроз*:

– использование мобилизационных интернет-технологий для политической дестабилизации общества, организации массовых протестных акций и уличных беспорядков;

– вброс информационных материалов, усиливающих конфликтную напряжённость внутри противоборствующих сторон, способствующих разжиганию гражданских конфликтов, социальной, национальной, религиозной розни;

– сращивание киберпреступности с деятельностью традиционных преступных сообществ с целью незаконной продажи оружия, распространения взрывчатых и отравляющих веществ и т. д.;

– распространение «троллинга» — сети фальшивых пользователей-провокаторов с целью формирования нужного заказчику общественного мнения, в том числе для оказания давления на государственные структуры, принимающие политические и военные решения;

– использование информационно-коммуникативных технологий с целью вовлечения потенциальных адептов в деятельность международных террористических группировок, принимающих участие в гибридных войнах.

Нельзя не видеть, что и структура современных информационных войн носит также гибридный характер: в них сочетаются элементы ментальных, консциентальных, когнитивных, контентных войн, направленных на разрушение национального сознания, воли и интеллекта с механизмами «войн памяти», кибервойн, «психоисторических», сетецентрических и поведенческих, гражданских сетевых войн, нацеленных на разрушение исторической памяти народов, смену ценностно-смысловых ориентиров, нарушение электронных систем управления в гражданской и военной сферах.

Таким образом, «гибридная война есть способ ограничения дееспособности государства путём комплексной дестабилизации его институтов» [14].

Гибридные войны как новый феномен XXI века представляют очевидную угрозу национальной безопасности, и поэтому включение действенных механизмов информационно-психологического противостояния данной угрозе абсолютно необходимо.

---

[14] Сабинин В., Кизилов Г. Россия в гибридной войне // Стратегия России. 2016. № 3. С. 61.

ГЛАВА 9

ПРИЁМЫ И МЕТОДЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ В СИСТЕМЕ МЕДИАМАНИПУЛИРОВАНИЯ

Основным орудием информационной войны, как и информационного противоборства в целом, являются *медиаманипулирование* и порождаемые им *медиаманипулятивные техники*.

Медиаманипулирование достигло в настоящее время масштаба глобальной угрозы: «По прогнозам учёных на XXI век, деструктивные манипуляции человеком, общественным мнением и массовым сознанием могут, наряду с национальными конфликтами, экологическими катастрофами и демографическими бедствиями, превратиться в глобальную мировую проблему начала третьего тысячелетия» [1].

Специалисты в области информационных войн любят цитировать изречение древнекитайского военного стратега Сунь-цзы: «Верх искусства — это не выиграть сто битв, а, напротив, покорить армию врага без сражения» [2].

Одним из признанных способов «победить врага без сражения» является использование технологии *скрытого управления сознанием* объекта (в данном случае — противника), иначе называемое манипулированием (манипуляцией).

Манипуляция общественным сознанием, осуществляемая по каналам массовой информации, имеет своей целью *модификацию* (изменение) психологических характеристик (целей, установок, ценностей) человека в интересах субъекта воздействия. Однако это всего лишь промежуточная цель. Конечной целью медиаманипуляторов, за которыми, как правило, стоят влиятельные политические силы, а порой и информационно-пропагандистские аппараты целых государств, является *программирование поведения* людей (населения своей страны или страны-противника) в заданном направлении.

Манипуляция — это «преднамеренное и скрытое побуждение другого человека к переживанию определённых состояний, принятию решений и выполнению действий, необходимых для достиже-

---

[1] Грачев Г.В. Личность и общество: информационно-психологическая безопасность и психологическая защита. М. : ПЕР СЭ, 2003. С. 63.

[2] Цит. по: Грачев Г.В. Личность и общество: информационно-психологическая безопасность и психологическая защита. С. 73.

ния инициатором собственных целей. Таким образом, цель манипулятора — заставить человека сделать что-то нужное манипулятору, но так, чтобы человеку казалось, что он сам решил это сделать, причём принял это решение не под угрозой наказания, а по своей доброй воле» [3]. Ключевое звено манипуляции — *иллюзия самостоятельно принятого решения*.

Использование различных *манипулятивных приёмов, методов, техник и технологий*, то есть скрытого принуждения людей, широко практикуется в современных информационных войнах. Сами эти понятия, в значительной мере синонимичные, могут различаться лишь кратковременностью и долговременностью применения, а также широтой спектра способов манипулятивного воздействия.

Как отмечает один из наиболее крупных отечественных специалистов в изучаемой области Георгий Грачев, «в качестве субъектов и объектов манипулирования могут выступать не только отдельные личности, но и социальные субъекты различного уровня сложности — от малых групп и организаций до высшего политического руководства страны, населения одной или нескольких стран» [4].

В основе теории медиаманипулирования лежит несколько классических трудов. Среди них «Психология толп» Г. Лебона, «Манипулируемый человек» Г. Франке, «Человек-манипулятор» Г. Шиллера.

В практику информационно-психологической борьбы вошла так называемая «Азбука пропаганды», включающая *семь основных приёмов манипулятивного воздействия*, которые были предложены ещё в конце 30-х годов XX века Институтом анализа пропаганды США [5]. Они продолжают активно использоваться и в современных СМИ.

Приём 1. Приклеивание (навешивание) ярлыков

Этот приём характеризуется вызывающе-оскорбительной, запоминающейся словесной оболочкой, заключающей в себе негативное содержание («империя зла», «кровавый диктатор» и т. п.). Так, «империей зла», которую следует разрушить, назвал СССР Президент США Рональд Рейган. «Кровавыми диктаторами» всё в тех же США были объявлены позднее Слободан Милошевич, Саддам Хусейн, Муамар Каддафи, затем последовало уничтожение их государств — и в конечном счёте их самих. «Ватниками» и «колорадами» (по цвету Георгиевской ленты) называют в радикальных украинских СМИ ополченцев Донбасса, а нередко и всех россиян.

---

[3] Сидоренко Е. Тренинг влияния и противостояния влиянию. СПб. : Речь, 2004. С. 49.

[4] Грачев Г.В. Личность и общество: информационно-психологическая безопасность и психологическая защита. С. 286.

[5] См.: Техника дезинформации и обмана / под ред. Я.Н. Засурского. М. : Мысль, 1978.

Приём 2. «Сияющие обобщения», или «блистательная неопределённость»

Приём основан на использовании, как правило, абстрактных понятий, наполненных позитивным психоэмоциональным содержанием («свобода», «демократия», «мир», «счастье», «содружество» и. т. п.). Приём применяется для проталкивания и получения массовой поддержки политических действий, выгодных для определённых политических сил в лице деятелей, организаций и целых государств.

Примером может являться концепция *«Общеевропейского дома»*, применявшаяся при создании Евросоюза (слово «дом» в массовом сознании имеет положительную коннотацию, ассоциирующуюся с представлениями о комфортной, защищённой, безопасной среде).

В 2000-е годы вариант этого приёма широко использовался в целях внедрения в массовое сознание населения стран с неугодными для США политическими режимами позитивного образа демократических перемен, вылившихся в результате в разрушительные «цветные революции» («революция роз» в Грузии, «революция тюльпанов» в Киргизии, «Арабская весна» на Ближнем Востоке и т. п.).

Приём «сияющих обобщений» используется оппозиционными силами и в названии протестных акций для привлечения большего числа сторонников путём воздействия на нравственные установки людей, на их стремление к солидарным действиям: «Марш миллионов» (на самом деле в реальности число участников данной акции на Болотной площади в декабре 2011 г. не превысило 20 тыс.); организованный либералами «Марш против подлецов» (акция против российских законодателей, поддержавших так называемый «Закон Димы Яковлева», запрещавший усыновление российских детей представителями зарубежных государств, поскольку имели место факты насилия над детьми с летальным исходом); «Марш равенства» (акция движения ЛГБТ); «Марш против ненависти» (реальной подоплёкой этой акции либеральной оппозиции являлось неприятие растущих патриотических настроений в российском обществе).

Приём 3. Перенос, или «трансфер»

Приём основан на ассоциативных связях позитивного и негативного характера в целях укрепления положительного имиджа или дискредитации того или иного политика, положительной или отрицательной интерпретации политического события на основе имеющихся исторических прецедентов.

Так, когда в Чили после свержения законно избранного Президента Сальвадора Альенде, погибшего с оружием в руках, защищая народные права, власть узурпировал фашистский режим во главе с генералом Пиночетом, превратившим стадионы в концла-

геря для уничтожения несогласных, в советской и мировой демократической прессе Пиночета стали называть «чилийским Гитлером». В дальнейшем уже само слово «Пиночет» превратилось в имя нарицательное, олицетворявшее жестокого тирана, палача демократических свобод. Например, после событий октября 1993 года в российской коммунистической прессе с Пиночетом нередко ассоциировали Президента Б. Ельцина, отдавшего приказ о расстреле российского парламента.

В политической публицистике приём «переноса» на основе прецедентных феноменов исторического характера [6] используется достаточно часто: образ хитрого и умного политика, пренебрегающего моралью во имя политической выгоды, будет ассоциироваться с Николо Макиавелли [7], политический провал какого-либо мирового деятеля назовут «Ватерлоо», мятеж несогласных — «Вандеей» и т. д.

Приём 4. Ссылка на авторитеты

Приём основан на привлечении суждений известных деятелей политики, культуры, науки, военного дела с целью формирования положительного или отрицательного отношения массовой аудитории к некой важной для субъекта воздействия проблеме. При этом обязательно учитываются особенности целевой аудитории. Ссылка на высказывания известных и уважаемых в той или иной аудитории людей может оказать серьёзное морально-психологическое влияние, побудить к определённым действиям. Например, в среде верующих — ссылка на мнение известного религиозного деятеля, в среде молодёжи — на мнение популярного рок-музыканта, в среде коммунистов — на мнение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, в разных аудиториях — на мнения известных политиков и экономистов (Евг. Примаков, С. Глазьев), руководителя государства (В. Путин), уважаемых писателей и учёных (Д. Лихачёв, В. Распутин), прославленных полководцев (А. Суворов, Г. Жуков), лидеров либерального крыла (Е. Гайдар).

Есть «лидеры общественного мнения», «неформальные лидеры». Опираясь на них как модераторов определённых политических взглядов, СМИ транслируют в обществе те или иные настроения.

Иногда приём «авторитетных ссылок» используется в ложных целях. Например, в недавние годы муссировалось суждение, приписываемое М.Е. Салтыкову-Щедрину: «Патриотизм — последнее прибежище негодяев» (его, в частности, цитировали в своих программах и известный телеобозреватель В. Познер, и министр-

---

[6] См. подробнее: Семкин М.А. Политический комментарий: механизмы манипулятивности. Рязань : ИП Коняхин А.В., 2016. С. 92–93.

[7] См. там же. С. 93.

шоумен М. Швыдкой). На самом деле, источником этого искажённого по смыслу и форме высказывания является английский литературный критик и поэт эпохи Просвещения Сэмюэл Джонсон: «Негодяй, чтобы скрыть свои плохие дела, нередко прибегает к патриотической риторике». Речь в источнике данной цитаты идет, как видим, совсем о другом: о лицемерной маскировке негодяя, скрывающей его истинную подлую сущность, а отнюдь не о дискредитации высокого понятия «патриотизм».

К этому приёму примыкает ссылка на авторитетные, но обобщённые (неопределённые) источники: «по мнению специалистов», «по сведениям учёных», «как считают эксперты (аналитики)» и т. п. Такие ссылки, если они не подтверждены конкретными фактами, предоставляют недобросовестным журналистам широкое поле для манипуляций, поскольку в уста неназванных «специалистов» авторы публикации могут вложить любую требуемую информацию. Не случайно подобный способ отсылок называют ещё «приёмом размытого источника» [8].

К *ссылкам на авторитетные источники* относятся и данные социологических опросов. Их применение, особенно во время избирательных кампаний, может носить манипулятивный характер. Если электорату ежедневно внушают, что, по данным предварительных опросов, абсолютное большинство избирателей выступает за конкретного политического деятеля (политическую силу), то те, кто имеет другое мнение, либо решат поступить «как все» (эффект, называемый медиапсихологами ***«спиралью молчания»*** [9]), либо «проголосуют ногами», исходя из внушённой установки, что «всё равно ничего не изменишь», — такая позиция в любом случае сыграет на руку инициаторам предвыборных манипуляций.

Приём 5. «Свои ребята», или «игра в простонародность»

Данный приём чаще всего применяется в ходе избирательных кампаний, когда нужно заручиться поддержкой основной, не элитарной части электората — рядового избирателя. Цель приёма — установление доверительных, «свойских» отношений с аудиторией, акцентирование тех фактов из биографии кандидата на выборную должность, которые сближают его с народной массой. Образ «человека из народа», добившегося всего в жизни самостоятельно, всегда находит поддержку у массового избирателя, а СМИ, поддерживая искусственно созданные имиджи политиков, превращают журналистику в самый настоящий «пиар», в политическую рекламу.

---

[8] Вирен Г. Современные медиа. Приемы информационных войн : учеб. пособие. М. : Аспект Пресс, 2016. С. 77.

[9] Соловей В. Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования. М. : Э, 2015. С. 75–78.

Приём 6. «Перетасовка», или «подтасовка карт»

Данный приём в отечественной практике чаще называют «подтасовкой фактов». Реальные факты при этом выдёргиваются из более широкого контекста и тенденциозно выстраиваются в зависимости от цели манипулятора — положительной или отрицательной оценки объекта.

В современных условиях, особенно на телевидении, этот приём используется весьма часто при освещении военных конфликтов. Возникший на его основе способ телевизионной фальсификации можно назвать *приёмом «подмены контента»*, когда кадры, снятые в другое время и в другом месте, выдают за имеющие непосредственное отношение ко времени репортажной съёмки. Этот крайне недобросовестный приём, искажающий реальную картину событий, но призванный произвести массовый психологический эффект, использовался во время войны в Грузии, применяется СМИ Украины при показе вооружённых конфликтов на границе с ДНР и ЛНР, а также не гнушаются им и глобальные СМИ в освещении антитеррористической операции, которую ведут российские Воздушно-космические силы в Сирии. Во всех случаях объектом фальсификации фактов является Россия.

Приём «подмены контента» как новейший вариант давно известной манипулятивной технологии подтасовки фактов использовался CNN во время грузино-южноосетинской войны (август 2008 г.), когда кадры грузинского обстрела столицы Южной Осетии Цхинвала выдавали за российский обстрел столицы Грузии Тбилиси. Совсем уже курьёзным, но от этого не менее опасным с точки зрения манипулятивного воздействия явился сюжет украинского телеканала «Эспрессо.tv», рассказывающий об опустевших крымских прилавках как якобы печальном следствии воссоединения с Россией в 2014 году, в то время как в качестве доказательств приводились фотографии, сделанные в США во время урагана «Сэнди» в 2012 году.

Приём «подмены контента» превращается в прямой «информационный подлог», когда западные СМИ транслируют фальсифицированные кадры «варварских бомбардировок» российскими военными лётчиками мирных объектов в Сирии с ранеными детьми. С неоднократным разоблачением таких злонамеренных подделок выступал военный корреспондент канала «Россия» Евгений Поддубный, работающий в Сирии.

Приём 7. «Общий вагон», «общая платформа» или «фургон с оркестром»

Этот приём основан на естественном желании многих людей быть причастными к большинству. В ходе применения данного приёма на практике в медиасообщении используются такие,

например, обобщающие конструкции, как: «Всем давно известно, что…», «Ни один порядочный человек не возразит, что…», «Все нормальные люди не могут не понимать, что…».

Подобная «апелляция ко всем», к тому же комплиментарно характеризующая уровень интеллекта, нравственных достоинств, поведенческой адекватности абсолютного большинства людей, невольно влияет на подсознание, на самоуважение объекта и «втягивает» его в нужное манипулятору сообщество, обеспечивая необходимую поддержку.

В манипулятивных целях используются и так называемые ***аргументативные приёмы***, нацеленные на изменение позиций объекта воздействия [10].

Общеизвестно, что именно в американской медиалогии появилась в своё время концепция СМИ как «привратников» информационного процесса, иначе говоря, «регулировщиков» медиамагистралей, определяющих, какой информации дать «зелёный свет», а какую притормозить. Практика показывает, что «гейткиперы» (привратники) глобальных, то есть в большинстве своём американских и проамериканских СМИ и социальных сетей вроде «Фейсбука», исправно несут свою службу.

«Нарушения свободы слова детищем Цукерберга обсуждаются не один год, — подчеркивает “Литературная газета”. — Однако критика политики “Фейсбука” исходит от пострадавших, а вот голосов традиционных блюстителей “демократических принципов” — “Мемориалов”, “Хельсинкских групп” и прочих правозащитников — не слыхать. <…> Сегодня можно утверждать, что практика цензуры в “Фейсбуке” укоренилась и принимает зловещие формы. И в этой связи государство должно искать механизмы воздействия на глобалистские интернет-ресурсы». Автор делает обоснованный вывод: «Тезис о “невозможности контролировать Сеть” представляется манипуляцией. Американцы преуспели на этом поприще, а значит и Россия должна всерьёз задуматься об интернет-суверенитете» [11].

Согласно аналитическому исследованию, проведённому известным политологом В.Ю. Катасоновым, всю сферу медийного бизнеса США контролируют всего лишь пять мегакорпораций — гигантских медиахолдингов (“Time Warner”, “News Corporation”, “The Walt Disney Company”, “Viacom/CBS Corporation”, “Compast”). Под контролем каждой из этих сверхмонополий находятся, в свою очередь, сотни СМИ и других предприятий медиабизнеса. Однако никакого политического разномыслия между ними в отношении России нет: «Достаточно проследить за информационными сооб-

---

[10] См.: Семкин М.А. Актуальные термины политической лингвистики : слов. совр. медиа. М. : Форум, 2015. С. 10–17.

[11] Скипин Э. Цензор Цукерберг // Литературная газета. 2016, 26 окт. – 1 нояб. № 42 (6572). С. 2.

щениями о событиях на Украине, чтобы убедиться, что все они врут одинаково. Это наводит на мысль о том, что над пятью медийными холдингами США есть своё “политбюро”, которое даёт всем медийным магнатам установки о том, что говорить, писать и показывать» [12]. Тем самым реализуется задача управления общественным мнением глобального уровня. Важно иметь в виду и тот факт, что их влияние распространяется далеко за пределы Америки: «Они являются американскими лишь по юрисдикции своих головных (материнских) структур. Многие из конгломератов имеют своих “дочек” и филиалы в разных частях света» [13].

Очевидно, что «виртуальное око» старшего американского «брата», в точности по Дж. Оруэллу, контролирует территории в разных концах света, и Украина — не исключение.

Однако американская медиаполитическая машина ставит своей целью не только тотальный контроль глобальной инфосферы, но и насаждение системы *троллинга* — внедрение негативных интернет-активистов, призванных создавать иллюзию общественного мнения, выгодного Америке.

Анализ освещения современных политических событий в глобальных СМИ показывает, что наиболее популярными и эффективными приёмами информационной войны являются приведённые ниже их характеристики.

Информационный вброс — внедрение в информационное поле резонансной информации с расчётом на определённую целевую аудиторию.

В качестве наиболее эффективных приёмов различают *вброс от имени авторитетного источника и массовый информационный вброс* (иначе — информационный «посев»).

В качестве примера «авторитетного» информационного вброса можно привести эпизод, послуживший поводом развязывания США масштабной войны против Ирака и его лидера Саддама Хусейна. В данном случае в качестве «авторитетного источника» выступил Колин Пауэлл, генерал армии США, Государственный секретарь в период первого срока президентства Джорджа Буша-младшего, продемонстрировавший мировой общественности некую колбу с неизвестным порошком — якобы «химическим оружием». Западное общественное мнение с доверием восприняло эту информацию (попросту говоря, «утку») и поддержало агрессию США как акт «справедливого возмездия против угроз тоталитарного иракского режима».

Массовый информационный вброс, как правило, одной и той же информации (так называемый *«посев»*) осуществляется на тех-

---

[12] Катасонов В.Ю. Информационная война против России: откуда исходят удары // Русский вестник. 2015. № 6. С. 4.

[13] Там же.

нологически более сложной основе, с применением фальшивых визуальных псевдо-сущностей (ботов и троллей).

Окно Овертона. Автор технологии — американский электроинженер и юрист, вице-президент Маккинакского центра публичной политики Джозеф Овертон (1960–2003). Полное название приёма — «окно возможностей Овертона». Речь идёт о постепенном, медленном, пошаговом сдвиге общественного мнения от категорического неприятия до терпимого, приемлемого и, наконец, общепринятого мнения, узаконенного официальным политическим курсом. Например, когда в Советском Союзе начиналась перестройка, население страны рассчитывало на то, что она станет новым, усовершенствованным вариантом развитого социализма с бóльшим спектром возможностей, прав и свобод. Если бы в 1985–1986 годах кем-то из руководства страны было сказано, что через 5 лет все завоевания социализма будут уничтожены и на смену ему придёт капиталистический строй, советские граждане категорически отвергли бы эту мысль как немыслимую и чудовищную. Однако шаг за шагом, с помощью изощрённого информационно-психологического воздействия, политико-экономических и иных мер, политического предательства и подкупа элит определённая часть общества проявляла всё большую лояльность к перспективам рыночной экономики, «сползая» с позиций социалистической идеологии. В итоге идея необратимости движения социалистического общества к коммунизму была выброшена на свалку, произошла самая настоящая буржуазная контрреволюция и граждане России неожиданно для самих себя оказались в жёстких объятиях самого хищнического «бандитского» капитализма.

О том, как может проявлять себя «окно Овертона», свидетельствуют и другие примеры.

Так, ещё на рубеже XIX–XX веков гомосексуальные отношения законодательно преследовались в Западной Европе (вспомним печальную судьбу выдающегося английского поэта и драматурга Оскара Уайльда, заключённого в тюрьму по данной статье). Постепенно свободные нравы художественных и медийных элит, подкреплённые борьбой за «права человека», за «свободу меньшинств», проникли и в политические круги, и в бизнес-среду. Дело дошло до юридической легализации однополых браков с разрешением воспитывать детей в однополых семьях, где отца и мать заменили «родитель № 1» и «родитель № 2». Тщательно скрываемая ранее гомосексуальность стала сегодня чуть ли не делом престижа для западноевропейской политической элиты, как, впрочем, и для американского истэблишмента. Не случайно на известной коллективной фотографии в кругу «первых леди» Европы можно увидеть единственного (пока ещё) мужчину в качестве «первой леди» главы государства Люксембург.

Использование виртуальных псевдосущностей. Возможность выступать под разными «никами» (именами или псевдоименами), создавать различные аккаунты в Интернете послужила основой для массового тиражирования виртуальных псевдоличностей, выдаваемых за людей. С их помощью можно создать видимость массовой поддержки и массового протеста, представить на основе фальшивых аккаунтов общественное мнение, подкреплённое многочисленными интернет-петициями «за» или «против» чего-либо или кого-либо, применить технику «подставной дискуссии». Распространителей искусственного информационного контента называют «ботами» или «троллями», а также «фейковыми личностями», «суррогатами», «виртуалами», «фантомами», «симулякрами». Чтобы их действия воспринимались как правдоподобные, нужно, чтобы они были абсолютно похожи на живых людей, имели свой внешний облик, легендированную биографию, друзей по Интернету, привычки, стиль поведения и речи.

Организаторам информационных войн такой «товар» необходим в больших количествах, и законы рынка обеспечивают неуклонно растущий спрос соответствующим предложением.

Исследователь теории и практики информационных войн И.Ю. Нежданов обращает внимание на то, что в Интернете существуют целые «биржи» фейковых аккаунтов, где предметом купли-продажи являются готовые аккаунты (одиночные, групповые, массовые): «Исполнители создают “суррогата”, наполняют его контентом, “прокачивают” его, создавая иллюзию большого числа “друзей”, высокой активности, вхожести в нужные группы и т. д. Подгоняют, если нужно, суррогата под требования заказчика (социальные особенности, предпочтения, стиль поведения) и продают заказчику, который уже использует таких суррогатов по своему усмотрению» [14]. Кроме *«бирж аккаунтов»*, отмечает автор, в Интернете широко рапространены и «биржи комментов» (комментариев). «Это площадки, где можно заказать определённые комментарии в определённых сервисах (соцсетях, блогах, форумах), указав параметры ввода темы, тональности и т. п., и оплатить услугу. Таким образом, можно создать иллюзию того, что определённая тема активно обсуждается людьми (репостится, комментируется, лайкается, распространяется)» [15].

Использование интернет-вирусов. Использование деструктивных вирусных программ — ещё одно направление информационных войн в Интернете. Особенно распространены так называемые *«трояны»* — небольшие паразитические программы,

---

[14] Нежданов И.Ю. Технологии информационных войн в Интернете. М., 2014. С. 56. URL : https://yandex.ru/search/?lr=11&msid=1516007186.93678.22894.17829&text (дата обращения: 18 март. 2018)

[15] Там же.

осуществляющие информационные атаки (в виде публикаций необходимого для манипулятора контента) от имени аккаунта обычного пользователя, на устройстве которого «подселяется» и «живёт» вирус. В этом случае пользователь сам нередко становится «жертвой» манипуляции, не замечая произошедшей подмены.

Серьёзный вред в ходе информационных войн способны принести и *суррогатные «черви»*. Получив доступ к контактным данным «жертвы», этот вирус осуществляет запрограммированные действия (в том числе распространение деструктивного контента) по всем контактам этого пользователя, а также на другие компьютеры.

Техника подставных дискуссий. Когда нужно создать иллюзию актуальности той или иной темы, якобы вызывающей массовый интерес и поэтому требующей особого внимания либо со стороны оппонента, либо лиц, принимающих и готовящих решения, широко используется техника «подставных» (фейковых, фальшивых, искусственно организованных) дискуссий. Её участниками чаще всего являются тролли и боты, либо, наряду с ними, обычные пользователи. Такая дискуссия может представлять собой искусственно организованный полилог (спор) нескольких участников, по-разному высказывающих в конечном итоге одинаковую позицию, выгодную манипулятору. В результате возникает видимость столкновения разных мнений. Ещё эффективнее, по мнению экспертов, является диалог двух «ников», якобы не рассчитанный на внимание «третьих» и иных лиц. Манипулятивный эффект от такого диалога для третьей, не вмешивающейся в дискуссию стороны, но как бы случайно «подслушивающей» доводы псевдоспорщиков, оказывается весьма сильным, так как создаёт впечатление неангажированности, искренности, отсутствия пропагандистской заданности и тем самым вызывает у наблюдающих за таким разговором со стороны больше доверия.

Приём «информационного подлога», или «подмены контента». Визуальные эффекты в Интернете, используемые как средства информационной войны, отличаются особой степенью психологического воздействия. Зная об этом, недобросовестные манипуляторы нередко используют приём *информационного подлога*. В этом случае в Интернете размещаются фотографии с одних мест событий, а выдаются (с помощью подписей) за события, происходившие совсем в другом месте и в другое время.

Так, украинской стороной было размещено коллективное фотоизображение нескончаемой очереди, состоявшей из людей, в том числе с детьми, с выражением крайнего отчаяния и подавленности на лицах. Подпись гласила: «В Херсонской области крымских беженцев будут размещать на базах отдыха». Организаторам этого

фотосюжета было важно показать жителей Крыма несчастными, бегущими на «ридну» Украину от агрессивной России, якобы «аннексировавшей», по версии украинских политиков и СМИ, чужую территорию, а также важно было показать, что украинские власти проявляют «добрую волю» и принимают «несчастных» крымчан в свои объятия, помогают им обустраиваться.

На самом деле на фото были изображены события, произошедшие задолго до этого в Югославии — македонские беженцы спасаются от агрессивных намерений косоваров (косовских албанцев, поддерживаемых США).

Другой вопиющий пример. Обвинив ополченцев Новороссии и чуть ли не саму Россию в трагедии со сбитым в июле 2014 года малайзийским «боингом» в небе над Донбассом и не допустив российских экспертов к расследованию, западные СМИ применяли для своих фальшивых доказательств снимки, взятые из компьютерных игр (!).

Приём «фиксации на авторитетах». Данный приём разработан специалистами в области «психологии влияния». Ещё в 1950-х годах американский учёный Поль Лазерфельд разработал модель двухступенчатого потока информации и соответственно — двухступенчатого пропагандистского процесса. Первая ступень — это взаимодействие источника информации с лидерами общественного мнения — медиаторами, наиболее авторитетными в разных социальных и профессиональных средах людьми. Вторая ступень «коммуникации влияния» — это взаимодействие «лидеров мнения» с близкими им микросоциальными группами.

В данной модели информационного воздействия особая роль принадлежит лидерам общественного мнения, которые выступают в роли медиаторов, то есть посредников. Для разных социальных групп медиаторами могут быть политики, учёные, военные специалисты, духовные наставники, неформальные лидеры, деятели культуры и искусства, успешные спортсмены — главное, чтобы у «своей» аудитории они пользовались максимальным авторитетом.

«Американские специалисты считают: чтобы сформировать мнение широкой аудитории по какому-либо вопросу, достаточно обработать всего лишь 10 % её членов — лидеров мнения (медиаторов), которые и протранслируют сообщение на массовый уровень» [16].

Приём «односторонней перспективы». Данный приём нацелен на тенденциозное освещение событий, выгодное лишь одной стороне. Чаще всего этот приём используется для создания нужной информационной картины военных действий.

---

[16] Цит. по: Сороченко В. Энциклопедия методов пропаганды. С. 14. URL : http://www.ruskolan.com/book/propaganda.pdf (дата обращения: 18 марта 2018)

Эксперты утверждают, что во время югославского конфликта (1998 г.) в целях «демонизации» Сербии и её Президента Слободана Милошевича абсолютное большинство (не менее 80 %) сообщений в СМИ западных стран имели негативный характер. Участники другой стороны конфликта — этнические албанцы — освещались в сугубо положительном контексте.

Так, В. Сороченко приводит в своей работе следующие показательные факты: «Майор Т. Коллинз из службы информации армии США признал в феврале 2000 года, что CNN — “оплот мировой демократии и свободы слова” — во время войны активно использовало и оплачивало услуги PR-специалистов американской армии: “Они помогали производить нужную информацию о Косово”. А вот другое признание сотрудника НАТО: “Когда мы знаем, что это сделали сербы, мы говорим, что это сделали сербы. Когда мы не знаем, кто это сделал, мы говорим, что это сделали сербы. А когда мы знаем, что это сделали не сербы, мы говорим, что не знаем, кто это сделал”» (иными словами, намекают на возможное участие в событиях всё тех же сербов. — *О.В.*) [17].

Такой же тенденциозный ракурс «односторонней перспективы» характерен и для сегодняшних реалий информационно-психологической войны американских СМИ против России. У них всегда и во всём виноваты русские. Они усматривают «русский след» и в трагической катастрофе малайзийского «боинга», и в успешном противостоянии бойцов ДНР и ЛНР агрессивным амбициям марионеточной власти Киева и действиям подконтрольных ей ВСУ, и даже в победе Дональда Трампа на президентских выборах в США в 2016 году.

Приём «психологического шока», или «дутой сенсации». Приём «психологического шока» основан на принципе эмоционального резонанса, доведённого до предельного уровня. Эффект от этого приёма связан с тем, что шоковое воздействие на психику ломает все защитные барьеры и способствует беспрепятственному проникновению манипулятивного контекста.

Эксперты утверждают, что «видеоряд, показывающий, например, последствия войны, оказывает сильнейшее воздействие на подсознание и восстанавливает общественное мнение против стороны, совершившей акт разрушения (независимо от того, являются ли справедливыми цели самой войны)» [18].

Не случайно поэтому западные СМИ при освещении так называемых «миротворческих операций» США и их партнёров по НАТО стараются жёстко ограничить показ жертв и разрушений.

---

[17] Цит. по: Сороченко В. Энциклопедия методов пропаганды. С. 16.
[18] Там же. С. 36.

В то же время те же западные СМИ не останавливаются перед откровенной ложью и фальсификацией фактов, придумывая мнимые жертвы, например во время контртеррористической операции России в Сирии против боевиков ИГИЛ.

Приёмы «психологического шока», оказывавшегося, как правило, дутой сенсацией, активно использовали западные СМИ в целях информационной подготовки, мотивирующей дальнейшую агрессию НАТО против Ирака и Югославии. При этом нередко казалось, что они прочно усвоили один из уроков шефа гитлеровской пропаганды Геббельса: «Ложь должна быть чудовищной, чтобы в неё поверили».

Например, во время югославского конфликта 30 марта 1999 года западные СМИ обвинили сербов в том, что они согнали албанцев на футбольный стадион в Приштине вместимостью 25 тыс. человек, чтобы устроить массовую казнь, апеллируя при этом к памяти массовой аудитории о временах чилийского диктатора Пиночета, расстреливавшего тысячи людей на стадионах. Информация, конечно же, оказалась ложью, но опровержения не последовало.

Глава миссии ООН в Косово Б. Кушнер 2 августа 1999 года заявил о том, что найдено 11 тыс. трупов, якобы жертв этнической чистки, осуществлённой сербами. На следующий день он вынужден был между делом сообщить, что факты не подтвердились, но все ли об этом услышали? [19]. Такими поистине варварскими методами велась обработка мирового общественного мнения для оправдания последовавшей вскоре агрессии НАТО, уничтожившей цветущее государство в центре Европы.

Ещё одним примером использования шоковой информации в сочетании с подменой факта является эпизод войны США в Персидском заливе (1990 г.), когда мировые СМИ, словно по команде из единого центра, растиражировали рассказ некоей 15-летней девочки, которая якобы видела, как иракские солдаты вытащили из родильного дома пятнадцать младенцев и положили всех на холодный пол на верную смерть. Имя девочки не сообщалось якобы из соображений её безопасности. Однако Президент США Джордж Буш-старший многократно ссылался на этот эпизод, обсуждали его не единожды и в Сенате. На самом деле это была всего лишь пропагандистская кампания перед запланированным вторжением США в Ирак. И девочка, дочь посла Кувейта, жившая в США, оказалась подставным «свидетелем», и все остальные «очевидцы», как выяснилось, были подготовлены известной PR-фирмой “Hill and Knowlton”. Эффект «психологического шока» был достигнут, агрессия США массовым сознанием была оправдана, и кровопролитная

[19] См.: Сороченко В. Энциклопедия методов пропаганды. С. 35.

война против одного из самых сильных государств с большими запасами ближневосточной нефти, столь нужной США, — началась. Началась согласно циничному замыслу США, поддержанному ангажированными СМИ.

Подобный фейковый сценарий был вновь повторен Соединёнными Штатами Америки вместе с их союзниками Англией и Францией 14 апреля 2018 года. Вначале в глобальные СМИ была вброшена фальшивая информация о химической атаке, якобы предпринятой Президентом Сирии Башаром Асадом против собственного народа, а затем под этим вымышленным от начала до конца предлогом был нанесён удар по Сирии с использованием 103 крылатых ракет. Удар по суверенному государству, без санкции ООН, в нарушение всех норм международного права — точь-в-точь как в случае с Югославией, Ираком и Ливией. И сделано это в тот день, когда эксперты Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО) должны были начать свою миссию по поиску следов химатаки, которой, как убедительно доказала ещё накануне Россия, в принципе не было. Абсурдность, цинизм, вероломство, наглое и агрессивное попрание международных правовых норм, пренебрежительное отношение к авторитету ООН, создание «образа врага» из страны, которая находится на переднем крае борьбы с международным терроризмом, — таков стиль политического поведения ведущих стран НАТО, который иначе, как «бандитским», не назовёшь. При этом изощрённо использован самый широкий спектр технологий и методов ведения информационной войны — от дезинформации и провокации до информационного подлога и «подмены контента».

Приёмы «вербальной войны». В целях информационно-психологического противоборства широко применяются средства языкового манипулирования, или, иначе говоря, «вербальной войны». К ним относится, например, *использование слов-классификаторов*, по-разному характеризующих террористов (в российских СМИ, информирующих об их преступных деяниях, — это, безусловно, «бандиты», «палачи», «убийцы»; в западных медиа — это (до недавнего времени) слова с позитивным, романтизированным ореолом — «повстанцы», «мятежники», «борцы с диктаторским режимом»).

Другой вербальный приём — использование *слов-эвфемизмов и дисфемизмов*. Так, нападение на Югославию США проводили под лживым лозунгом «предотвращения гуманитарной катастрофы», в ходе которой погибли почти 10 тыс. ни в чём не повинных людей. Боевые действия против ДНР и ЛНР официальный Киев называет «антитеррористической операцией — АТО», в то время как со стороны Новороссии эти действия расцениваются не иначе

как война против собственного народа. Если со стороны россиян законное воссоединение России с её историческими землями — Крымом и Севастополем — воспринимается как торжество исторической справедливости, то в западных СМИ этот факт трактуется в сугубо негативном ключе — как «аннексия», «вторжение», «оккупация».

От «вербальной» войны — один шаг к полномасштабной информационной войне. Так, нагнетание *угрожающей, алармистской лексики и фразеологии* привело к созданию надуманного *мифа о «русской угрозе»*, внедрённого через глобальные СМИ в сознание западной аудитории. А это, в свою очередь, привело к разгулу *русофобии*, чреватому не только психологическими, но и военно-политическими последствиями.

Технология создания «образа врага». Данная технология в западных СМИ отточена до совершенства. С этой целью используются все названные выше приёмы — и вот уже от слов переходят к делу: «28 министров иностранных дел стран ЕС на прошлой неделе встретились в Люксембурге, где решительно осудили сирийский режим и Россию за авиаудары по гражданским целям в Алеппо. В принятом заявлении говорится, что эти действия могут быть приравнены к “военным преступлениям”» [20].

Трудно поверить, но именно такой извращённой трактовке подверглись благородные намерения и цели России: покончить с главным центром террористической опасности для всего мира — ИГИЛ — в начале контртеррористической операции России в Сирии. Как можно воспринимать такое поистине чудовищное в своём единомыслии заявление министров иностранных дел 28 стран Европы? Как помрачение «коллективного разума» или верх «политического цинизма»? Россию, спасающую мир от глобальных угроз международного терроризма, обвиняют во всех смертных грехах?! Как это похоже на общепринятую теперь в Европе в рамках пресловутой «политики памяти» оккупационную версию великой освободительной миссии Советского Союза, спасшего мир от фашизма! Но именно так работает сегодня информационно-пропагандистская машина Запада, ввергающая в коллективное безумие не только аудиторию читателей, зрителей, слушателей, но и политиков, обязанных принимать ответственные заявления и решения.

«Манипулирование сознанием — это своеобразное господство над духовным состоянием людей, управление им (сознанием. — *О.В.*) путём навязывания людям соответствующих стереотипов мышления и поведения, выгодных тем, кто осуществляет инфор-

---

[20] Левская К. Образ врага // Версия: общественно-политический еженедельник. 2016, 24–30 нояб. № 41 (566). С. 9.

мационно-психологическое воздействие незаметно для них», — подчёркивает один из ведущих отечественных специалистов в области социальной психологии [21].

Медиаманипулирование — главное орудие информационно-психологических войн. Своевременное распознавание и эффективное противодействие манипулятивным методам и приёмам является важнейшей задачей специалистов в области информационного противоборства.

[21] Крысько В.Г. Словарь-справочник по социальной психологии. СПб. : Питер, 2003. С. 127.

ГЛАВА 10

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОТИВОБОРСТВО В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ УГРОЗ

В условиях обострения глобальной конкуренции и информационно-психологического противоборства, реализации со стороны США политики «управляемого хаоса» в разных концах планеты, создания зоны «турбулентности» на территориях, примыкающих к границам Российской Федерации, более чем актуальной становится задача обеспечения информационной безопасности личности, общества и государства. Информационная безопасность является частью системы национальной безопасности, гарантом её выступает государство.

О том, что проблема обеспечения информационно-психологической безопасности в РФ на рубеже XXI века приобрела значение задачи, жизненно важной для российского социума, говорили многие учёные. Так, известный специалист в этой области Г.В. Грачев писал: «Масштабность и мощность воздействия информационных факторов на психику людей выдвигает обеспечение информационно-психологической безопасности в современных условиях на уровень общенациональной проблемы» [1].

Из открытых источников известно, какие разрушительные задачи ставили перед собой в отношении нашей страны на рубеже XXI века соответствующие ведомства США. Так, основными формами реализации на государственном уровне концепции информационной войны против систем государственной власти и управления страны-противника, то есть прежде всего России, согласно директиве Министерства обороны США TS 3600.1, являлись следующие:

– подрывные и деморализующие пропагандистские действия;

– содействие оппозиционным и диссидентским движениям;

– оказание всестороннего влияния на политическую и культурную жизнь с целью развала национально-государственных устоев и общества;

– проникновение в систему государственного управления и др. [2].

---

[1] Грачев Г.В. Личность и общество: информационно-психологическая безопасность и защита. М. : ПЕР СЭ, 2003. С. 38.

[2] См.: Информационное противоборство в системе национальной безопасности Российской Федерации / ГШ ВС России. М., 1998. С. 6–7.

События, произошедшие в разных странах после принятия данной стратегии, подтвердили её деструктивный характер, усиленный активным применением новейших информационных технологий, в первую очередь интернет-блогов и социальных сетей: «Практически во всех странах, вовлечённых в хаос, информационные технологии становились основными в организации протестных движений. Контроль управляющих серверов Twitter, Hotmail, Facebook, Yahoo даёт неограниченные возможности по реализации новой модели глобальных конфликтов, которые могут управляться и контролироваться извне. Предтечей массовых протестов и демонстраций являются различного рода флэшмобы, в процессе проведения которых проверяются масштаб и управляемость коммуникативных взаимодействий, социальный контингент и т. д.» [3].

Цепная реакция инициированных США «сетевых революций», а по существу гражданских сетевых войн, породившая в первом десятилетии XXI века небывалый эффект «глобальной турбулентности», вынудила правительства целого ряда государств принять меры по укреплению информационной безопасности, в связи с чем на саммите стран-участниц Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в конце 2011 года главным для обсуждения стал именно этот вопрос, по которому была достигнута договорённость об антиреволюционном киберфронте [4].

Главным «театром боевых действий» в ходе современных информационных, «гибридных» войн и «цветных революций» стал Интернет. При этом можно с полным правом утверждать, что предыстория сложившейся ситуации однозначно указывает: все дороги ведут в оборонное ведомство США.

Еще в 1996 году по итогам серьёзных аналитических исследований о специфике конфликтов разных типов в эпоху информационных технологий Пентагон утвердил доктрину информационной войны, в 1998 году — объединённую доктрину войны с помощью информационных операций. Кстати, в том же году заинтересованные ведомства учредили Google. «В 2001 году прозвучал доклад Министерства обороны США, который назывался “Сетецетричное военное искусство”, где Сеть рассматривалась как “эффективная парадигма социальных связей информационного общества”. Именно это определение впоследствии и легло в основу официальной доктрины министерства обороны» [5].

Роль Интернета как эффективной среды формирования «глобального гражданского общества» в интересах США была осознана и американскими спецслужбами. В 1999 году ЦРУ учредило ком-

---

[3] Караджe Т.В. Теория хаоса и технологии внешнего управления // Власть. 2015. № 7. С. 43.

[4] См.: Ильичева Ю.А. СМИ в мобилизационных технологиях: цель, функции, политические последствия : дис. … канд. полит. наук. СПб., 2014. С. 104.

[5] Перетолчин Д. Google как оружие массового поражения // Завтра. 2016, авг. – сент. № 35 (1187). С. 4.

панию In-Q-Tel, целью которой стало наблюдение за интернет-поведением пользователей по всему миру, их контактами и умонастроениями и — как результат — оценка возможностей гражданского сопротивления в смене власти в странах с неугодным Америке политическим режимом. В дальнейшем социальные сети превратились в фактор мощного политического влияния, мобилизации протестных сил, в «драйвер» цветных революций, гражданских сетевых и гибридных войн.

Процесс глобальной деструкции, связанный с деятельностью ведущих социальных сетей, у истоков которых, как теперь выясняется, стояли спецслужбы США, продолжает нарастать.

В условиях угрозы «сетевых» войн и обострения информационного противоборства российские эксперты выражают серьёзную озабоченность сложившейся ситуацией, поскольку большинство серверов, от которых зависит функционирование Всемирной сети, находится на территории США.

Попытки России, Китая и других стран поставить работу Сети под международный контроль, лишив США их монополии на Интернет, предпринимались ещё в 2012 году, когда в Дубае (Объединённые Арабские Эмираты) прошла Всемирная конференция по проблемам международной электросвязи. Однако США и их союзники по НАТО, как и следовало было ожидать, выступили резко против. На эти события тогда же откликнулся публикацией «В доступе отказано» авторитетный американский журнал “Foreign Policy”. В нём отмечалось: «Любой компьютер можно использовать для ведения кибернетической войны. Но можно заключить соглашения о неприменении такого оружия первым, об отказе от его использования против гражданской инфраструктуры и в диверсионных акциях… <…> Россия первой предложила нечто подобное с трибуны ООН в 1990-е годы. Соединённые Штаты выступили против» [6].

Известный российский публицист Вадим Бондарь, процитировавший это издание, убедительно объясняет причины подобного поведения нашего заокеанского «партнёра»: «…глобальные компьютерные сети на данный момент являются мощнейшим элементом тотальной слежки и сбора данных, инструментом влияния, а также оружием, с помощью которого можно в считанные часы организовать всё что угодно — от глобальной или точечной аварийной ситуации до мегапродаж любого вида товаров и услуг, а также панику, протест, эйфорию и любую иную истерию. Причём на территории практически любого суверенного государства. Вспомним кибератаки на иранские ядерные объекты или «стихийные» протесты, запущенные при помощи интернета и мобильной связи в самых разных уголках планеты — от Сирии, Ливии и Египта до

---

[6] Бондарь В. США готовят невидимый смертельно опасный удар по России // Колокол России : сайт. 2016, 19 окт. URL : http://kolokolrussia.ru/orujie/ssha (дата обращения: 22 март. 2018)

Манежной площади в Москве» [7]. В своей статье журналист остро ставит давно назревшую проблему укрепления суверенитета российского сегмента Интернета.

В 2015 году Россия и Китай вновь потребовали, чтобы Интернет перешёл под юрисдикцию ООН, но США опять не согласились с этим законным требованием. В новой редакции Доктрины информационной безопасности РФ, опубликованной в 2016 году, поставлена задача «развития национальной системы управления российским сегментом сети «Интернет» при ведущей роли государства в этом процессе» [8].

Наконец, 1 октября 2016 года контроль над Всемирной сетью перешёл к международной корпорации ICANN. Означает ли это, что Интернет с этого момента будет регулироваться мировым сообществом? Вряд ли. Ведь известно участие ICANN в политических играх, в частности, в антикрымской кампании, удалении доменов, зарегистрированных на физических и юридических лиц, находящихся в Республике Крым.

Поэтому вполне естественным воспринимается скепсис российских журналистов. Так, публицист Станислав Смагин в своей авторской колонке в газете «Культура» высказывается следующим образом: «Америку сместили с поста верховного сетевого жреца де-юре, но сделать это де-факто будет гораздо сложнее. Ведь однажды что-либо сцапав, США “своё” так просто не отдают. <…> С чего же тогда такая уступчивость? А нет никакой уступчивости. <…> Корпорация ICANN и новая структура, взявшая на себя функции управления, по-прежнему находятся в американской юрисдикции. <…> Так что, положительно оценивая юридический выход Сети из-под американского протектората, нужно всё же понимать: внешне революционные изменения… на самом деле могут лишь маскировать новую, более гибкую, утонченную и многоступенчатую стратегию американского влияния» [9].

Журналист указывает на известные прецеденты: «Мы уже убедились в крайней степени закрепощения формально независимых международных надгосударственных структур — от ООН до МОК. Закрепощения со стороны коллективного Запада во главе как раз с Вашингтоном. Мы видели и другое: как Facebook, входящий в число главных сегментов нынешнего интернета, формально совершенно частный и ни с какими государствами не связанный, но созданный и возглавляемый американским гражданином Цукербергом, стал мощным орудием информационной войны против России» [10].

---

[7] Бондарь В. Готов к труду и кибероборонe // Культура. 2014, 26 сент. – 2 окт. № 33. С. 7.

[8] Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ № 646 от 05 дек. 2016 г.). URL : www.scrf.gov.ru/documents/6/135.html (дата обращения: 22 март. 2018)

[9] Смагин С. С Гудзона выдачи net // Культура. 2016, 7–13 окт. № 36. С. 9.

[10] Там же.

О том, что Facebook, функционирующий с 2004 года, является проектом ЦРУ, свидетельствуют и другие публикации. Об этом сообщили и новостные сайты Интернета, и газеты. Так, еженедельник «Аргументы недели» опубликовал материал журналиста А. Кондрашова, из которого следует, что американский бизнесмен Пол Челья, «будучи причастным к созданию “Фейсбука” на ранних этапах, имеет доказательства того, что в стартап Цукерберга активно вкладывался венчурный фонд In-Q-Tel, созданный ЦРУ (о компании In-Q-Tel уже говорилось выше. — *О.В.*). Слухи о том, что «Фейсбук» и его создатель получили стартовый капитал от ЦРУ, ходили давно. Теперь редакция Bloomberg опубликовала их, что дало повод новому витку скандала» [11]. Систему тотальной слежки, осуществляемой в Интернете спецслужбами США (не только ЦРУ, но и АНБ и ФБР, которое недавно создало спецподразделение для мониторинга социальных сетей), журналист Александр Кондрашов метко называет «электронным концлагерем». Ссылаясь на данные влиятельной газеты “The Daily Mail”, он отмечает: «В связи с новыми разоблачениями интернет-пользователи во всём мире начали удалять свои аккаунты из социальных сетей “Фейсбук” и “Твиттер”. По меньшей мере 11 млн британцев и американцев избавились от своих страниц в соцсетях» [12].

Новая Стратегия национальной безопасности США, утвержденная 6 февраля 2015 года, свидетельствует о дальнейшем наращивании экспансионистских планов Америки. Это подтверждают её основные положения, цитируемые российскими политологами без купюр:

– «Мы демонстрируем за рубежом, что готовы действовать в одностороннем порядке».

– «Нас объединяет общенациональная уверенность в том, что глобальное лидерство Америки остаётся непреложным. Мы признаём свою исключительную роль и ответственность».

– «Мы мобилизовали и возглавили международные усилия по наказанию России и противодействию её агрессии».

– «Мы будем лидировать с позиции силы. Мы обладаем непревзойденной мощью. Однако американская исключительность зиждется не только на силе нашего оружия и экономики. Прежде всего это продукт наших основополагающих ценностей».

– «Для сохранения нашего устойчивого лидерства нам необходимо сформировать контуры нового мирового экономического порядка, который будет и впредь отражать наши интересы и ценности» [13].

---

[11] Кондрашов А. «Фейсбук» — находка для агента. Как спецслужбы используют социальные сети // Аргументы недели. 2016, 15 сент. № 36 (527). С. 23.

[12] Там же.

[13] Белозеров В.К. Стратегия национальной безопасности США как новый манифест глобальной гегемонии // Власть. 2015. № 4. С. 19.

Комментируя данный документ, российские политологи обращают особое внимание на его отчётливую антироссийскую направленность, выразившуюся, в частности, в следующем тезисе: «Мы будем также наращивать издержки для России посредством санкций и прочих мер, противопоставляя лживой московской пропаганде ничем не приукрашенную правду. Мы будем сдерживать российскую агрессию, бдительно наблюдая за её стратегическим потенциалом, а при необходимости поможем в перспективе нашим союзникам и партнёрам противостоять российскому принуждению» [14].

Изучая стратегический документ США, нельзя не согласиться с мнением другого ведущего политолога И.А. Крыловой: «Россия уже одним фактом своего существования воспринимается на Западе в качестве серьёзного геополитического вызова, а геополитическое уничтожение Российской Федерации является в конечном итоге важнейшей стратегической целью». При этом «в рамках стратегии Запада по геополитическому уничтожению России вырабатываются комплексы мероприятий как международного, так и внутрироссийского плана. <…> Известно, что для создания среди российской элиты своей «пятой колонны» США выделяют до 10 млрд долл. в год» [15].

Ожидавшиеся изменения внешней политики США по отношению к России в связи с победой Дональда Трампа пока не позволяют надеяться на позитивные перемены. Надуманная тема «русских хакеров», якобы повлиявших на исход президентских выборов в США, напротив, усилила конфликтный потенциал российско-американских отношений. Масштабная кампания против участия российских спортсменов в зимней Олимпиаде-2018 в Пхёнчхане, искусственно подогреваемая «антидопинговыми» мотивами, свидетельствует о том, что информационно-психологическая война «коллективного Запада» против России распространилась на новую — спортивную сферу, задействуя при этом все глобальные информационные каналы для подрыва моральной репутации России как великой спортивной державы.

Сегодня как никогда важно исходить из того, что манипулятивный потенциал современных СМИ чрезвычайно высок. Усиленный мобилизационными возможностями социальных сетей, он способен решать глобальные политические задачи, реализовывать любые деструктивные цели. Нельзя забывать, что, «набирая многомиллионные аудитории, социальные сети превратились в когнитивное, информационное и организационное оружие»[16].

---

[14] Белозеров В.К. Стратегия национальной безопасности США как новый манифест глобальной гегемонии. С. 19.

[15] Крылова И.А. Россия в условиях глобализации: новые угрозы // Философские науки. 2016. № 4. С. 39–40.

[16] Пономарёва Е.Г., Рудова Г.А. «Мягкая сила» как интегративный ресурс России в евразийском пространстве // Обозреватель — Observer. 2015. № 11. С. 65.

Современное общество должно осознавать: гуманистически ориентированные, социально ответственные СМИ, безусловно, способствуют общественному благу и социальному прогрессу; явные и тайные адепты медиакратии, напротив, взрывают изнутри основы демократии, несут угрозу не только отдельным государствам, но и человечеству в целом. Поэтому так важно сохранять исходные родовые свойства средств массовой информации и их главную миссию — быть общественной трибуной и незаменимым каналом широкого социального диалога, а не орудием провокаций и войн.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

МЕНТАЛЬНЫЙ РЕСУРС НАЦИИ КАК ФАКТОР ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Понятие *«ментальный ресурс нации»* пока ещё не вошло в широкий научный и общественно-политический оборот. Тем не менее, понимание того, что Россия и народ России на очередном поворотном этапе исторического развития переживают исторически значимый *ментальный переход* к новому качеству общественного сознания, побуждает к серьёзному осмыслению крупномасштабных *ментальных сдвигов*.

Воссоединение России с её историческими землями — Крымом и Севастополем — стало точкой отсчёта нового внешнеполитического курса нашей страны, направленного на возвращение ей статуса великой державы, способной играть самостоятельную роль на мировой арене. Возглавив борьбу международного сообщества с глобальным террористическим монстром во главе с ИГИЛ (ныне «ИГ» — «Исламское государство»), Россия вновь оказалась на высоте своей исторической миссии, завещанной ей её великими мыслителями, писателями, пророками, — быть гарантом не только индивидуального, но и всеобщего духовного спасения. Общенациональный патриотический подъём пробудил к новому созидательному жизнеустройству всю энергосистему нации, вызвал к жизни её былую пассионарность.

Однако, как отмечал видный отечественный философ и политолог А.С. Панарин, «в истории мы неоднократно наблюдаем, как преобразовательная воля иссякала, наталкиваясь на скрытые социокультурные барьеры» [1].

Что же нужно делать, чтобы этого не произошло? При каких условиях ментальный ресурс способен стать реальным «ресурсом развития»? Только тогда и только в том случае, если он будет опираться на *национальный ценностный базис.* Ведь не секрет, что и в эпоху рыночной экспансии дух стяжательства и индивидуализма был отвергнут миллионами жителей России. «Ментальное ядро» национального сознания не подверглось разрушению, сохранив такие устойчивые черты нашего менталитета, как стремление к социальной справедливости, способность к бескорыстному подвижничеству, готовность подчинять личные интересы общим и терпеть суровые лишения ради большой осознанной цели, гла-

[1] Панарин А.С. Процесс модернизации и менталитет: из материалов круглого стола «Российская ментальность» // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 70.

венство духовных ценностей над материальными, коллективистские установки поведения, берущие начало в соборности, артельности, общинности национального духа. Призывы псевдолиберальной элиты к быстрой «смене ментальности» (с «советской» на «новорусскую») с треском провалились, натолкнувшись на естественную реакцию сопротивления устойчивого «ментального ядра» нашего народа нарастающим глобализационным процессам с их тенденцией к «поглощению» всякой национальной самобытности.

Сегодня становится всё более очевидным, что формирующаяся сейчас *новая цивилизационная модель российского общества* будет продуктивной и устойчивой лишь в том случае, если сможет опереться не только на *ресурсы мобилизационной экономики,* но и на второй базисный элемент развития — *ценности культуры.*

Таков, на наш взгляд, наиболее эффективный способ *«минимизации» глобализационных рисков для цивилизационной безопасности России.*

Это тем более важно подчеркнуть, что в числе потенциальных угроз безопасности нашей страны специалисты называют *переидентификацию этноса,* иными словами, разрушение глубинных, ментальных механизмов национального сознания, национального культурного иммунитета. Каналом такой переидентификации является прежде всего языковая среда. Только непониманием этого важного факта можно объяснить дискуссию, инициированную в начале 2000-х годов журналом «Знамя», предложившим своим авторам и читателям поразмышлять над вопросом: *«Возможен ли для русского языка в будущем переход (полный или частичный) на латиницу и какие последствия это могло бы иметь?»*

Надо ли говорить, что сама постановка такого вопроса уже свидетельствовала о духовном перерождении значительной части нашей интеллектуальной элиты, затронутой метастазами культурно-языковой переидентификации, ферменты которой вовсю вели свою разрушительную работу в сфере массового сознания через насаждавшуюся прозападными политиками и их «культурными» вассалами в подконтрольных «пятой колонне» средствах массовой информации.

Уже тогда авторы комплексного исследования проблем информационной безопасности российского общества, проведённого учёными МГУ имени М.В. Ломоносова, подчёркивали: «Сегодня отечественные СМИ в целом не являются субъектом процессов, ориентированных на обеспечение безопасности и развития России. Концепция СМИ России в значительной степени базируется на теории и практическом опыте западных СМИ, что не соответствует цивилизационной специфике России» [2].

---

[2] Информационная и психологическая безопасность в СМИ : в 2 т. Т. 1 : Телевизионные и рекламные коммуникации / под ред. А.И. Донцова, Я.Н. Засурского, Л.В. Матвеевой, А.И. Подольского. М. : Аспект Пресс, 2002. С. 99.

Постсоветский период длится уже более 25 лет. Изменилось многое в политике Российского государства, в умонастроениях российского общества, освободившегося от иллюзий и мнимых надежд на рыночную модель развития. Не изменилась только информационная империя, по-прежнему остающаяся «государством в государстве», живущим по своим коммерческим «понятиям».

Идеология массового потребления, пропагандируемая с экранов ТВ («Оттянись со вкусом!») по-прежнему воспитывает не гражданина, а беспринципного и легковерного обывателя, потребителя, человека без позиций и убеждений. Изнанка жизни («Пусть говорят», «Очная ставка», «Ты не поверишь!») преподносится как её истинное лицо, аномалия — как норма. Антигерой оказывается героем, юному поколению преподаётся азбука цинизма и подлости, а обществу вместо настоящих ценностей навязываются антиидеалы. Программы, построенные на сюжетах раскрытия «интимных тайн» разного рода медийных личностей перед массовой аудиторией («Детектор лжи», «Мужское/женское» и др.), причём за большие деньги («Секрет на миллион»), приобрели характер эпидемии. «Война каждого против всех», «уничтожь слабого», «всё покупается и продаётся», «побеждает не сильнейший, а подлейший», «целомудрие и стыд — пережитки прошлого» — эти принципы насаждались в проектах «Алчность», «Слабое звено», «Последний герой», лишь недавно «сошедших со сцены». Надо ли было заучивать эти безнравственные правила народу, чьё национальное сознание исконно основывалось на совсем других началах — милосердии, ненасилии, нестяжательстве, целомудрии, совести, духовном единении и взаимопомощи?

Главный редактор «Литературной газеты» Юрий Поляков совершенно справедливо назвал в своё время деятельность центральных каналов ТВ «отчизнофобией за казённый счёт». Симптомы этой болезни оказались на редкость живучими.

Печально, что слово «русский», если и звучит на телевидении, то только в уничижительном, курьёзном или провокационном контексте: «Русская рулетка», «Новые русские сенсации», «Русские горки», «Русские бабки», «Русский экстрим». Мировоззренческие программы «Право голоса», «Право знать», «Постскриптум», «К барьеру!», «Воскресный вечер с Владимиром Соловьёвым» демонстрируются либо поздним вечером, либо после полуночи, когда основная часть населения уже отдыхает перед следующим трудовым днём. Переместилась из активной части информационного пространства в политическое пресловутая «медиазвезда» Ксения Собчак, а её дьявольское «дитя» — «Дом-2», невзирая на массовые протесты, живёт и побеждает. Новый проект Первого канала «Звёзды под гипнозом» напоминает печальной памяти гипнотические сеансы Анатолия Кашпировского, вводившие на рубеже 1980–1990-х годов в коллективный транс добрую часть населения России именно тогда, когда рушилась государственность великой

державы, и эту катастрофу поистине геополитического масштаба не удалось предотвратить. Психологи уже заговорили об аналогичном воздействии этой программы на психику зрителей. Возникает вопрос: зачем усыплять сознание российской аудитории именно сегодня, когда от нашей страны вновь требуется мобилизационная готовность к отражению как внутренних, так и внешних угроз?

Порой создаётся впечатление, что некоторые центральные СМИ служат полигоном для испытания всё новых и новых технологий информационно-психологических войн внутреннего назначения. Если в экономике страна стремительно уходит от образа «сырьевого придатка» высокоразвитых держав, то в сфере деятельности СМИ она до сих пор остаётся своего рода «информационной колонией», тиражирующей ценности, чуждые национальному менталитету.

Надо ли удивляться вспышкам насилия среди детей и подростков, когда на экране насилие, агрессия, кровь присутствуют ежедневно и ежечасно? Надо ли удивляться пренебрежению детей и молодёжи к традициям отечественной культуры, если престижные телеконкурсы («Ты — супер», «Голос») вольно или невольно ориентируют их на то, что победа достанется лишь тому, кто лучше других усвоит манеру исполнения западных поп-звёзд и их, как правило, англоязычный репертуар?

Курс на импортозамещение в российской экономике было бы чрезвычайно полезным для нашего государства распространить и на сферу культуры, и на сферу массовой информации.

Из-за отсутствия внятной политики в сфере массовой информации всё шире разрастается растлевающее влияние Глобальной сети, захватывающей своими удушающими щупальцами детское и подростковое сознание. Поголовная интернет-зависимость превратилась в особый тип психопатии, и для излечения от этой «дурной» болезни уже создаются специализированные психиатрические клиники.

Трагическими символами этой новой социально опасной патологии стали недавние информационные сюжеты, растиражированные самими СМИ: 19-летний сын миллиардера Егор Сосин задушил свою мать проводом от зарядки мобильного телефона; 12-летний подросток в ответ на требования отца заняться уроками и его попытку в состоянии справедливого гнева вырвать из розетки провод компьютера вонзил нож в отцовское сердце; 16-летний негодяй, «подсев» на азартные игры в Интернете и оказавшись неплатёжеспособным, «заказал» киллеру собственных родителей.

Психологи горько шутят: наше телевидение работает в формате «3D»: «деморализация», «дебилизация», «деградация».

Игнорирование новых видов информационных опасностей становится одной из самых очевидных проблем национальной безопасности. Наиболее опасными, на наш взгляд, являются пять видов угроз:

1. Угроза вовлечения молодёжи в терроросреду (по статистике, в 80 % случаев вербовка в ряды ИГИЛ происходит через социальные сети).

2. Угроза эпидемии суицида (этой тематике посвящены целые сайты, сформировались сетевые сообщества потенциальных самоубийц — «группы смерти», что уже приводит к трагическим результатам: ежегодно добровольно уходят из жизни более 1500 подростков и более 200 детей), и эта тенденция, к сожалению, нарастает.

3. Угроза влияния сектантских и сатанинских культов (многочисленные западные телесериалы, демонстрируемые или анонсируемые в детское время, являют собой устрашающий «парад» монстров, маньяков, мутантов, вампиров).

4. Угроза разрушения национальной исторической памяти в результате появления новых видов информационных войн — «войн памяти», «войн сознания», «ментальных» и «психоисторических» войн (ситуация на Украине наглядно демонстрирует негативную действенность такого рода угроз, от которых не застрахованы и российские дети, ведь им постоянно навязывают сюжеты о «диверсантах», «смершевцах», «заградотрядах» как главных героях Великой Отечественной войны).

5. Угроза разрушения национальной культурно-языковой среды (телепрограммы типа «Камеди клаб», «Дом-2» и многие другие, где постоянно звучит ненормативная, вульгарная, жаргонная лексика, как, впрочем, и зарубежные детские мультфильмы с непонятными бессмысленными существами, такими как «Смурфики», «Джинглики», «Фиксики», «Миньоны», а также отсутствие на радио и телевидении качественных программ, воспитывающих любовь к русскому языку, культуру речи, — всё это ставит под угрозу языковую безопасность нашего народа как основу национальной идентичности).

Влияние сцен насилия в СМИ на резкий рост преступности в среде несовершеннолетних — установленный факт. Ежегодно органами правопорядка регистрируется не менее 150 тыс. преступлений, совершённых детьми и подростками.

Доля детского вещания на телевидении составляет меньше 1 % эфирного времени, тогда как по условиям лицензирования она должна составлять от 7 до 15 % эфира. Однако детские программы не выгодны теледельцам по коммерческим соображениям: реклама в них запрещена законом; больших рейтингов они не обеспечивают.

В то же время многие каналы пытаются делать циничный рейтинг и на детской тематике, объединив её с криминальными проблемами. В результате героями документальных программ (особенно на НТВ, РЕН ТВ) стали малолетние убийцы, самоубийцы, наркоманы и другие категории лиц юного возраста с девиантным поведением.

К чему это приводит, показывают участившиеся случаи немотивированной агрессии подростков, выпускников школ, нередко заканчивающиеся массовым жестоким убийством сверстников и педагогов. В конце 2017 — начале 2018 года в России был зафиксирован целый ряд инцидентов с применением холодного оружия среди старшеклассников. Во всех этих случаях, потрясших общественное сознание, аналитики установили прямую связь совершённых преступлений с деструктивным воздействием СМИ, компьютерных игр типа «Убей всех за 5 минут!» и асоциальных сайтов Интернета.

Какие же ***выводы и предложения*** следуют из вышеизложенного?

1. Декларируемое Конституцией РФ 1993 года отсутствие единой государственной идеологии в России не соответствует новым реалиям XXI века. Вызовы и угрозы третьего тысячелетия побуждают нацию не к плюралистической раздробленности, а к духовной консолидации. С учётом изменившихся геополитических условий необходима общенациональная дискуссия (возможно, референдум) по корректировке данной статьи Конституции. Базисной идеологической доктриной должна, по нашему мнению, стать *идеология российского патриотизма* как гаранта цивилизационной безопасности России. Этому способствует и прозвучавшая в одном из программных выступлений Президента Российской Федерации В.В. Путина отточенная формула: «Патриотизм и есть наша национальная идея».

2. Защита национальной языковой среды является важнейшим ментальным ресурсом и условием цивилизационной безопасности России.

Поэтому необходимо дальнейшее совершенствование и развитие законодательства в сфере языковой политики Российской Федерации.

Нужны новые *Федеральные законы:*

– «О защите национальной культурно-языковой среды в сфере социальных коммуникаций»;

– «О совершенствовании этико-правовых механизмов защиты национального культурно-языкового наследия России в средствах массовой информации».

3. В связи с экспансией английского языка как опорного языка глобализации необходимо усиление внимания политического руководства страны, представителей науки, образования, культуры к геополитическим аспектам национальной языковой политики России. Назрела необходимость разработки *«Национальной языковой доктрины Российской Федерации в условиях развития глобализационных процессов».* Главной целью этого политического документа должно стать сохранение и развитие русскоязычного социокультурного и информационного пространства в современ-

ном мире, повышение языкового престижа России в инонациональном языковом пространстве, всемерная поддержка русскоязычных диаспор за рубежом. С этой целью необходимо расширять систему языкового вещания на зарубежные страны, создавать инновационный программный продукт, электронные словари, лингвистические тренажёры, формировать специализированные интернет-ресурсы в расчёте на разные целевые аудитории.

Необходима также поддержка и продвижение поликультурного языкового разнообразия, языков, отодвигаемых мировой англофонной элитой на второстепенные и третьестепенные роли. С этой целью необходима активизация «параллельных» русско-французских, русско-немецких, русско-скандинавских, русско-испано-итальянских, русско-славянских языковых связей, языкового взаимодействия со странами Азии, Африки и Латинской Америки, развитие общественной дипломатии, возрождение советского опыта «обществ дружбы» с зарубежными странами. Глобальный мир только выиграет, если модель «плавильного котла», перемалывающего различные культурно-ценностные системы в единообразный, унифицированный, всеядный «коктейль», будет побеждена гораздо более прогрессивной и гуманной стратегией сохранения и развития поликультурного многообразия.

4. Важно подчеркнуть необходимость привлечения общественного внимания к проблеме развития законодательства об Интернете. Подобный опыт создания этико-правовых механизмов имеется в других странах: «Кодекс поведения в Интернете» (Канада), «Хартия Интернета» (Франция), «Закон о семейном доступе к Интернету» (США). Следует всячески поддерживать деятельность недавно созданной в России «Лиги безопасного Интернета», опыт законотворческой работы Государственной Думы РФ в этой сфере. Необходимо регламентировать также сферу производства и распространения компьютерных игр с учётом возрастных психологических особенностей несовершеннолетних пользователей, наращивать производство отечественных компьютерных игр интеллектуального типа на основе национально-исторических и патриотических сюжетов.

И мы видим: там, где государство усиливает внимание к вопросам государственной политики в информационной сфере, это находит поддержку большей части населения России. В этом смысле важное значение имело принятие Государственной Думой РФ пакета законов депутата Ирины Яровой. Следует отметить также рост интереса массовой аудитории к качественной политической журналистике: к новостным блокам, политическим ток-шоу, аналитическим программам, дискуссиям и политическим обозрениям. К ним относятся субботние и воскресные политические обзоры событий за неделю Валерия Фадеева (Первый канал), Сергея Брилёва и Дмитрия Киселёва (Россия-1), «Постскриптум» Алексея Пушкова (ТВ-Центр), аналитические передачи «Международное обозрение»

Евгения Примакова-младшего, «Мнение» Эвелины Закамской, «Агитпроп» Константина Сёмина (Россия-24), политические ток-шоу Владимира Соловьева (Россия-1), «Место встречи» Андрея Норкина (НТВ), «Право знать» и «Право голоса» Дмитрия Куликова и Романа Бабаяна (ТВ-Центр), «Что делать?» Виталия Третьякова («Культура»), авторские программы «Бесогон» Никиты Михалкова и «Страсти по государству» Александра Проханова.

Одна из задач современного общества — обеспечить надёжный механизм защиты подрастающего поколения от деструктивной антиобщественной информации, распространяемой по каналам СМИ и Интернета, повысить профессиональную и гражданскую ответственность журналистов, продюсеров ТВ, учредителей телеканалов за языковую культуру, духовно-нравственное и социальное здоровье тех, от кого зависит будущее нашей страны.

Почти одновременное появление на исходе 2015 года новых стратегических документов, определяющих развитие страны на ближайший период — Государственной программы патриотического воспитания граждан РФ на 2016–2020 годы, Стратегии национальной безопасности РФ, Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации — вселяет надежду.

К числу этих стратегически важных документов следует отнести и опубликованную в декабре 2016 года *новую редакцию Доктрины информационной безопасности Российской Федерации*, учитывающую новые политические реалии.

В новой редакции Доктрины существенно расширен перечень новых вызовов и угроз национальной безопасности РФ по сравнению с Доктриной, принятой в сентябре 2000 года. Среди них указаны и те реалии, которые имеют самое прямое отношение к масштабной информационной войне, развязанной «коллективным Западом» против России и стран, находящихся вне американского влияния:

«– трансграничный оборот информации для достижения некоторыми государствами геополитических, военно-политических и иных противоправных целей;

– использование спецслужбами отдельных государств информационно-психологических воздействий, направленных на дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в различных регионах мира, приводящих к подрыву суверенитета и нарушению территориальной целостности других государств;

– увеличение объёма материалов в зарубежных СМИ, содержащих необъективную и предвзятую оценку внешней и внутренней политики РФ;

– использование механизмов информационного воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание в целях нагнетания межнациональной и социальной напряжённости, раз-

жигания этнической и религиозной ненависти либо вражды, пропаганды экстремистской идеологии, а также привлечения к террористической деятельности новых сторонников» [3].

Особое внимание в новой редакции Доктрины информационной безопасности обращено на угрожающее наращивание информационного воздействия на население России, в первую очередь на молодёжь, с целью размывания культурных и духовных ценностей, подрыва нравственных устоев, исторических основ и патриотических традиций.

Поэтому, защищая информационное пространство России, отстаивая национальную безопасность, нам всем важно осознавать: духовное воспроизводство бесценного ментального ресурса нации в новых поколениях XXI века — важнейшая стратегическая задача всего российского общества и государства на ближайшую и отдалённую историческую перспективу.

---

[3] Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ № 646 от 05 дек. 2016 г.). URL : www.scrf.gov.ru/documents/6/135.html (дата обращения: 27 март. 2018)

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Абрамова, Е. Законодательные акты о русском языке на Украине [Текст] / Е. Абрамова, Р. Шангараев // Обозреватель — Observer. — 2017. — № 1. — С. 81–90.
2. Абрамова, Е.Н. Телевидение — инструмент «мягкой силы» украинизации [Текст] // Обозреватель — Observer. — 2017. № 12. — С. 76–78.
3. Алдер, Х. НЛП: современные психотехнологии [Текст]. — СПб. : Питер, 2000. — 160 с.
4. Андреев, А.Л. «Мягкая сила»: аранжировка смыслов в российском исполнении [Текст] // Полис. Political Studies. — 2016. — № 5. — С. 123.
5. Антонович, П.И. О современном понимании термина «кибервойна» [Текст] // Вестник Академии военных наук. — 2011. — № 2. — С. 91.
6. Арас, Д. Четвёртая мировая война [Текст]. — М. : Астрель, 2003. — 702 с.
7. Артамонов, В.А. Ложь о военных героях русской истории [Текст] // Информационные войны. — 2011. — № 1 (17). — С. 45–51.
8. Арямова, А.Д. «Цветные революции» как инструмент внешней политики стран англо-американского политического альянса [Текст] // Власть. — 2015. — № 8. — С. 206–210.
9. Афанасьев, Ю.Н. Князь Александр Невский — приемный сын хана Батыя [Электронный ресурс] // Родина. — URL : http://malech.narod.ru/liki2 html
10. Базаркина, Д.Ю. Роль коммуникации в формировании феномена современного терроризма [Текст] // Информационные войны. — 2016. — № 2 (38). — С. 65–70.
11. Байкова, Т. Сергей Лавров рассказал об опасной «геополитической инженерии» [Текст] // Известия. — 2016, 29 апр. — С. 4.
12. Бартош, А. Гибридная война: интерпретации и реальность [Текст] // Независимое военное обозрение. — 2016, 16–22 сент. — № 35 (918). — С. 7.
13. Бастрыкин, А. Пора поставить действенный заслон информационной войне [Текст] // Коммерсант. Власть. — 2016. — № 15. — С. 22.
14. Батурин, Ю.М. Рефлексивные стратегии в конфликтных взаимодействиях на основе ситуационного анализа с виртуальной поддержкой [Текст] // Информационные войны. — 2009. — № 1 (9). — С. 2–9.
15. Батюк, В.И. США против ИГИЛ [Текст] // США и Канада: экономика, политика, культура. — 2016. — № 6. — С. 3–19.
16. Белозеров, В.К. Гибридная война в отечественном политическом и научном дискурсе [Текст] / В.К. Белозеров, А.В. Соловьев // Власть. — 2015. — № 9. — С. 5–11.
17. Белозеров, В.К. Стратегия национальной безопасности США как новый манифест глобальной гегемонии [Текст] // Власть. — 2015. — № 4. — С. 19–24.

18. Бельков, О.А. Эволюция войн и представлений о них (конец XX — начало XXI века) [Текст] // Безопасность Евразии. — 2009. — № 4. — С. 181–189.

19. Бжезинский, З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы [Текст]. — М. : АСТ, 2018. — 384 с.

20. Бирагова, Б.М. Мобилизационный потенциал СМИ как фактор трансформации имиджа России на геополитическом пространстве: политологический анализ [Текст] // Информационные войны. — 2013. — № 3 (27). — С. 78–85.

21. Блум, У. Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в период холодной войны [Текст] / АНО «Ин-т внешнеполит. исслед. и инициатив». — М. : Кучково поле, 2014. — С. 5.

22. Бойко, А. Подвиг героев-панфиловцев был. И полегло их больше тысячи [Текст] // Комсомольская правда. — 2016, 3 нояб. — С. 8.

23. Бондарь, В. Готов к труду и кибероборонe [Текст] // Культура. 2014, 26 сент. — 2 окт. — № 33. — С. 7.

24. Борхсениус, А.В. Операции информационной войны. Новая классификация [Текст] // Информационные войны. — 2011. — № 3 (9). — С. 7–15.

25. Булгаков, С.Н. Образ международного террористического лидера в сети Интернет [Текст] // Информационные войны. — 2012. — № 1 (21). — С. 25–31.

26. Бухарин, С.Н. История Великой Отечественной войны как объект информационного противоборства [Текст] // Информационные войны. — 2013. — № 1 (21). — С. 70–76.

27. Бухарин, С.Н. Методы и технологии информационных войн [Текст] / С.Н. Бухарин, В.В. Цыганов. — М. : Академический проект, 2007. — 384 с.

28. Бухарин, С.Н. Провокации в информационном противоборстве [Текст] / С.Н. Бухарин, В.В. Цыганов, Ю.Г. Бочкарёва // Информационные войны. — 2013. — № 1 (25). — С. 14–20.

29. Бухарин, С.Н. Технология нейрофизиологического воздействия в информационных войнах [Текст] / С.Н. Бухарин, В.В. Цыганов, Ю.Г. Бочкарёва // Информационные войны. — 2013. — № 2 (26). — С. 14–16.

30. Валовой, Д. XXI век. Три сценария развития [Текст] / Бизнес-школа «Интел-Синтез». — М., 1999. — 80 с.

31. Вартанова, Е.Л. К вопросу о социальной ответственности СМИ в контексте информационной безопасности [Текст] / Е.Л. Вартанова, Н.В. Ткачёва // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. — 2008. — № 5. — С. 7–15.

32. Виноградова, С.М. Проблемы преодоления неравенства в международном информационном обмене [Текст] / С.М. Виноградова, Г.С. Мельник // Гуманитарный вектор. — 2012. — № 2 (30). — С. 244.

33. Вирен, Г. Современные медиа. Приемы информационных войн [Текст] : учеб. пособие. — М. : Аспект Пресс, 2016. — 126 с.

34. Володенков, С.В. Технологии интернет-коммуникации как фактор обеспечения информационной безопасности современного государства [Текст] // Информационные войны. — 2011. — № 3 (19). — С. 89–95.

35. Выступление Президента России В.В. Путина на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 28 сентября 2015 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http:// kremlin.ru/events/prezident news/50385

36. Галкин, А. Национальное самосознание как источник ценностных и политических мотиваций [Текст] // Полития. — 2015. — № 1 (76). — С. 7–15.

37. Гарев, В. Информационные угрозы современного мирового терроризма [Текст] / Ин-т Африки РАН. — М., 2010. — С. 17.

38. Гейтс, Р. Сбалансированная стратегия [Текст] // Россия в глобальной политике. — 2009. — № 2. — С. 26.

39. Глазьев, С.Ю. Украинская катастрофа: от американской агрессии к мировой войне? [Текст]. — М. : Книжный мир, 2015. — 352 с.

40. Голодов, А.Г. Язык информационной войны (на материале языка немецкой массовой прессы) [Текст] : моногр. / Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. — Рязань 2015. — 196 с.

41. Горелов, А.А. Глобальный неоколониализм и проблема суверенитета [Текст] / А.А. Горелов, И.А. Бронников // Власть. — 2015. — № 2. — С. 19–26.

42. Грачев, Г.В. Личность и общество: информационно-психологическая безопасность и психологическая защита [Текст]. — М. : ПЕР СЭ, 2003. — 304 с.

43. Гривенко, В. Рапорты по-суворовски [Текст] // Независимое военное обозрение. — 2001. — № 5.

44. Григорьев, В.П. Информационные вирусы — новое оружие массового поражения [Текст] // Информационные войны. — 2008. — № 3 (7). — С. 2–29.

45. Григорьев, М.С. Евромайдан [Текст]. — М. : Кучково поле, 2014. — 480 с.

46. Григорьев, М.С. Обыкновенный фашизм: военные преступления украинских силовиков (2014–2016) [Текст]. — М. : Кучково поле, 2017. — 432 с.

47. Григорьев, М.С. Противодействие террористической пропаганде [Текст] / М.С. Григорьев, В.С. Игнатьев, В.М. Магеров / Фонд исследования проблем демократии. — М., 2017. — 328 с.

48. Громыко Ю. Консциентальное оружие и консциентальные войны [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://gtmarket.ru/laboratory/publicdoc/2007/782

49. Громыко, Ю.В. Антропология политической идентичности. Самоопределение «рашинз» в глобальном мире. Территориальное развитие, транснациональные русские корпорации и идентичность [Текст]. — М. : АРКТИ, 2006. — 400 с.

50. Давыдов, Ю.И. Понятие «жёсткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений [Текст] // Международные процессы. — 2004. — Т. 2, № 4. — С. 72–83.

51. Дашичев, В.И. Тайны башен-близнецов [Текст] // Литературная газета. — 2016, 7–13 сент. — № 35 (6565). — С. 4.

52. Денчев, С. Кто смешивает краски? И кто художник в цветных революциях? [Текст] / С. Денчев, М. Павлова // Стратегия России. — 2016. — № 3. — С. 53–55.

53. Димлевич, Н. Фальсификации: кому это выгодно [Текст] // Стратегия России. — 2015. — № 1. — С. 61–67.

54. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : www.scrf.gov.ru/documents/6/135.html.

55. Дубов, И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ [Текст] // Вопросы психологии. — 1993. — № 2. — С. 20–27.

56. Дылевский, И.Н. Операции в киберпространстве: вопросы истории, политики, права [Текст] / И.Н. Дылевский [и др.] // Военная мысль. — 2011. — № 8. — С. 72.

57. Ефанов, Д. Кольца «холодной войны» [Текст] // Культура. — 2016, 23–30 июня. — № 23. — С. 7.

58. Жильцов, С.С. Технологии политической борьбы за власть на Украине [Текст] // Polis. Political Studies. — 2014. — № 6. — С. 59.

59. Журавлёв, Н. Свинья, которой не было. Кому и зачем нужен культ личности Александра Невского? [Текст] // Общая газета. — 2002. — № 16. — С. 3.

60. Зверева, В. Сражения за память, войны воспоминаний [Электронный ресурс] // Война памяти: культурная динамика в России, Польше и Украине : науч. семинар, 4–5 июня 2010 г. / Кингс-колледж, Кембридж. — Режим доступа : http://www.nlobooks.ru/node/2839

61. Зиновьев, А. Запад [Текст]. — СПб. : Эксмо, 2012. — 417 с.

62. Зиновьев, В.Н. Перспективы применения информационных сетей в военном деле [Текст] / В.Н. Зиновьев, А.И. Колдунов, Н.В. Груздев // Информационные войны. — 2015. — № 1 (33). — С. 29–38.

63. Зыков, И. Глобализация и терроризм в современном мире [Текст] // Безопасность Евразии. — 2008. — № 3. — С. 322–324.

64. Ибрагимов, Л.Х. Интернет-терроризм как феномен современных политических коммуникаций [Текст] // Информационные войны. — 2016. — № 2 (32). — С. 71–75.

65. Изборский клуб [Текст] // Русские стратегии. — 2015. — № 5 (29). — С. 42–68.

66. Илларионов, С. И. Глобальная террористическая война [Текст]. — М. : ПрофЭко, 2006. — 192 с.

67. Ильичёва, Ю.А. СМИ в мобилизационных технологиях: цели, функции, политические последствия [Текст] : дис. ... канд. полит. наук. — СПб., 2014. — 193 с.

68. Информационная безопасность систем организационного управления. Теоретические основы [Текст] : в 2 т. / под ред. В.В. Кульбы. — М. : Наука, 2006. — Т. 1. — 495 с. ; Т. 2. — 437 с.

69. Информационная и психологическая безопасность в СМИ [Текст] : в 2 т. — Т. 1 : Телевизионные и рекламные коммуникации / под ред. А.И. Донцова, Я.Н. Засурского, Л.В. Матвеевой, А.И. Подольского. — М. : Аспект Пресс, 2002. — 249 с.

70. Информационное противоборство в системе национальной безопасности Российской Федерации [Текст] / ГШ ВС России. — М., 1998.

71. Казаков, А.В. «Цветная революция» в России: миф или реальность? [Текст] // Власть. — 2015. — № 4. — С. 5–9.

72. Казаков, А.В. Фальсификация истории и итогов Великой Отечественной войны как направление деструктивного воздействия на сознание современной российской молодёжи [Текст] // Власть. — 2015. — № 5. — С. 8–13.

73. Калдор, М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху [Текст]. — М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. — 416 с.

74. Калита, В. Почему Россия не может оставить в покое Украину [Текст] // Обозреватель — Observer. — 2017. — № 5. — С. 14–23.

75. Капицын, В.М. Космополитизм и цивилизационная идентичность России [Текст] // Информационные войны. — 2010. — № 3 (15). — С. 24–31.

76. Капто, А.С. Кибервойна: генезис и доктринальные очертания [Текст] // Вестник РАН. — М., 2013. — № 7. — С. 616–621.

77. Караджe, Т.В. Теория хаоса и технологии внешнего управления [Текст] // Власть. — 2015. —№ 7. — С. 42–51.

78. Кара-Мурза, С. Манипуляция сознанием [Текст]. — М. : Эксмо : Алгоритм, 2009. — 528 с.

79. Кара-Мурза, С. На пороге «оранжевой революции» [Текст] / С. Кара-Мурза [и др.]. — М., 2005. — 226 с.

80. Карякин, В.В. Стратегия непрямых действий, «мягкой силы» и «управляемого хаоса» как инструменты переформатирования политического пространства [Текст] // Информационные войны. — 2014. — № 3 (31). — С. 29–40.

81. Катасонов, В.Ю. Информационная война против России: откуда исходят удары [Текст] // Русский вестник. — 2015. — № 6. — С. 4.

82. Кирчанов, М.В. Историческая политика, политика памяти и война с памятниками в США [Текст] // США и Канада: экономика, политика, культура. — 2017. — № 12 (576). — С. 63–75.

83. Ковалёв, В.И. «Поведенческая» война как одна из перспективных невоенных угроз безопасности России [Текст] / В.И. Ковалёв, Ю.А. Матвиенко // Информационные войны. — 2016. — № 4 (40). — С. 20–25.

84. Ковалев, В.И. Деструктивные сетевые социальные структуры и информационные войны как современные вызовы безопасности России [Текст] / В.И. Ковалёв, Ю.А. Матвиенко // Информационные войны. — 2011. — № 3 (9). — С. 14–20.

85. Ковалёв, В.И. Концепция «сетецентрической войны» для армии России: «множитель силы» или ментальная ловушка? [Текст] / В.И. Ковалёв, Г.Г. Малинецкий, Ю.А. Матвиенко // Информационные войны. — 2013. — № 4 (28). — С. 2–16.

86. Кондрашов А. «Фейсбук» — находка для агента. Как спецслужбы используют социальные сети [Текст] // Аргументы недели. — 2016, 15 сент. — № 36 (527) — С. 23.

87. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.mid.ru//bdomp/nsosndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ca0017434944257b160051bf7f

88. Кошель, А.С. Мягкая сила как инструмент гуманитарного сотрудничества государств на евразийском пространстве [Текст] // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. — 2015. № 2. — С. 163–172.

89. Красильников, А. Атака на мозг [Электронный ресурс] // Слово. — 2005. — № 40 (263). — Режим доступа : http://www.e.-slovo.ru

90. Края дуги нестабильности: Балканы — Центральная Азия [Текст] / под. ред. Г.А. Рудова, Е.Г. Пономарёвой. — М. : Восток-Запад, 2010. — 240 с.

91. Крылова, И.А. Информационные войны и безопасность России [Текст] // Информационные войны. — 2016. — № 2 (39). — С. 14–20.

92. Крылова, И.А. Россия в условиях глобализации: новые угрозы [Текст] // Философские науки. — 2016. — № 4. — С. 30–43.

93. Крысько, В.П. Словарь-справочник по социальной психологии. [Текст]. — СПб. : Питер, 2003. — 312 с.

94. Кугушева, А. От информационных войн к поведенческим [Текст] // Информационные войны. — 2016. — № 1 (37). — С. 11–22.

95. Кульба, В.В. Средства и объекты информационного управления [Текст] / В.В. Кульба [и др.] // Информационные войны. — 2009. — № 4 (12). — С. 20–32.

96. Курочко, М.М. Неклассические войны современной эпохи: к постановке проблемы [Текст] // Проблемы безопасности : бюллетень науч.-исслед. центра «Наука — XXI». — М., 2008. — № 3. — С. 9–15.

97. Куц, В.А. Основы информационного противодействия — активизация защитных функций культуры [Текст] // Информационные войны. — 2014. — № 3 (31). — С. 82–87.

98. Кьеза, Д. О «цветных революциях» [Текст] // Свободная мысль. — 2016. — № 4. — С. 17–19.

99. Ларина, Е. Новая военная стратегия и поведенческие войны [Текст] / Е. Ларина, В. Овчинский // Информационные войны. — 2015. — № 3 (35). — С. 27–33.

100. Ларина, Е. Новая военная стратегия и поведенческие войны [Текст] / Е. Ларина, В. Овчинский // Информационные войны. — 2015. — № 3 (35). — С. 27–33.

101. Ларина, Е.С. Поведенческие конфликты — оружие завтрашнего дня [Электронный ресурс] / Е. Ларина, В. Овчинский. — Режим доступа : http://www.ng.ru/ng_politics/2014-11-18/15_conflict.html

102. Левская, К. Образ врага [Текст] // Версия : общест.-полит. еженедельник. — 2016, 24–30 нояб. — № 41 (568). — С. 9.

103. Леонова, О.Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке [Текст] // Обозреватель — Observer. — 2015. — № 2. — С. 81–86.

104. Лепехин, В. Что такое когнитивная война и можно ли в ней победить [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://ria.ru/zinoviev_club/20160426/1420518962.html

105. Лиддел, Г.Б. Стратегия непрямых действий [Текст] : пер. с англ. — М. : Астрель, 2012. — 478 с.

106. Лисичкин, В.А. Третья мировая (информационно-психологическая) война [Текст] / В.А. Лисичкин, Л.А. Шелепин / Ин-т соц.-полит. исследований АСН. — М., 2003. — 304 с.

107. Маклюэн, Г.-М. Галактика Гутенберга [Текст]. — М. : Академический проект, 2005. — 496 с.

108. Манойло, А. «Мягкая сила» террористов [Текст] // Стратегия России. — 2016. — № 5. — С. 52–61.

109. Манойло, А. Закат Pax Americana [Текст] // Стратегия России. — 2015. — № 11. — С. 26–37.

110. Манойло, А.В. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны [Текст] / А.В. Манойло, А.И. Петренко, Д.Б. Фролов. — М. : Горячая линия — Телеком, 2015. — 592 с.

111. Манойло, А.В. Цветные революции и гибридные войны [Текст] // Стратегия России. — 2015. — № 7. — С. 18–24.

112. Манойло, А.Г. Особенности борьбы с международным терроризмом в условиях его интернационализации [Текст] / А.Г. Манойло, И.С. Шегаев // Politbook. — 2017. — № 1. — С. 143–152.

113. Матвиенко, Ю.А. День в истории человечества (о трагедии советских солдат и офицеров Красной Армии в нацистской неволе в 1941–1945 гг.) [Текст] // Информационные войны. — 2012. — № 2 (22). — С. 69–85.

114. Мельник, Г.С. СМИ в мобилизационных технологиях [Текст] // Средства массовой информации в современном мире : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. С.Г. Корконосенко. — СПб., 2012. — С. 341.

115. Мигуляева, М.Г. Контент как оружие социального инжиниринга [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://xn--80aabndqn2azegmf.xn--p1ai/wp-content/uploads/2017/06/Kontent_kak_oruzhie_sotsialnogo_inzhiniring.pdf

116. Микрюков, В.Ю. Информационные войны [Текст] // Информационные войны. — 2014. — № 2 (30). — С. 63–70.

117. Мировойна: все против всех. Новейшие концепции англосаксонской военной мысли [Текст]. — М. : Книжный мир, 2015. — 416 с.

118. Мкртычян. А. Влияние средств массовой информации на психологические последствия террористических актов [Текст] : автореф. дис. … канд. психол. наук. — М., 2012. — 197 с.

119. Моханти, А. Украинский кризис: последствия для мирового порядка [Текст] // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. — 2014. — № 5. — С. 43–47.

120. Мошкин, С.В. Внешняя политика России: «гибридная война» вместо «мягкой силы» [Текст] // Дискурс — Пи. — 2014. — Т. 11, № 1. — С. 168–173.

121. Най, Дж. Современный мировой беспорядок [Текст] // США: экономика, политика, идеология. — 1993. — № 2. — С. 15–29.

122. Наумов, А. Оружие технотронного века. Социальные сети и «арабская весна» [Текст] // Стратегия России. — 2015. — № 11. — С. 39–48.

123. Наумов, А.О. «Мягкая сила» и «умная сила». Внешнеполитический опыт США [Текст] // Стратегия России. — 2016. — № 16. — С. 57–64 ; № 2. С. 75–83.

124. Наумова, А.Ю. «Цветные революции» на постсоветском пространстве [Текст] / А.Ю. Наумова, В.Е. Авдеев, А.О. Наумов. — СПб. : Алетейя, 2013. — 164 с.

125. Нежданов, И.Ю. Аналитическое обеспечение информационных конфликтов в Интернете [Текст] // Информационные войны. — 2014. — № 2 (30). — С. 18–20.

126. Нежданов, И.Ю. Технология информационных войн в Интернете [Электронный ресурс]. — М., 2014. — С. 68–69. — Режим доступа : http://bash.rosmu.ru/activity/attach/events/1283/01.pdf

127. Неймарк, М.А. Украинский кризис и Русский мир [Текст] // Обозреватель — Observer. — 2015. — № 8. — С. 40–48.

128. Неклесса, А. Гибридная война. Облик и палитра вооружённых конфликтов в XXI веке [Текст] // Экономические стратегии. — 2016. — № 8. С. 78–85.

129. Некляев, С.Э. Информационно-психологическая война в условиях сетевой войны как новая форма угрозы национальной безопасности [Текст] // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. — 2008. — № 5. — С. 44–59.

130. Неменский, О.Б. «Русская земля» как базовое понятие русской идентичности [Текст] // Информационные войны. — 2012. — № 1 (21). — С. 66–69.

131. Никонов, В. Код цивилизации. Что ждёт Россию в мире будущего? [Текст]. — М. : Э, 2015. — 672 с.

132. Овсянникова, О. Технологии переформатирования: языковая и конфессиональная дискриминация в Украине [Текст] // Стратегия России. — 2016. — № 2. — С. 47–51.

133. Ольшанский, В. Основы политической психологии [Текст]. — Екатеринбург : Деловая книга, 2001. — 496 с.

134. Паин, Э.А. Исламизм: социально-политическая сущность и новые угрозы для России [Текст] // Общественные науки и современность. — 2016. — № 5. — С. 117–131.

135. Панарин, А.С. Православная цивилизация в глобальном мире [Текст]. — М. : Алгоритм, 2002. — 220 с.

136. Панарин, А.С. Процесс модернизации и менталитет: из материалов круглого стола «Российская ментальность» [Текст] // Вопросы философии. — 1994. — № 1. — С. 68–71.

137. Панарин, И.Н. Информационная война и геополитика [Текст]. — М. : Поколение, 2006. — 560 с.

138. Панова, Е.П. «Мягкая власть» как способ воздействия в мировой политике [Текст] : автореф. дис. … канд. полит. наук. — М., 2012.

139. Панченков, С.В. Компании героев: видеоигры как информационное оружие [Текст] // Стратегия России. — 2017. — С. 64–70.

140. Паршин, П.Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России [Текст] // Аналитические доклады / Ин-т междунар. исслед. МГИМО (У). — М., 2013. — Вып. 1. — С. 1–5.

141. Пентагон готовит атаку на мозг [Электронный ресурс]. — Режим доступа : pentagon.afis.osd.mil, 8.72008.

142. Перетолчин, Д. Google как оружие массового поражения [Текст] // Завтра. — 2016, авг. — сент. — № 35 (1187). — С. 4.

143. Полежаев, Д.В. Менталитет и язык: феноменологическое взаимодействие [Текст] // Известия ВГПУ. — 2009. — № 5. — С. 59–67.

144. Политическая геоконфликтология [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://nashol.com/2012120268331/politicheskaya-konfliktologiya-lancov-s-2008.html

145. Полтораков, А. «Когнитивные войны» как особый тип политико-информационных противостояний [Электронный ресурс] // Россия навсегда : нар. ведомости. 2014, 3 февр. — Режим доступа : http://rossiyanavsegda.ru/read/1709/

146. Полян, П. Историомор. Структуризация памяти и инфраструктура беспамятства [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. — 2015. — № 3 (101). — Режим доступа : http://magazines.russ.ru/nz/2015/3/16pp.html

147. Пономарёва, Е. «Мягкая сила» как интеграционный ресурс России на евразийском пространстве [Текст] / Е. Пономарёва, Г. Рудов // Обозреватель — Obsrever. — 2015. — № 11. — С. 60–67.

148. Пономарёва, Е. «Цветные революции» в контексте управляемого хаоса [Текст] / Е. Пономарёва, Е. Рябов // Обозреватель — Observer. — 2015. — № 12. — С. 44–45.

149. Пономарёва, Е.Г. «Цветные революции» в контексте стратегии управляемого хаоса [Текст] / Е.Г. Пономарёва, Е.В. Рябинин, А.Д. Арямова // Обозреватель — Observer. — 2015. — № 12. — С. 38–51.

150. Пономарёва, Е.Г. Фальсификация истории Великой Отечественной войны — технология трансформации сознания [Текст] // Обозреватель — Observer. — 2016. — № 5. — С. 5–19.

151. Попов, В.Д. Власть в фокусе информационной социологии [Текст] // Власть. — 2015. — № 1. — С. 55–64.

152. Порошенко предложил сделать английский вторым языком на Украине [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http/www.bfm.ru/news/305449?from=popular_1

153. Почепцов, Г.Г. Информационно-политические технологии. [Текст]. — М. : Центр, 2003. — 384 с.

154. Почепцов. Г.Г. Психологические войны [Текст]. — М. : Омега-Л., 2007. — 528 с.

155. Прайс, М. Телевидение, коммуникации и переходный период: право, общество и национальная идентичность [Текст]. — М. : Изд-во МГУ, 2000.

156. Прокофьев, В.Ф. На пороге насильственная фаза информационного противоборства? [Текст] / В.Ф. Прокофьев, С.В. Чварков // Информационные войны. — 2015. — № 2 (34). — С. 14–24.

157. Прокофьев, В.Ф. Тайное оружие информационной войны [Текст]. — М. : CWHTEF, 1998. — 152 с.

158. Прохватилов, В.В. Атака мыслящей паутины. Метапрограммирование — организационное оружие XXI века [Текст] // Информационные войны. — 2010. — № 1 (13). — С. 73–84.

159. Прохватилов, В.В. Прошлого не существует? Или почему американские империалисты переписывают историю [Текст] // Информационные войны. — 2011. — № 4 (20). — С. 75–81.

160. Радилов, А.С. Технология манипулирования сознанием и вовлечения в терроросреду [Текст] / А.С. Радилов, М.Ф. Цимбал // Общественные науки и современность. — 2012. — № 4. — С. 129–135.

161. Ракитов А.И. Человек в оцифрованном мире [Текст] // Философские науки. — 2016. — № 6. — С. 39–52.

162. Ракитянский, Н.М. Категории сознания и менталитета в контексте категории политической полиментальности [Текст] // Информационные войны. — 2012. — № 3 (23). — С. 29–40.

163. Ракитянский, Н.М. Феномен англо-американской ментальной экспансии в контексте психологии веры [Текст] // Информационные войны. — 2009. — № 4 (12). — С. 78–89.

164. Раскин, А. К вопросу о сетевой войне [Текст] / А. Раскин, В. Пеляк // Военная мысль. — 2005. — № 3. — С. 21–27.

165. Раскин, А.В. Некоторые философские аспекты информационной войны [Текст] // Информационные войны. — 2015. — № 3 (35). — С. 18–23.

166. Раскин, А.В. Рефлексивное управление в социальных сетях [Текст] // Информационные войны. — 2015. — № 3 (35). — С. 14–17.

167. Раскин, А.В. Рефлексивное управление как технология информационного воздействия [Текст] / А.В. Раскин, И.В. Тарасов // Информационные войны. — 2014. — № 2 (30). — С. 15–17.

168. Расторгуев, С.П. Информационная война. Проблемы и модели. Экзистенциальная математика [Текст]. — М. : Гелиос АРВ, 2006. — 240 с.

169. Редичкина, К. Польша должна ответить за войну с памятниками [Текст] // Парламентская газета. — 2017, 26 июля – 3 авг. — С. 9.

170. Рогозин прокомментировал призыв запретить создание оружия с искусственным интеллектом [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.vz.ru//news/2015/7/29/758558.html

171. Ромашкина, Н.П. Информационно-психологическое воздействие в период кризиса на Украине: уроки для России [Текст] / Н.П. Ромашкина, О.В. Пересыпкина // Информационные войны. — 2016. — № 1 (37). — С. 42–54.

172. Русакова, О.Ф. Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии [Текст] // Научный ежегодник / Ин-т философии и права Урал. отд-ния РАН. — 2010. — № 10. — С. 174–181.

173. Русский мир в изменившемся мире: панельная дискуссия [Текст] // Стратегия России. — 2017. — № 1. — С. 5–22.

174. С русофобией надо бороться [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www:inosmi.ru/world/2008/215/246075htme

175. Сабинин, В. Россия в гибридной войне [Текст] / В. Сабинин, Г. Кизилов // Стратегия России. — 2016. — № 3. — С. 61–69.

176. Савин, Л.В. Коучинг-война. Взгляд на конфликты с точки зрения менеджмента [Текст] // Информационные войны. — 2013. — № 4 (28). — С. 68–73.

177. Савицкий, Г. Провокация как праздник [Текст] // Стратегия России. — 2017. — № 1. — С. 45–52.

178. Савченко, И.А. Историческая память в эмоциональном и исследовательском восприятии [Текст] / И.А. Савченко, Л.А. Снегирёва, С.В. Устинкин // Власть. — 2017. — № 10. — С. 112–118.

179. Сараф, М.Я. Безопасность национального культурного пространства — необходимое условие устойчивого развития [Текст] // Информационные войны. — 2010. — № 3 (15). — С. 92–100.

180. Семкин, М.А. Актуальные термины политической лингвистики: слов. совр. медиа [Текст]. — М. : Форум, 2015. — 112 с.

181. Семкин, М.А. Политический комментарий: механизмы манипулятивности [Текст]. — Рязань : ИП Коняхин А.В., 2016. — 158 с.

182. Сергеев, Н. К вопросу об актуальности создания ситуационных центров слежения за социально-политической обстановкой [Текст] // Информационные войны. — 2014. — № 4 (32). — С. 18–25.

183. Сергеев, Н.А. Футурологический прогноз развития человечества в XXI веке [Текст] // Информационные войны. — 2015. — № 3 (35). — С. 59–63.

184. «Сетецентрическая» война [Текст] : дайджест по материалам открытых изданий и СМИ / ВАГШ ВС РФ. — М., 2010.

185. Сидненко, Г.Ф. Государственная политика Российской Федерации в области информационного противоборства терроризму [Текст] // Современное право. — 2015. — № 4. — С. 106–113.

186. Сидоренко, Е. Тренинг влияния и противостояния влиянию [Текст]. — СПб. : Речь, 2004. — 256 с.

187. Скипин, Э. Цензор Цукерберг [Текст] // Литературная газета. — 2016, 26 окт. — 1 нояб. — № 42 (6572). — С. 2.

188. Смагин, С. Не стреляйте в педагога [Текст] // Культура. — 2018, 12–18 янв. — № 1. — С. 7.

189. Смагин, С. С Гудзона выдачи net [Текст] // Культура. — 2016, 7–13 окт. — № 36. — С. 9.

190. СМИ и терроризм: взаимоотношения, стратегия антитеррора [Текст] // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. — 2008. — № 5. — С. 106–112.

191. Солженицын. А.И. С Украиной будет чрезвычайно больно [Текст] // Стратегия России.— 2015. — № 9. — С. 89–95.

192. Соловей, В. Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования [Текст]. — М. : Э, 2015. — 320 с.

193. Соловей, В.Д. Бренд «Россия» [Текст] // Полис. — 2009. — № 4. — С. 168–172.

194. Сороченко, В. Энциклопедия методов пропаганды [Электронный ресурс]. — М., 2002. — С. 14. — Режим доступа : http://www.ruskolan.com/book/propaganda.pdf

195. Сундиев, И. Медиаресурсы в экстремистской и террористической деятельности: функциональный анализ [Текст] / И. Сундиев, А. Смирнов // Свободная мысль. — 2014. — № 4. — С. 56–68.

196. Сундиев, И.Ю. Новое качество террористической пропаганды: медиаимперия ИГИЛ [Текст] / И. Сундиев, А. Смирнов, В.Н. Костин // Информационные войны. — 2015. — № 1 (33). — С. 30–36.

197. Суханова, Н.Е. «Мягкая сила» во внешней политике современной России [Текст] // Власть. — 2015. — № 12. — С. 83–91.

198. Сухарев, А.И. Трансгуманитарное измерение политики: «мягкий» захват «твёрдой» силы (операциональный аспект) [Текст] // Безопасность Евразии. — 2009, июль – окт. — № 3. — С. 15–29.

199. Тарасенко, Г. Думайте на украинском [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://naspravde.info/analitic/4232

200. Техника дезинформации и обмана [Текст] / под ред. Я.Н. Засурского. — М. : Мысль, 1978. — 246 с.

201. Тойнби, А. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. [Текст]. — М. : Астрель, 2011. — 318 с.

202. Топчий, И. Новая форма противоборства становится популярной [Текст] // Независимое военное обозрение. — 2016, 28 окт. – 10 нояб. — С. 5.

203. Тоффлер, Э. Метаморфозы власти [Текст]. — М. : АСТ, 2002. — 669 с.

204. Троицкий, Е. Русская этнополитология [Текст] : в 3 т. — Т. 1. — М. : Граница, 2001. — 346 с.

205. Устинкин, С.В. Идентичность — объект современного глобального противоборства [Текст] / С.В. Устинкин, А.В. Рудаков // Обозреватель — Observer. — 2017. — № 9. — С. 53–60.

206. Филимонов, Г.Ю. Технологии «мягкой силы» на вооружении США: ответ России [Текст] / Г.Ю. Филимонов, О.Г. Карпович, А.В. Манойло. — М. : Юнити-Дана, 2015. — 582 с.

207. Филоненко, В.И. Интерпретация образа Великой Отечественной войны художественно-образными средствами в восприятии современных студентов [Текст] / В.И. Филоненко [и др.] // Власть. — 2015. — № 8. — С. 164–167.

208. Фурсов, А. ЕГЭ и другие. Геополитический аспект образовательной реформы [Текст] // Завтра. — 2011, дек. — № 52.

209. Фурсов, А. Русофобия и информационная война против России [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://andreyfursov.ru/news/rusofobiya-i_informacionnaya voina-protiv-rossii /2015-10-31-496.

210. Харрис, Ш. Кибервойна. Пятый театр военных действий [Текст] : пер. с англ. — М. : Альпина нон фикшн, 2016. — 384 с.

211. Хомяков, В. Мы чужие на этом «Титанике» [Текст] // Культура. — 2017, 1–7 сент. — № 30. — С. 7.

212. Хорос, В.Г. От глобализации нельзя отгородиться [Текст] // Глобализация и цивилизационная идентичность России : материалы постоянно действующего науч. семинара. — М. : Научный эксперт, 2008. — С. 36–41.

213. Цветкова, Н.А. «Русский мир» в публичной дипломатии США: направления на 2015–2018 гг. [Текст] // США и Канада: экономика, политика, культура. — 2016. — № 8. — С. 59–72.

214. Цеханская, К.В. Глобализм и русская идея: к проблеме самоидентификации русского этноса [Текст] // Информационные войны. — 2013. — № 2 (26). — С. 89–92.

215. Цыганов, В.В. Квалифицированная дезинформация как стратегический ресурс в информационной войне [Текст] / В.В. Цыганов, В.И. Ковалёв, Ю.Г. Бочкарёва // Информационные войны. — 2013. — № 3 (27). — С. 2–9.

216. Чекинов, С.Г. Эволюция сущности и содержания понятия «война» в XXI столетии [Текст] / С.Г. Чекинов, С.А. Богданов // Военная мысль. — 2016. — № 1. — С. 30–43.

217. Черемных, К.А. Анонимная война. От аналитиков Изборского клуба [Текст] / К.А. Черемных, М.В. Восканян, А.Б. Кобяков. — М. : Алгоритм, 2014. — 224 с.

218. Шеремет, И. Сетецетричная война: истоки и технические аспекты [Текст] // Военно-промышленный курьер. — 2006. — № 7. — С. 29–35.
219. Якоба, И.А. «Мягкая сила» в современной политике и дискурсивных технологиях [Текст] // Социс. Социологические исследования. — 2014. — № 12. — С. 66–73.
220. Якунин, В. Новая фаза глобальных трансформаций: опыт критического анализа [Текст] // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. — 2015. — № 1. — С. 7–24.
221. Cebrovski, A.K. Network-centric Warfare: Its Origin and Future [Text] / A.K. Cebrovski, J.I. Garstka // Proceedings. —1998, Jan.
222. Libicki, M.C. What is Information Warfare? [Electronic resource] // Strategic Forum. — 1995. — N 28-3. — Mode of access : www.questia.com/library/journal/JGJ-129891565/what-is-information-warfare
223. National Securiti Strategu [Electronic resource]. — Mode of access : http:// www.whitehouse/gov/sites/default/files/docs/2015_national_
224. Nye, J. Propaganda Isn't the Way: Soft power [Text] // The International Herald Tribune. — 2003, 10 Jan.
225. Nye, J. Soft power: The Means to Success in World Politics [Text]. — New York, 2004.
226. Thaler, R.H. Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth and Happiness [Text] / R.H. Thaler, C.R. Sanstein. — Penguin Books, 2008.
227. Thaler, R. Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth and Happiness [Text] / R. Thaler, C. Sanstein. — New York, 2009.
228. The National Military Strategy for Cyberspase Operations, Ioint Chiefs of Staff [Text]. — Washington (D.C.), 2006, Dec.

Научное издание

Воронова Ольга Ефимовна

Современные информационные войны: типология и технологии

Монография

Редактор Т.Н. Свитнева
Техн. редактор Н.В. Кулешова
Дизайн обложки М.В. Коледёнковой

Подписано в печать 19.04.2018. Поз. № 18. Формат 60x84 1/16
Бумага офсетная. Гарнитура Bookman Old Style. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 10,93. Уч.-изд. л. 11,4. Тираж 100 экз. Заказ № 95.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

Редакционно-издательский центр РГУ имени С.А. Есенина
390000, г. Рязань, ул. Ленина, 20а